Администрация Южского муниципального района
Ивановское областное краеведческое общество
Шуйская епархия Русской Православной церкви
Приход Смоленской иконы Божией Матери в с. Старая Южа

ПОЖАРСКИЙ ЮБИЛЕЙНЫЙ альманах

Выпуск № 8

К 80-летию лаковой миниатюры Холуя

Иваново – Южа
2014

УДК 947.031.5
ББК 63.3(2Р-4)
П 463

П 463 Пожарский юбилейный альманах: Вып. 8 // К 80-летию лаковой миниатюры Холуя / Ред.-сост. М. Б. Печкин. Иваново: ООО «ИИТ «А-Гриф». 2014. – 144 с., 8 с. ил.: ил.
ISBN 978-5-900994-20-8

Пожарский юбилейный альманах №8 составлен по материалам научных докладов и сообщений, прозвучавших на IX Пожарских Неопалимовских чтениях, проходивших в г. Юже 5-6 ноября 2013 года. Инициативу проведения, организацию и финансирование чтений взяла на себя Администрация Южского муниципального района. Неоценимую помощь в организации мероприятия оказывал автор идей и организатор первых восьми чтений в Юже настоятель храма Смоленской иконы Божией Матери в с. Старая Южа иерей Алексий Лихачёв. С каждым годом расширяется география участников традиционного краеведческого форума. Чтения объединили представителей Москвы, Санкт-Петербурга, Ивановской, Владимирской, Нижегородской, Костромской, Ярославской областей. Тематика докладов самая разнообразная и многогранная. Учитывая, что в 2014 году отмечается 80 лет лаковой миниатюре Холуя, первый раздел альманаха посвящён истории, культуре и искусству Холуя. Второй раздел – «Проблемы изучения Смутного времени». Третий – «История Южской земли и смежных с ней». Четвёртый – «Сохранение духовной культуры». Пятый – «Природа Южской земли».

Настоящий выпуск осуществляется благодаря финансовой поддержке Администрации Южского муниципального района, других благотворителей, при организационной помощи настоятеля храма Смоленской иконы Божией Матери о. Алексия Лихачёва.

Научный редактор сборника – доктор исторических наук, профессор ИвГУ К. Е. Балдин.

В сборнике встречаются следующие сокращения:
ВГВ – Владимирские губернские ведомости
ВГСК – Владимирский губернский статистический комитет
ВЕВ – Владимирские епархиальные ведомости
ВСМЗ – Владимиро-Суздальский музей-заповедник
ВУАК – Владимирская учёная архивная комиссия
ГАВО – Государственный архив Владимирской области
ГАИО – Государственный архив Ивановской области
ГАХО – Государственный архив Харьковской области
ГИМ – Государственный Исторический музей
ГРМ – Государственный Русский музей
МОИДР – Московское общество истории и древностей Российских
НГСК – Нижегородский губернский статистический комитет
ОИДР – Общество истории и древностей Российских
ООПТ – Особо охранаемая природная территория
ОР ГТГ – отдел рукописей Государственной Третьяковской галереи
РГАДА – Российский государственный архив древних актов, г. Москва
РБС
ПСРЛ
РГИА
СПФ АРАН
НГУАК
ИГАСУ – Ивановский государственный архитектурно-строительный университет

ISBN 978-5-900994-20-8

УДК 947.031.5
ББК 63.3(2Р-4)

© Администрация Южского муниципального района, 2014
© Текст авторского коллектива, 2014
© Составление и оформление М. Б. Печкин, 2014

Раздел I

История, культура и искусство Холуя

М. Б. Печкин

Лаковой миниатюре Холуя – 80 лет

В 2014 году лаковой миниатюре Холуя исполняется 80 лет. Свой путь в искусстве бывшие холуйские иконописцы нашли не сразу. После революции, когда иконописные мастерские и школа иконописания закрылись, неоднократно предпринимались попытки объединить оставшихся без дела мастеров. В 1919 году создаётся артель «Рабис» (работники искусства), имевшая четыре отдела, основная часть базировалась в здании бывшей иконописной школы. Главным организатором и руководителем был Зарин Евгений Алексеевич, художники расписывали металлические подносы, деревянные токарные изделия, в небольших количествах продолжали писать иконы. Здесь же проводилось обучение молодых художников. В полном объёме артель просуществовала недолго. В 1924 году образовалась новая организация, артель «Кисти», председателем избрали Мокина С. А. Мастера расписывали деревянные изделия, работы продавались плохо, художники решили подзаработать на промывке и реставрации росписи храмов. Власти отнеслись к такой работе резко отрицательно. Артель распалась, об иконописи больше никто не помышлял.

Иконы продолжали писать только дома в частном порядке, можно сказать, тайно. Многие мастера стали вступать в работавшую стабильно мстёрскую артель, писали масляными красками «коврики» на холсте. В 1931 году в Холуе открывается филиал мстёрской артели, объединивший 16 мастеров. Руководил филиалом Баранов Дмитрий Павлович, практически все художники занимались росписью ковриков. В это время искусство Палеха завоевало признание далеко за пределами страны, Мстёра также уверенно работала в области лаковой миниатюры. Успехи бывших иконописцев из соседних сёл заставили призадуматься о дальнейшей судьбе. Вот что вспоминает о первых шагах лаковой миниатюры Холуя Костерин К. В.: «Мне пришлось побывать во Мстёре, посмотреть на их первые творческие работы (в миниатюре), и вот это заставило призадуматься о своём творческом пути. Палех гремит своими произведениями, и Мстёра начинает свои искания, а разве мы, холуйцы, не сможем стать на тот же путь? Чувствую, что можем сделать не хуже. Мокин С. А. в это время работал во Мстёре, и вот я ему предложил: «Сергей Александрович, давайте и мы начнём свои пои-

ски.» ...Об этом поставили в известность Д. П. Баранова. Он дал своё согласие, поддержал нашу идею. Приехал в Холуй, рассказал о своих планах начать работу на папье-маше, некоторые поддержали эту идею, а некоторые мастера отнеслись отрицательно...»[1] Первые холуйские миниатюры были написаны в 1932 году Костериным К. В., Мокиным С. А., Добрыниным Д. М. Работы направили в институт художественной промышленности, отзывы к радости художников получили положительные, в частности, от профессора Бакушинского А.В.: «К опытам холуйских мастеров наше отношение в общем положительное. Это те, мне кажется, здоровые и своеобразные корни, из которых можно выгнать очень интересное и неплохое растение. Я очень советую опыты продолжать».[2] Одобрение способствовало привлечению к миниатюре новых мастеров. Холуйские художники мечтали о своей независимой артели, обращались в вышестоящие организации.

И вот решением облисполкома холуйская художественная артель создаётся, её устав зарегистрирован Южским райисполкомом 1 июня 1934 года. Эта дата считается временем рождения Холуйской лаковой миниатюры, хотя, как мы видим из истории, первые опыты в этом искусстве были сделаны раньше. Руководителем артели избрали бывшего иконописца, ученика Н. Н. Харламова, Дмитрия Павловича Баранова. Практически сразу после основания организации к работе подключился Пузанов-Молёв В. Д., став одним из основоположников лаковой миниатюры Холуя. Артель с первых шагов начала активную творческую деятельность. В 1934 году в Иваново приезжали челюскинцы[3], холуйским мастерам поручили изготовить подарки для героев. В том же году артель успешно выступила на областной выставке. В 1935 году была выставка художественной промышленности в Москве, холуйские мастера представили живопись маслом и лаковую миниатюру. Успех на выставке способствовал выделению Всекопромсоветом денег на оборудование и библиотеку, при артели открыли «Школу бригадного ученичества», обучали в ней живописи маслом, миниатюра преподавалась как дополнительная дисциплина. В те годы основная масса художников, 18 мастеров, расписывали «коврики» и только четверо занимались лаковой миниатюрой. В 1937 году на Всемирной выставке в Париже артель получила бронзовую медаль. Несмотря на международный успех, миниатюрой продолжали заниматься практически только основоположники. В период с 1937 по 1939 годы артель выполнила несколько заказов стенной росписи. Под руководством Костерина К. В. работали над оформлением стен санатория Наркомтяжпрома СССР в городе Сочи, театра народного творчества в Москве, Дворца пионеров в Иванове и магазина Художественной промышленности в Москве. Монументальные росписи получили хорошую оценку искусствоведов и позволили артели заработать неплохие деньги. По рекомендации Дома архитекторов в 1940 году был заключён договор с администрацией Большого театра СССР о реставрации внутренней росписи театра. Но началась война, выполнение работ отложили. В начале 1941 года артель насчитывала 65 мастеров, многие из них ушли на фронт. В начале войны художественная продукция была не нужна, оставшиеся в артели пожилые мужчины и женщины ходили в колхоз убирать сено и на другие работы.

В 1942 году ситуация немного улучшилась, на промысел приехала комиссия Комитета по делам искусства при Совете Министров РСФСР и Ивановского облисполкома. Провели собрание, настроили всех на выполнение художественных работ. В 1943 году, с выходом постановления СНК РСФСР №128 от 7 февраля «О мерах по востановлению и развитию народных художественных промыслов в РСФСР», ситуация намного улучшилась. Постановление охватило всеобъемлющие меры, в областях создавались группы из 2-3 человек по руководству художественными промыслами, выделялись деньги на создание фонда образцов, приобретение оборудования, закупку сырья и материалов. Областные и краевые исполкомы и совнаркомы АССР были обязаны в месячный срок вернуть специалистов и мастеров по художественным промыслам в артели по месту их прежней работы. В Холуйскую артель стали возвращаться художники, многие продолжали работать над росписью ковриков, не желая бросать приносящее хороший доход дело. Решительный шаг в сторону лаковой миниатюрной росписи сделали, открыв в 1943 году Холуйскую художественную профтехшколу, главной задачей которой стала подготовка художников-миниатюристов. Первый выпуск состоялся в 1947 году, пришедшие на промысел молодые мастера писали как миниатюру, так и коврики, популярность которых оставалась ещё довольно высокой. Но качественный и количественный шаг в сторону росписи на папье-маше был сделан, если в 1944 г. миниатюру писали шесть художников, то в 1948 г. уже тридцать. В начале 50-х годов артель полностью перешла на лаковую миниатюру. Часть мастеров, не захотевших работать темперными красками, писали на шкатулках копии с картин Шишкина,

Художественный совет

Айвазовского, Васнецова и других художников масляными красками, получались работы, схожие с федоскинскими. К слову сказать, группа мастеров писавших маслом на шкатулках, просуществовала до 1985 года, на художественной фабрике их звали «маслята».

Период 50-60-х годов стал решающим в создании стиля холуйской лаковой миниатюры, заслуга в этом принадлежит второму поколению художников. Именно они: Белов В. А., Бабурин Н. И., Денисов Н. Н., Киселёв Б. И., Тихонравов Б. В., Живностка Л. М., Ивакин П. И., Фомин В. И. и ещё ряд художников, обобщив поиски основоположников, смогли найти то идеальное, которое можно считать стилем. Белов В. А. вспоминает об этом периоде: «...В это время появилась смелость писать по чёрному фону. С. А. Мокин в начале поиска своего холуйского стиля смело использовал чёрный фон. Другие художники чёрный считали палехским, белый фон прозвали мстёрским... Наши корифеи не придумали ничего лучше, как писать по палевому фону и объявить, что стиль, а вернее, направление холуйского письма отличается от других только цветом фона... Мы, молодые, думали по-другому. Палехское письмо будет палехским на любом фоне. Палех отличается не фоном, а своим живописным языком. То же можно сказать о Мстёре, Федоскино и других школах живописи...»[4]

В конце 60-х годов на художественной фабрике открывается молодёжная творческая группа, которую называли ещё экспериментальной, возглавил группу Белов В. А. В то время по-настоящему творчеством занимались около десяти художников, остальные были копиистами. Владимир Андреевич сумел воодушевить молодых, начинающих свой творческий путь мастеров на поиск новых тем, на раскрытие образов в создаваемых миниатюрах. Работу творческой группы можно назвать отправной точкой в дальнейшем развитии холуйского искусства. Художественная фабрика постепенно набирала обороты, выпуск высокохудожественной миниатюры увеличивался. Труд художника ценился высоко, в 1966 году Белов В. А. и Денисов Н. Н. были награждены орденом Ленина, Бабурин Н. И. орденом «Знак почёта», Киселёв Б. И. орденом «Трудового красного знамени». Такое внимание государства к творческим людям, художникам-миниатюристам повышало авторитет профессии. Следующие десятилетия, 70-80-е годы, оказались в развитии Холуйской лаковой миниатюры наиболее плодотворными. В это время продолжают активную творческую деятельность уже ставшие знаменитыми художники второго поколения. В полную силу заявило о себе третье поколение мастеров: Митяшин П. А., Ёлкин В. А., Сотсков А. Н., Морозов А. А., Седов В. Н., Смирнов А. А., Харчев Б. В., Лапшин Н. М., Швецов Н. М., Бабаев В. С., братья Веселовы Виктор и Михаил, и это далеко не полный список. На промысле появилась группа сильных художников, получивших образование в Москве: Милюшина Т. Л., Печкина И. С., Пантелеймонова Н. А., Панова Е. Б. и закончивший Ивановское художественное училище Теплов С. В. На предприятии существовала отлаженная система, работали четыре бригады копиистов и большая творческая группа, попасть в которую было престижно. Самое главное, существовал устойчивый спрос на лаковую миниатюру, большая часть продукции шла на экспорт.

Очень важную роль в развитии промысла играл Научно-исследовательский институт художественной промышленности, имевший в своём штате опытных искусствоведов. Те, в свою очередь, регулярно приезжали в Холуй с лекциями и беседами, писали о художниках статьи и книги. Часто бывала здесь Людмила Константиновна Розова, автор одной из лучших книг о промысле.[5] Много внимания уделял Холую известный искусствовед Коромыслов Б. И., его коллега Соловьёва Л. Н., внимательно изучив историю и творчество холуйских художников, написала обстоятельный труд «Холуй. Лаковая миниатюрная живопись», в котором рассматриваются три поколения мастеров, внимательно анализируется творчество каждого. В те годы внимание института некоторыми художниками воспринималось как вмешательство в дела промысла, сейчас, когда нет ни института, ни искусствоведов, кроме оставшейся практически в одиночестве Пироговой Людмилы Леонидовны, продолжающей активно пропагандировать искусство лаковой миниатюры, смотрится всё по-другому. Институт, кроме всего, делал закупки лучших творческих работ, попасть в его коллекцию было почётно и приносило неплохой доход.

Веселов М. М. «Худсовет». Лаковая миниатюра

Регулярно производил закупки музей искусства Холуя и другие музеи, столичные и областные. Магазин «Берёзка», художественные салоны, магазины сувениров, – везде миниатюра имела спрос. Художественный совет предприятия за одно заседание принимал не один десяток работ. Требования к творческой миниатюре предъявлялись очень высокие. Споры об искусстве порой достигали повышенного градуса напряжённости. Творческая группа, хоть и состояла из людей, разных по характеру и темпераменту, была довольно дружной. К ним часто заходили художники старшего поколения, смотрели незаконченные миниатюры, подсказывали. Вспоминали минувшие дни, рассказывали об истории села. Такое общение трудно переоценить, его можно назвать единством поколений. Стабильность была во всём, долгое время художественной фабрикой руководил Каморин Анатолий Александрович, при нём были построены новые корпуса художественных мастерских, жилые дома для художников, модернизировано производство, изданы книги. Главным художником работал Новосёлов Б. К., его стараниями качество работ массового цеха всегда было на самом высоком уровне. Фабрика с успехом участвовала во многих отече-

ственных и международных выставках. Творческая группа росла, всё больше художников добивались значительных результатов в искусстве миниатюрной живописи. Но для того, чтобы вступить в Союз художников России, приходилось обращаться в палехскую организацию. Все выставкомы, художественные советы, организационные мероприятия проходили в Палехе. В создавшейся ситуации назревал вопрос о создании собственного отделения Союза художников. Сколько сил, энергии и времени было потрачено для осуществления этой мечты, перечислить невозможно. Писали письма, встречались с чиновниками, доказывали свою правоту и необходимость самостоятельности, и вот 18 февраля 1988 года (свершилось!), было официально зарегистрировано холуйское отделение общественной организации «Союз художников России». В скором времени у союза появилось своё здание на правом берегу реки Тезы. Всем миром сделали ремонт, вставили окна, поправили двери, покрасили, сделали систему отопления. В этом доме проходили художественные советы, выставкомы, встречи гостей, юбилеи художников. Первым председателем холуйского отделения стал Митяшин Пётр Андреевич. Появление новой организации в Холуе не все приняли с восторгом. Художественная фабрика разом потеряла свои лучшие творческие силы. Период разногласий продолжался около двух лет, затем всё успокоилось.

В конце 80-х – начале 90-х годов активно заявляет о себе четвёртое поколение художников. Среди них Захаров С., Живностка В., Дмитриев С., Грачёв Е., Комаров М., Девяткин С., Блинов В., Никонов Л., Галда Н., оговоримся, что это неполный список художников. В 1994 году ряду мастеров было присвоено звание «Народный мастер»: Бабаевой Л., Карлову В., Добрину Е., Добриной А. Н., Бабаркину А., Колесову В.

На рубеже веков начали происходить кардинальные изменения на промысле. С «открытием» границ в нашем государстве лаковая миниатюра стала пользоваться повышенным спросом. Холуй наводнили торговцы, скупающие миниатюру большими партиями, платили неплохую цену, меняли шкатулки на колбасу и телевизоры, могли привезти всё, что угодно. Никакого особенного качества не требовалось, на шкатулках появлялись герои мультфильмов, «новые русские» в бане и где угодно. Рынок стал диктовать и хозяйничать на промысле. Одобрения художественного совета не требовалось, шкатулки стало легче продавать помимо художественной фабрики. Миниатюру писал кто угодно и где угодно, подделка наводнила рынок. Иностранцы покупали её из-за более дешёвой цены, а через год шкатулки разваливались, «живопись» трескалась. Всё это негативно сказалось на имидже миниатюры. Постепенно ажиотажный спрос на миниатюру пропал, сегодня он на очень низком уровне, при этом подделка осталась, борьбу с ней мы проигрываем и сейчас. Особенно тяжело в современных условиях приходится предприятиям народных художественных промыслов, таким как наша Холуйская художественная фабрика. На предприятии менялись директора, форма собственности, название, но стабильности не было, число работников неуклонно сокращалось, существовала опасность закрытия фабрики. С приходом на производство в 2008 году в каче-

стве директора Кузнецова Дмитрия Евгеньевича ситуация стабилизировалась. Фабрика вступила в Ассоциацию народных художественных промыслов России, строятся планы по оснащению производства новым оборудованием, в скором времени появится выставочный зал. Перемены к лучшему заметны, хотя даются они очень тяжело. В 2004 году в Холуе появилась ещё одна организация по выпуску лаковой миниатюры – ООО «Русская лаковая миниатюра». Возглавляет её Чиркин Владимир Александрович, ему удалось создать фактически с нуля прекрасно оснащённое производство, работающее на современном уровне. За короткий срок существования у организации появился авторитет среди любителей и знатоков лаковой миниатюры.

Одной из главных проблем в последние годы является отток из профессии, к сожалению, всё больше художников-миниатюристов переходят на иконопись и храмовые росписи. Причина носит экономический характер, на икону есть спрос, а на лаковую миниатюру он не стабилен. Самым молодым художникам, всерьёз занимающимся миниатюрной живописью как искусством, сейчас около пятидесяти лет. Впервые произошёл разрыв между поколениями. В начале века должно было появиться пятое поколение художников, но в ожидаемом объёме его нет. На художественной фабрике существует творческая группа, в неё входит ряд молодых мастеров, однако интенсивность творческого процесса по сравнению с прежними годами низкая. Есть художники, работающие на промысле самостоятельно от художественной фабрики. В своих домашних мастерских трудятся семейные пары: Копиенко Александр и Ольга, Архиповы Михаил и Екатерина, Власовы Евгений и Светлана, Потурайко Владимир и Лариса. Каждая семья имеет свой художественный почерк и тематические предпочтения. Кроме них можно назвать ещё ряд талантливых художников, работающих самостоятельно. Например, Алёна Шачкова, которая при прежней системе и оценке творческого труда могла бы добиться значительных результатов. Но работа над случайными заказами и без должной оценки художественного совета не позволяет молодым мастерам создавать выставочные произведения искусства, их талант распыляется. Миниатюру необходимо спасать, нужно создавать условия на художественной фабрике для группы молодых художников, заинтересовывать их материально. Помогать в творчестве, пока ещё есть художники, способные на своём опыте преподать уроки высокого искусства. Без государственной помощи здесь не обойтись. Все мы понимаем, что искусство лаковой миниатюры не должно погибнуть, оно прочно вошло в сокровищницу мировой культуры. Нужно с оптимизмом смотреть в будущее и делать всё возможное для сохранения и развития этого замечательного искусства.

1. Рукопись воспоминаний К. В. Костерина. Архив музея искусства Холуя.
2. Стариков В. В., Гузнов М. А. Искусство Холуя, Ивановское книжное издательство, 1959. С. 11.
3. Участники арктического рейса на пароходе «Челюскин», в 1933-1934 гг., раздавленном льдами, и спасенные лётчиками, ставшими первыми Героями Советского Союза.
4. Печкин М. Б. Холуй. Иваново. 2004. С. 108
5. Розов Л. К. Искусство холуйской миниатюрной живописи. «Художник РСФСР», Ленинград, 1970.

М. М. Якушкина

Материалы к истории села Холуй в первой половине XIX века

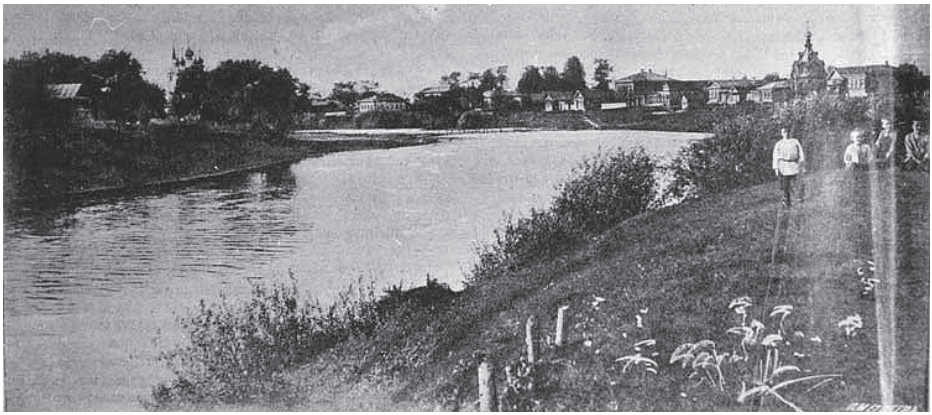
(по документам ф. 357 Соковниных-Бобринских в отделе письменных источников Государственного Русского музея)

В начале XIX века часть села Холуй перешла во владение надворному советнику Прокофию Федоровичу Соковнину (24 июня 1786 – 2 декабря 1819). Он происходил из одного из древнейших родов Германии баронов Мейендорф-Искюль. Переселившись в Ливонию в 1198 г., по названию замка Искюль получили прибавку к фамилии. Барон Иоганн фон-Искюль выехал из Ливонии к Ивану IV Грозному, принял крещение под именем Фёдора Ивановича. Его сын Василий Федорович, полковой голова, в 1552 г. носил прозвание Соковня, перешедшее в фамилию. Соковнины в разное время традиционно находились на государевой службе, бывали воеводами, присутствовали при встрече иностранных послов, свадьбах и погребениях царей и патриархов. Прапрадед владельца с. Холуйской слободки, Прокофий Фёдорович (ум. 1662 г.) успел за свою долгую жизнь послужить: воеводой в Мезени и в Кевроле (1624-1626 гг.), Енисейске (1634-1636 гг.), посланником в Крыму (март 1631 г.). Участвовал в земском соборе 3 января 1642 г. На свадьбе царя Алексея Михайловича 16 января 1648 г. шёл за государыниными санями. Будучи пожалован в окольничьи (17 марта 1650 г.), 5 апреля 1652 г. встречал гроб патриарха Иова. Как наместник Калужский 5 июля 1652 г. был в ответе с литовскими послами, затем в бытность государя на Польской войне в 1654-1656 гг. под Смоленском оставался при царице Марии Ильинишне. Имя Прокофий стало в роде наследственным.

Представители рода знали взлёты и падения: прадед П. Ф. Соковнина, Фёдор Прокофьевич, стольник (1648 г.), окольничий (1676 г.), с 29 июля 1682 г., боярин, дворецкий царицы Марии Ильиничны и думный дворянин (1670 г.) был без лишения звания сослан 20 марта 1697 г. в дальние деревни с воспрещением отлучки. Пострадал он за преступления брата окольничего Алексея Прокофьевича, казнённого 4 марта 1697 г. за участие в заговоре против Петра I. Его сёстры боярыня Федосья, в замужестве Морозова (1632-1675), и княгиня Евдокия, в замужестве Урусова (1635-1675), скончавшиеся в застенке, стали знаменем раскола в России. В ОПИ ГИМ отложились материалы, связанные с хозяйственно-имущественными отношениями Соковниных и Хованских. Прошение на Высочайшее имя коллежских ассесоров Государственной иностранной коллегии братьев Сергея[1] и Прокофия Фёдоровичей Соковниных от января 1808 г. связано с разделом недвижимого имущества, оставшегося после родителей: отца – лейб-гвардии поручика Измайловского полка Фёдора Прокофьевича Соковнина (6 ноября 1729 – 11 мая 1794) и матери Марии Сергеевны, урожд. Кропотовой (18 февраля 1763 – 18 ноября 1792). Малолетние дети и их недвижимые владения в Орловской, Курской, Пензенской, Симбирской и

Московской губерниях до 11 апреля 1804 г. находились под опекой бабушки гвардии подпоручицы Натальи Александровны Кропотовой. Прошение о разделе владений было подано братьями «поговоря между собою полюбовно» с целью «соблюдения братства и к продолжению доброй дружбы». «Недвижимое с людьми и со крестьяне имущество», а также московские дома были разделены поровну.[2] Раздел имущества, утверждённый 5 февраля 1808 г., был напрямую связан с женитьбой 1 сентября 1807 г. П. Ф. Соковнина на дочери кн. Василия Алексеевича Хованского[3] Софье Васильевне (2 мая 1788 – 22 мая 1812).

Княжеский род Хованских в России один из знаменитейших, тесно связан с именем освободителя Отечества князя Дмитрия Михайловича Пожарского, поскольку его сестра Дарья Михайловна была замужем за князем Никитой Андреевичем Хованским (ум. 1608 г.). Хованские владели Пестяковской вотчиной, находившейся неподалёку от с. Холуйской Слободки, принадлежавшей князю Пожарскому и его потомкам. В результате нескольких последующих браков в течение XVIII веке роды Хованских и Соковниных породнились между собой.[4] Брак Василия Алексеевича Хованского, прапраправнука Д. М. Хованской, с Екатериной Петровной Нарышкиной (1757-1795) привел к переходу части владений рода Пожарских – с. Холуй роду Хованских. Эти земли достались Екатерине Петровне по наследству от матери Прасковьи Васильевны Нарышкиной (урожд. Репниной, ум. 1793 г.), жены гвардии майора Петра Петровича Нарышкина (ум. 10 мая 1782 г.) и сестры видного российского фельдмаршала Николая Васильевича Репнина (1734-1801). Кн. Репнины получили часть с. Холуйская Слободка по прямому родству с угасшим родом кн. Пожарских. Владельцем соседней Южской вотчины в конце XVIII – начале XIX вв. был брат Екатерины Петровны Нарышкиной действительный тайный советник и сенатор Петр Петрович Нарышкин (1764-1825), женатый на Екатерине Николаевне Опочининой (1766-1851).[5] Таким образом с. Холуйская Слободка досталась Соковниным как приданое княжны С. В. Хованской, бывшее ранее приданым её рано умершей матери Екатерины Петровны. В Тихвинской церкви с. Холуй хранились вклады семьи Хованских: серебряная дарохранительница с надписью: «Сия дарохранительница сооружена попечением армии бригадира



князем Василием Алексеевичем Хованским в церковь Тихвинския Богоматери села Холуйской слободы в 1791 году апреля 1 дня» и сребропозлащенный чеканный потир весом 3 фунта и 57 золотников, при нём дискос и звездица с надписью: «Сей дискос чашу и звезду подали Киевский вице-губернатор Василий Алексеев князь Хованский с супругой Катериной Петровной 1794 году».[6] Последний вклад датируется годом смерти Е. П. Нарышкиной. В её память все старшие дочери в семьях княжён Хованских: Натальи, в замужестве Булгаковой (1785-1841), Софьи и Прасковьи, в замужестве Обресковой (1786 - 3.05.1851), носили имя Екатерина.

Атмосфера повседневной жизни и бытовые подробности жизни семьи молодых Соковниных нашли отражение в переписке братьев Александра[7] и Константина[8] Яковлевичей Булгаковых.[9] Семьи Хованских, Соковниных, Булгаковых, а чуть позднее и Обресковых[10] постоянно общались между собой. Александр Булгаков брату писал 18 июня 1808 г.: «Мы ездили с Хованскими обедать в Очаково, к Нарышкиным, то есть к Опочининой (владелица Южской вотчины – *М.Я.*). Весело провели день, гуляли, прыгали, пели, танцевали. Мне было ловко приволакиваться, мужа Соковниной не было, он боится, чтобы я не догадался, что он ревнив, а жену шельма каждый день бранит за меня потихоньку. Ты не поверишь, как Сонюша интересна. Мы большие друзья. Я ей открыл часть моих секретов, а она свои мне».[11] Одной из тайн Александра Булгакова было его увлечение Натальей Васильевной Хованской, на которой он вскоре женился. 23 июня 1808 г.: «Софья уехала с мужем и Полиною к Троице Богу молится, а Наталья будет их, вероятно, оплакивать. Наш сегодняшний обед удался, это было прелестно и я сему удивляюсь, ибо Хованских не было».[12] В молодых семьях рождаются дети. 25 февраля 1809 года у Соковниных родилась дочь Екатерина[13]. 5 марта 1811 г. Александр Булгаков, сообщая брату Константину из Москвы о рождении 1 марта своей первой дочери Екатерины, пишет об удивительном совпадении: «На другой день мы принимали поздравления всех родных. Выхожу я в переднюю, посылаю Акима с радостным известием к родным. «Зайди, – прибавляю, – к Соковниным». Вижу их человека, спрашиваю: «Зачем?». «Меня прислал, – говорит, – Прокофий Федорович сказать вам радость свою: Софья Васильевна родила дочь Марию». Софья родила в семь с половиной часов, а Наташа в восемь. Какая радость будет князю. Мы послали ему эстафету».[14]

22 мая 1812 г. родами скончалась С. В. Хованская: «Несчастие, которого мы опасались, свершилось: Софья Васильевна, после больших мучений, продолжавшихся семь дней, скончалась в прошлую среду в три часа ночи. Вся семья погружена в печаль, весь город ее разделяет. Больно видеть 24-летнюю женщину, здоровую мать троих детей, оставляющую свет».[15] Новорожденная дочь была крещена Софьей.[16] В прошении от 9 августа 1812 г. о разрешении ему опеки над малолетними дочерьми П. Ф. Соковнин пишет: «Сего 1812 года майя 22 дня к крайнему нещастию моему супруга моя Софья Васильевна, урожденная княжна Хованская волею божию скончалась: недвижимое имение после ее покойной осталось Владимирской губернии Вязниковской округи в селе

Холуйской слободе».[17] Все доходы, получаемые от с. Холуйской слободы, должны были идти только на воспитание его малолетних дочерей: в августе 1812 г. старшей Екатерине было 3 года 4 месяца, Марии – 1 год 6 месяцев[18]; Софии – всего 3 месяца. Разрешение об опеке было получено 10 марта 1813 г., между тем многие из владений В. А. Хованского, в том числе те, которые пошли в приданое его дочерям, были заложены в Опекунский совет Воспитательного дома в Москве. Среди них и часть с. Холуй (382 м. душ.) за 26740 рублей. Причину сложного материального положения тестя А. Булгаков объяснял тем, что «князь запутался в своих суконных поставках». Кроме того, Соковнин просрочил платёж процентов по Холуйской вотчине 13 сентября 1812 г. «по поводу смутного в Москве положения и нашествия неприятеля»[19]. После французов был разорён и московский дом Соковниных. 9 января 1814 г. надворный советник Прокофий Соковнин обратился с прошением к императору Александру I: «В нашествие в Москву неприятельских французских войск сожжен дом мой, состоящий в арбатской части, в оном же моем доме созжены или разграблены на вотчины мои обще и брата моего роднаго, служащего ныне в Иркутском гусарском полку порутчика Сергея Федоровича Соковнина Московской губернии, да и на прочие мои и реченого брата моего вотчин крепости, данные в присудственых местах с разных наших дел, с решительных определений, выписей, копий, планы, межевые книги, рекрутские и платежные квитанции».12 января 1814 г. была получена резолюция Московской управы благочиния на восстановление документов.[20] Сам Соковнин с малолетними дочерьми вынужден был временно переехать в с. Никольское Кашинского уезда Тверской губернии.[21] Приведение в порядок всех дел требовало согласования с семьёй Хованских. 27 апреля 1815 г. Соковнин получил для ведения дел в разных инстанциях доверенность, которую подписали: «Отставной обер-прокурор и кавалер князь Василий княж Алексеев сын Хованский, коллежская советница Наталья Васильева Булгакова, кавалергардского полка штаб-ротмистра Василия Александрова сына Обрескова Прасковья Васильева урожденная княжна Хованская».[22]

По слабости здоровья, Прокофию Фёдоровичу было предписано лечение на водах во Франции, куда он и уехал в мае 1815 г. Можно предположить, что ухудшение его самочувствия было связано со смертью в 1814 г. не дожившей до 4-х лет дочери Марии. В опекунском отчете за 1815 г. указаны две дочери: Катерина 6 лет и София 4 лет.[23] В декабре 1819 г., пережив жену на семь лет, он скончался в том же доме в Москве. К. Булгаков писал брату 4 декабря: «Соковнина ты уже не застанешь. Четвертого дня он за мной посылал, с час у него сидел, говорили о многом, даже о приближающейся его кончине, и он совершенно был покоен. На другой день, то есть 2-го числа, рано утром призвал он всех своих людей, с каждым простился особливо, потом исповедовался, причастился, и около 4-х часов после обеда и жизнь кончил как добрый христианин. Вечная ему память. Перед кончиной сказал он доктору, выходя из забытья: «Я видел рай, и меня в него так и поволокло. Бедный Сергей крепится, но это только наружная бодрость: он в отчаянии».[24] В траурном билете значилось: «Сергей Федорович Соковнин с душевным прискорбием объявляет о кончине брата сво-

его Прокофия Федоровича Соковнина последовавшей сего 1819 года декабря 2-го числа по полудни в 3 часа с половиною; вынос и отпевание телу будет сего декабря 5-го числа утром в 9-том часу в приходскую церковь Вознесения Господня, что на Малой Никитской, а погребение в Андроньевом монастыре».[25] 19 мая 1819 г. П. Ф. Соковнин составил верющее письмо на имя брата Сергея, в котором перепоручал ему все свои имущественные дела, и первым пунктом их было обепечение дочерей. «По случаю отсутствия моего в чужие края, прошу вас, оставших после покойной супруги моей Софии Васильевны Соковниной, урожденной княжны Хованской, малолетних дочерей моих Екатерину и Софию Соковниных принять в воспитание, обучение и прочее попечение ваше, так и Вязниковское недвижимое их имение, состоящее в Вязниковском уезде, в коем по нынешней 7-й ревизии 424 мужеска пола души, принять в полное ваше управление и распоряжение, доходы с онаго получать и в пользу малолетних употреблять и распоряжать, и как я над означенными дочерьми моими и имением их по указу московской дворянской опеки есть опекун, то в небытие меня в помянутую опеку годовые отчеты вместо меня подавать и к ним руку прикладывать.[26]

Руководствуясь завещанием брата С. Ф. Соковнин уже 7 декабря 1819 г. начинает оформлять опеку над малолетними дочерьми умершего брата, однако он желал «быть независимым от опеки», то есть не согласовывать каждый свой шаг с Московским дворянским советом, ссылаясь на исключение из правил – опеке над несовершеннолетним гр. Д. Н. Шереметевым.[27] На это прошение ему было разъяснено, что «по особенному уважению к фамилии графов Шереметевых, опекуны и попечители утверждаются самим Государем, но и они отдают отчеты после и получают разрешение от правительствующего Сената».[28]

По смерти П.Ф. Соковнина были составлены подробнейшие описи всех вотчин и его московского дома, сохранившегося до настоящего времени по ул. Малая Никитская, д. 12. Среди семейных реликвий в нём были иконы: маленький образ Василия Блаженного, с тремя золотыми венчиками; образ святой великомученицы Софии, риза серебряная вызолоченная; «кольцо с печатками и ключиками покойного Прокофия Федоровича; портрет Прокофия Федоровича в золотом медальоне; табакерка золотая осмиугольная с голубой эмалью княгини Катерины Петровны, с коей положен портрет ее же, кольцо и волосы и письмо ее руки, еще крестик золотой».[29] С.Ф. Соковниным ещё при жизни брата была заведена «Книга приходу и расходу государя Прокопия Федоровича, вновь заведенная, сумм малолетних Екатерины Прокофьевны и Софии Прокофьевны со 2 декабря 1819-го и 1820-го года».[30] Документ свидетельствует о покупке одежды, книг и других учебных пособий для подраставших девочек, оплате мадам и мамзель за обучение французскому и аглицкому языкам, танцмейстеру и т.д. Особой строкой отмечаются поездки в Троице-Сергиеву Лавру, для чего детям выдавались на руки деньги для самостоятельных пожертвований. После обеда с С.Ф. Соковниным 20 мая 1820 г. Константин Булгаков писал брату: «Вчера у меня обедал Соковнин. На конце смерти своей Прокофий присылал за мной, хотел о чем-то просить, но видно не мог вспомнить и подарил мне бутылку вина, которую непременно велел брату своему положить ко мне в сани. Эта бутылка у меня хранилась до сих пор и вчера мы ее распили. Самый приличный случай. Ты знаешь, я его сперва не очень жаловал, но совершенно с ним примирился и стал его уважать во время болезни Прокофия и по смерти его. Он истинно любил его, так, как теперь редко любят, то есть по-нашему».[31]

Ниже нами публикуются два отчёта по Холуйской вотчине за сентябрь 1813 г., составленный после 6-й ревизии 1811 г.[32] и от 4 марта 1818 г., поданный после 7-й ревизии 1815 г.[33] Порядок составления списков крестьянских хозяйств в двух отчётах свидетельствует, что они составлялись начиная с разных концов села. Первый представляет собой подворный список лиц обоего пола по данным шестой ревизии и родившихся после неё. Во втором помимо сведений о составе населения вотчины представлены описания хозяйств, в т. ч. имевшиеся строения, скот (коровы, свиньи, лошади, в одном случае коза), птица (куры, реже гуси и утки). На указанное время в вотчине фиксируются фамильные прозвища: Безтемьянниковы, Богдановы, Бормотовы, Горбуновы, Денисовы, Добрынины, Дьяковы, Ивановы, Кирьяновы, Кособрюховы, Кощеевы, Кучумовы, Ларевы, Лобыревы, Мамины. Мощеевы, Новосёловы, Окорочковы, Пурецкие, Салаутины, Сватовы, Серкины – Ивашевы, Сифковы, Тепляковы, Тренины, Хилявины (Хелевины), Чеботарёвы.[34] Показателем достатка отдельно взятых крестьянских дворов может служить наличие домов, крытых тёсом (в 6 из 172 хозяйствах), в одном случае наличествует каменный дом о двух этажах под железом, принадлежавший Трофиму Прокофьеву 32 лет (№ 120 списка на 1818 г.). У него же в хозяйстве имелось 2 коровы и 5 лошадей. Большее по сравнению со стандартом количество скота и птиц: до 4 кур и петух; одна корова; отсутствие или наличие лошади может отчасти свидетельствовать о занятиях

холуян и их достатке. Показатели по вышевыделенным параметрам в раскладе на 172 двора распределились следующим образом: 5 кур в 12 дворах; 6 – в 8; 7 – в 2; 8 – в 2; 9 – в 3;10 – в 4; 25 – в 1 дворе. По 2 коровы были у 26 семей; 3 – в 3; 4 – в 1. Лошади встречены всего в 5 хозяйствах. Значительное количество птицы является косвенным свидетельством семей иконописцев, например, отмечено у семьи Салаутиных (№1), Ивашёвых (№2), Бормотовых (№ 3, 154), Чеботарёвых (№ 28), Денисовых (№ 33). У «Ефима Иванова Мощеева отданного в извощики» (№ 92 списка за 1813 г.) кур необходимый минимум. Наличие значительного числа коров и лошадей зачастую сопровождается лишь жизненно необходимым количеством птицы (№101 – Акиндин Матвеев 64 лет с семейством по списку 1818 г.), и наоборот обилие кур (25 шт.) сопровождается отсутствием лошади (№ 24 Хилявины по списку 1818 г.). У Петра Максимова 57 лет в хозяйстве деревянная лавка на 12 рядах, крытая частию тесом и дранью (№126 согласно списку за 1818 г.). Оброчные суммы из вотчины подвозились в 1820 г. московскими купцами Мироном Тихоновым Тюляевым, Андреем Трофимовым Чернышовым, крестьянами: бурмистром Симоном Ивановым Костериным (№ 131 в списке 1818 г.), Григорием Великановым, Петром Кирьяновым, крестьянками Анной Ивановой и Матреной Андреевой. Помимо экономических реалий отчёты для опеки отражают время их написания: в отчете за 1813 год в 4-х случаях упоминаются отданные в воины крестьяне (№№ 38, 64, 99, 154), интересно, что в списке 1818 г. все воины числятся возвратившимися и с уже народившимися детьми (соответственно №№ 145, 171, 37, 91).

Приложение №1

Опись, учиненная Вязниковского земского суда заседателем Бруновым во исполнение посланного из Вязниковского уездного во оный земский суд указа каковую требует Владимирское губернское правление имения малолетних детей покойной госпожи коллежской ассесорши Софьи Васильевны Соковниной, урожденной княжны Хованской, состоящему Вязниковской округи в селе Холуйской Слободе сентября дня 1813-го года. С настоящими ныне ими летами.

В селе Холуйской Слободе крестьяне.

1. Иван Андреев Тепляков 36, у него жена Матрена Ларивонова 30; у них сын Василий 2.

2. Иван Петров Тепляков 13, у него сестра девка Марья 12.

3. Михаила Яковлева Теплякова жена Парасковья Михайлова 40; у них дети: Яков, Борис.

4.Вдова Настасья Иванова 30; у нее дети: сын Петр 4, дочь Марья 3 Федоровичи.

5. Григорий Яковлев Тепляков 35, у него жена Анна Афонасьева 35; у них дочь девка Авдотья 12.

6. Ларион Петров Кособрюхов 47, у него жена Наталья Сергеева 50; у них дети: Афонасий 22, Дмитрий 17; дочери: Надежда 19, Анна 12. У Афанасья жена Парасковья Васильева 24, сын Иван 1, дочь Александра 3 с половиной.

7. Андрей Яковлев Тепляков 55, у него жена Ирина Гарасимова 25; у них дети: Иван 5; Арсений 3, дочери Елена 7, Наталия 5, Аксиния 1 Андревы. У них сноха Авдотья Ефимова 26, у нее сын Павел 1.

8. Иван Николаев Тепляков 28, у него жена Марфа Никитина 29, у них дети: Иван 1, Димитрий недели, дочь Надежда 7.

9. После сосланного на поселение Игнатья Петрова жена Агафья Семенова 42, у нее дочь Пелагея 17.

10. Николай Сергеев Тепляков 58, у него жена Анна Петрова 57; у него сын Иван Николаев 37, у Ивана жена Надежда Тимофеева 38. У Ивана дети: Андрей 10, Петр 4, Матрена 17.

11. Степан Петров Кособрюхов 58, у него жена Парасковья Дмитрева 56.

12. Лазарь Дмитрев Лобырев 33, у него жена Пелагея Прокофьева, у них дети: Семен 9, Алексей 6, Григорей полугоду, Авдотья 11, Пелагея 2.

13. Иван Андреев Салатин 23, у него жена Татьяна Харитонова 20, у Ивана сестры: Катерина 18, Наталья 14.

14. Трофим Прокофьев Горбунов 28, у него жена Марья Самуилова 26; у них дети: Прокофей 2, Максим 1. У Трофима сестры девки: Авдотья 25, Агрофена 20.

15. Вдова Матрена Дмитрева 40; у нее дети: сын Николай Федоров 15. дочь Софья 9.

16. Дмитрей Андреев Тепляков 20, у Дмитрея жена Елисафета Ефимова 18. У него свояченица Агрофена 16.

17. Федор Семенов Дьяков 50, у него жена Анисья Петрова 45.

18. Василей Карпов Шванов 50, у него жена Авдотья Григорьева 45; у них дети: Егор 10, Анна 15, Авдотья 7.

19. Петр Максимов Кирьянов 46, у него жена Анна Андреева 29; у них сын Алексей году.

20. Иван Моисеев Кучумов 32, у него жена Парасковья Яковлева 31; у них дети: Иван году, Катерина 11, Агрофена 7. У Ивана Моисеева брат Тимофей 27, у него жена Матрена Григорьева 26; у них сын Василей году.

21. Григорей Иванов Пурецкий 47, у него жена Авдотья Михайлова 46; у них дети: сын Иван 14, дочь Марья 9.

22. Дмитрей Иванов Пурецкий 42, у него жена Агрофена Васильева 37; у них дети: Иван 11, Василей году, дочь Александра 6.

23. Петр Андреев Пурецкий 46, у него жена Любовь Егорова 46; у них дети: Иван 23, Борис 19, Петр 13. У Петра племянник Ефим Михайлов 32, у него жена Марья Васильева 25; у них дочь Анна 7. У Бориса жена Пелагея Михайлова 20; у них сын Михайла году.

24. Вдова Фекла Данилова 65, у нее внучата: Агрофена 14, Парасковья 13, Пелагея 10 Павловы дочери.

25. Андрей Степанов Кощеев 57, у него жена Катерина Иванова 53; у них зять Яков Иванов 20, у него жена Агрофена Андреева 18.

26. Дмитрей Максимов Кирьянов 50, у него жена Матрена Афонасьева 35; у него дети: Василей 9, Надежда 17, Анна 4.

27. Андрей Михайлов Денисов 46, у него жена Надежда Яковлева 45. У Андрея брат Ефим Михайлов 32, у Ефима жена Акулина Михайлова 30.

28. Вдова Анна Федорова 50; у нее дети: Глеб вдов 28, дочь Матрена 22 Степановы. У Глеба сын Александр году.

29. Петр Иванов Кособрюхов 40, у него жена Матрена Михайлова 4; у них дети: Иван 7, Ефим 4.

30.Вдова Катерина Кузьмина 56: у нее дети: Симон 28, Иван 22, Гаврила 21. У Симона жена Авдотья Андреева 26; у них дочь Марья 6. У Ивана жена Парасковья Андреева 20.

31. Девки Катерина 67, Анна 64 Афонасьевы.

32. Артемий Аврамов Добрынин 46, у него жена Анна Семенова 49; у них дети: Лев 15, Парасковья 18.

33. Иван Григорьев вдов 58. У Ивана Григорьева сноха Матрена Трофимова 24, у нее сын Василий Евграфов году. У него сын Михайла Иванов 19, у Михайла жена Анна Макарова 25.

34. Дмитрей Карпов вдов 57; у него сын Иван 25, у Ивана жена Марья Иванова 24; у них дочь Александра 4.

35. Василий Алексеев Окороков 35, у него жена Авдотья Николаева 33; у них дочери: Марья 13, Парасковья 12, Анна 3. У Василья тетка девка Арина Андреева 70.

36. Иван Иванов Сватов 30, у него жена Парасковья Матфеева 31; у них дети: Федор году, Надежда 7, Татьяна 6. У Ивана теща Марья Андреева вдова 61.

37. Михайла Афонасьев Мамин 32, у него жена Авдотья Никифорова 35; у них дети: Василей 3, Иван 7 недель, Марфа 10, Надежда 12.

38. После отданного в воины Ефима Андреева жена Афимья Афонасьева , у нее дочь Анна.

39. Василий Васильев Мамин 61, у него жена Арина Данилова 52; у них дети: Алексей 29, Андрей 18. У Алексея жена Катерина Алексеева 26; у них дети: Василей 7, Иван 5 недель, Анна 3. У Андрея жена Пелагея Дмитрева 25.

40. Василей Александров 42, у него жена Анна Абрамова 38.

41. Федор Васильев Хелевин 40, у него жена Прасковья Абрамова39; у них дети: Иван 15, Ефим 14, Анна 10, Стефанида 6.

42. Андрей Васильев 65, у него жена Катерина Федорова 64; у них сын Василей 37, у Василья жена Катерина Трифонова 36; у них дети: Алексей 7, Авдотья 5, Матрена полугоду.

43. Яков Кузьмин 49, у него жена Парасковья Андреева 47; у них дети: Иван 16, Андрей 15, Петр 9. Анна 8.

44. Иван Васильев 55, у него жена Афимья Егорова 47; у них сын Николай 29, у Николая жена Марья Яковлева 28.

45. Александр Семенов холост 47, у него сестра девка Авдотья 45.

46. Михайла Иванов 49, у него жена Настасья Васильева 47; у них дети: Сергей 24,Василей 9, Елена 19, Евлампия 14. У Сергея жена Наталья Спиридонова 27.

47. Сергей Иванов Бормотов 64, у него жена Татьяна Яковлева 50; у них дети: Иван 30, Василей 18. У Ивана жена Парасковья Степанова 30; у них дети: Федор 4, Анна 7, Марья 3.

48. Трифон Михайлов 68, у него жена Катерина Иванова 70; у них дети: Петр 42, Федор 39. У Петра жена Катерина Ефимова 37; у Петра дочери: Авдотья 10, Агрофена 6. У Федора жена Елена Никифорова 25; у них дети: Иван 12, Василией 6, Анна 10, Авдотья 6, Агрофена 3.

49. Яков Семенов Дьяков 56, у него жена Агафья Михайлова 62. У Якова свояченица Вера Михайлова 70.

50. Иван Григорьев Бормотов 40, у него жена Мавра Григорьева 31; у него дети: Василей 15 , Михайла 11, Федор 8, Егор 6, Алексей 3, Татьяна 5.

51.Петр Семенов Сифков 21, у него жена Матрена Тимофеева 22.

52. Антон Андреев Кособрюхов 40, у него жена Пелагея Васильева 35, у них дети: Николай 13, Иван 10, Андрей 8, Егор 2, дочь Парасковья 14.

53. Арсений Петров 37, у него жена Парасковья Тимофеева 32, у них дочь Надежда 13.

54. Вдова Парасковья Савельева 30, у нее дети: Федор 5, Анна 7, Фекла году Ивановы дети.

55. Иван Андреев 29, у него жена Матрена Савельева 31; у них дети: Василей 4, Иван году, Анна 9.

56. Трифон Савельев Кощеев 37, у него жена Стефанида Яковлева 33; у них дети: Василей 14, Иван 9, Иван 5, Марья 12, Александра 11, Авдотья 7, Акулина 4, Матрена полутора.

57. Тимофей Иванов Безътемьянников 32, у него жена Катерина Андреева 32; у них дети: Василей 11, Алексей году.

58. Вдова Прасковья Максимова 54; у нее сын Петр Матфеев 25, у него жена Парасковья Яковлева 27; у Петра дети: Иван полутора, Надежда 7, Александра 3.

59. Моисей Иванов 26, у него жена Марья Яковлева 27, у них сын Иван 5.

60. Иван Данилов вдов 68; у него сын Михайла Иванов 35, у Михаила жена Марья Матфеева 32, у них дети: Анна 9, Наталья 6, Акулина году.

61. Михайла Иванов 46, у него жена Парасковья Михайлова 47; у них дети: Степан 21, Федор 14, Иван 10.

62. Вдова Авдотья Андреева 33; у нее дети: Александр 9, Василей 7, Марья 10, Анна 8 Ивановы.

63. Николай Сергеев Бормотов 40, у него жена Парасковья Васильева 42; у них дети: Егор 19, Алексей 9, Авдотья 14, Марья 15.

64. После отданного в воины Ивана Петрова жена Лукерья Васильева 23; у нее сын Антон году.

65.Семен Тихонов Мамин 62, у него жена Федора Васильева 61; у них сын Сила 27, у Силы жена Акулина Яковлева 26; у них дети: Иван 3, Федор году, Александра 5.

66.Вдова Катерина Ларивонова 69, у них сын Михайла Павлов 43; у Михайла жена Улита Гаврилова 42; у них дети: Петр 9, Анна 16.

67. Михаил Сергеев 27, у него жена Анна Харитонова 24; у них дочь Наталья 4.

68. Василий Сергеев Бормотов 27, у него жена Парасковья Степанова 25; у них дети: Михайла 6, Федор году.

69. Вдова Дарья Трифонова 42; у нее сын Григорий Егоров 16.

70. Дмитрей Федоров Тепляков 62, у него жена Матрена Михайлова 35; у них дети: Марья 36, Анна 4, Авдотья году.

71. Спиридон Дмитрев 54, у него жена Марья Парфенова 48; у них дети: Татьяна 21, Матрена 13.

72. Емелиан Михайлов вдов 60; у него дети: Иван 16, Петр 13, Алексей 11, дочери: Александра 16, Авдотья 20.

73. Сергей Агафонов Серкин 67, у него жена Матрена Дмитрева 57; у них дети: Антон 22, Козма 20, Матрена 31, Марья 15. У Антона жена Наталья Никифорова 22; у них дети: Иван 2, Федор полугоду. У Кузмы жена Надежда Семенова 24, у них дочь Матрена году.

74. Сергей Андреев Кособрюхов 67, у нее жена Фекла Федорова 69; у них дети: Иван Сергеев 42, Парасковья 41. У Ивана жена Аграфена Иванова 41; у них сын Николай 14.

75. Павел Михайлов 63, у него жена Стефанида Якимова 57. У них внук Козма Дмитрев 20, у Козмы жена Татьяна Иванова 17.

76. Козма Михайлов Богданов 51, у него жена Парасковья Федорова 63.

77. Савва Иванов Кощеев 58, у него жена Авдотья Мартьянова 57; у них дети: Алексей 24, Иван 15, Фекла 20. У Алексея жена Марья Сергеева 24; у них дети: Яков полутора, Агрофена 4.

78. Степан Гаврилов 59, у него жена Наталья Тимофеева 24; у них дети: Иона 19, Петр 7, Наталья 14.

79. Вдова Пелагея Васильева 59. У нее сын Андрей Тимофеев 35. У него жена Марья Акиндинова 34; у них дети: Иван 5, Ксенофонт году, Авдотья 10, Анна 8, Марья 3. У Ондрея тетка девка Парасковья Васильева 70.

80. Сергей Иванов Денисов 62, у него жена Марья Степанова 48; у них дети: Петр 28, Анна 14.

81. Иван Григорьев 32, у него жена Марфа Яковлева 33; у них дети: Василей 14, Алексей 5, Татьяна 10.

82. Вдова Надежда Ларивонова 52; у нее дети: Петр 26, Матрена 14, Афимья 12, Алена 9 Самойловы. У Петра жена Марья Савельева 24; у них сын Иван году.

83. Яким Яковлев 59, у него жена Катерина Васильева 55; у них дети: Тихон 16, Елисавета 18.

84. Вдова Гликерья Тихонова 70, у нее дети: Дмитрий Корнилов 29, дочь девка Ирина 35. У Дмитрея племянник Николай Петров 10.

85. Савелий Григорьев Тренин 27, у него жена Анисья Васильева 26; у них дочь Матрена 5.

86. Вдова Марья Степанова 57; у нее дети: Иван 27, Анна 19, Татьяна 14. У Ивана жена Матрена Григорьева 25; у них дочь Парасковья 10 недель.

87. Вдова Татьяна Петрова 77, у нее сын Иван Филиппов 25;у него жена Фекла Ефимова 25.

88. Никита Филиппов 52, у него жена Татьяна Карпова 54; у них сын Григорий 23, у него жена Пелагея Яковлева 20.

89. Егор Петров 26, у него жена Матрена Яковлева 25, у них дочь Александра 4.

90. Иван Алексеев Кособрюхов 29, у него жена Палагея Логинова 23, у них дочь Татьяна году.

91. Савелей Максимов 58, у него жена Пелагея Иванова 56; у них дети: Андрей 28, Филипп 22. У Андрея жена Пелагея Никитина 26; у них дети: Петр 5, Ефим 1.

92. Ефим Иванов Мощеев отдан в извощики 51, у него жена Василиса Дмитрева 54; у них дети: Иван 24, Авдотья 17. У Ивана жена Матрена Алексеева 2;. у них дети: Василей 3, Агрофена году.

93. Вдова Федора Дмитрева 60; у нее сын Иван 24, у Ивана жена Александра Михайлова 20. У Ивана сноха вдова Авдотья Моисеева 30, у нее дочь Марья Васильева 9.

94. Яков Иванов вдов 65; у него сын Мефодий 34, у Мефодия жена Татьяна Тимофеева 33; у них дети: Егор 11, Иван 6, Михайла году, Прасковья 12.

95. Яков Михайлов 57, у него жена Парасковья Ефимова 56; у них сын Иван 27.

96. Евграф Васильев 38, у него жена Марья Васильева 27; у них дети: Иван 19, Николай 8, Егор 3, Марфа 17, Авдотья 15, Пелагея 6, Афимия 4 недели.

97. Василий Андреев 29, у него жена Парасковья Максимова 25; у них сын Иван 1 неделя. У Василья сестры: Пелагея 21, Матрена 15. У Василья бабушка Феодосия Алексеева 50.

98. Вдова Парасковья Яковлева 36; у нее сын Иван 11, дочь Марья 16.

99. После отданного в воины Михаила Никитина жена Катерина Семенова 57; у них дети: Алексей 19, Татьяна 15.

100. Иван Иванов вдов 61; у него дочери: Пелагея 25, Парасковья 23. У них сноха Василиса Якимова 32; у нее дети: Александр 10, Андрей 8, Парасковья 6 Дмитревы.

101. Сергей Якимов 40, у него жена Авдотья Иоанна 38; у них дети:Иван 14, Надежда 15, Марья 1. У Сергея дочери : Агрофена 13, Марья году. У Сергея теща Авдотья Степанова 69.

102. Василей Петров Кособрюхов 46, у него жена Анна Иванова 43; у них дети: Иван 30, Сергей 19, Семен 11. У Ивана жена Парасковья Андреева 29.

103. Авраам Иванов 69, у него жена Матрена Филиппова 67; у них сын Яков 36, у него жена Наталья Григорьева 29; у них дети: Дмитрей 11, Авдотья 6.

104. Вдова Татьяна Данилова 63; у нее дочери: Матрена вдова 41, Катерина 32 Ивановы. У Матрены сын Александр Дмитриев 16, дочь Пелагея 15.

105. Григорий Петров 27, у него жена Марья Савельева 28; у них дочь Анна 6. У Григория тетка вдова Васса Кузмина; у нее дочь Парасковья Костянтинова 25.

106. Михайла Кирилов 56, у него жена Анна Никитина 56; у них дети: Яков 19, Парасковья 22.

107. Семен Кириллов 46, у него жена Лукерья Михайлова 43; у них дети: Михайла 15, Федор13, Парасковья 3.

108. Петр Максимов вдов 62. У него сын Авраам 25, у него жена Анна Иванова 20; у них сын Егор 3, дочь Матрена году. У Петра дочери: Парасковья 22, Авдотья 16.

109. Андрей Кириллов 49, у него жена Акулина Семенова 48; у них дети: Иван 30, Авдотья 20, Афимья 15, Афонасия 12. У Ивана жена Авдотья Акиндинова 29; у них дети: Анна 5, Парасковья 3.

110. Петр Иванов Великов Кособрюхов 24, у него жена Анна Яковлева 26, у них дочери: Парасковья 2, Евлампия году.

111. Вдова Парасковья Михайлова 28, у нее вдова сестра Анна Михайлова 41.

112. Василий Михайлов Бирев 52, у него жена Орина Григорьева 48; у них дети: Иван 8, Авдотья 16, Марья 12.

113. Иван Степанов 20, у него жена Катерина Ефимова 15.

114. Вдова Авдотья Карпова 45; у нее дети: Семен 18, Василей 14, Дмитрей 9 Максимовы.

115. Дмитрей Михайлов 52, у него жена Фекла Кузмина 50.

116. Яков Фадеев 52, у него жена Парасковья Петрова 47; у них дети: Сергей 27, Дмитрей 16, Наталья 17.

117. Степан Михайлов Бирев 32, у него жена Надежда Корнилова 29, у них дети: Иван 4, Татьяна 7, Марья году. У Степана сестра Федосья 19.

118. Вдова Катерина Петрова 39; у нее дети: Савелей 12, Александр 6, Матрена 14, Афимья 11.

119. Степан Никитин вдов 68, у него дочь вдова Парасковья 45, у нее сын Иван Яковлев 14.

120. Иван Григорьев 41, у него жена Акулина Иванова 38, у них дети: Василей 11, Егор 9,Михайла 3-х месяцев, Наталья 13, Катерина 3.

121.Панкрат Тиханов вдов 60, у него сын Сила 18. У Силы сноха Елена Емельянова 27, у нее сын Иван Иванов 3-х месяцев. У Панкрата брат Василей 59, у него жена Парасковья Матфеева 54. У Василия дочери: Стефанида 27, Анна 22.

122. Вдова Авдотья Федорова 57; у нее сын Василей Михайлов 32, у него жена Агрофена Сергеева 18; у них дети: Дмитрей 9, Иван 3, Марья году.

123. Вдова Матрена Герасимова 59; у нее сын Дмитрей Григорьев 33, у него жена Татьяна Иванова 32; у них дети: Федор 12, Алексей 8, Парасковья 6, Наталья году.

124. Тимофей Карпов 40, у него жена Татьяна Андреева 3; у них сын Иван 15.

125. Вдова Настасья Иванова 68, у нее дочь воинова жена Пелагея Павлова 30; у нее дети: Николай 11, Парасковья 10, Евлампия 4, Пелагея году Николаевы.

126. Козма Сергеев 33, у него жена Авдотья Трифонова 33. У них дети: Яков 7, Раида 10, Марья 8.

127. Вдова Макрида Ионина 48, у нее сноха вдова Надежда Петрова 28. у Надежды дочери: Анна 8, Любовь 7, Авдотья 6 Меркуловы.

128. Вдова Анна Григорьева 48.

129. Вдова Федора Никитина 74; у нее сын Козма Осипов 44, у него жена Авдотья Григорьева 28, у них дети: Петр 17, Андрей 6, Иван 2, Марья 7.

130. Вдова Арина Фомина 48, у нее сын Андрей Андреев 25.

131. Яков Петров 66, у него жена Елисафета Иванова, у них сын Андрей 27, у него жена Анна Семенова 21.

132. Матфей Матфеев 47, у него жена Афимья Киндинова 27; у них сын Алексей 11.

133. Трофим Степанов 47, у него жена Катерина Михайлова 27; у них дети: Яков 16, Андрей 8, Иван 4, Наталья 11, Лукерья 2.

134. Михайла Филиппов 52, у него жена Матрена Селиверстова 48; у них дети: Петр 24, Алексей 14, Авдотья 27, Пелагея 16, Марья 10. У Петра жена Авдотья Гаврилова 19. У Михаила сестра девка Парасковья 58.

135. Яков Мощеев 67, у него жена Катерина Семенова 61; у них сын Сергей 35, у него жена Татьяна Сергеева 32; у них дети: Иван 15, Спиридон 6, Катерина 16, Марья 11, Парасковья 8.

136. Дмитрей Филиппов 43, у него жена Натасья Ларивонова 38. У Дмитрия дети: Иван 18, Алексей 4, Михайла 6 месяцев, Пелагея 15, Марья 12, Анна 11, Алена 8, Анна 3. У Дмитрия теща Парасковья Федорова 63.

137. Афонасей Савельев Кощеев 34, у него жена Арина Самуилова 29, у них дети: Марья 8, Пелагея 3, Катерина году.

138. Яков Варфоломеев 32, у него жена Парасковья Григорьева 29, у них дети: Иван 8, Андрей 5, Григорей 2. У Якова Варфоломеева мачиха Елена Михайлова 45, у нее дети: Николай 7, Катерина 16, Матрена 15.

139. Секирдон 2, Егор году дети Козмины.

140. Иван Степанов 65, у него жена Василиса Тихонова 66; у них дети: Иван 40. У Ивана жена Елена Тимофеева 38; у них дети: Алексей 12, Никита 6, Петр 4, Егор 6 месяцев, Марья 14; Василей 38. У Василия жена Парасковья Андреева 37; у них дети: Андрей 4 , Анна 11, Парасковья 9, Раида 6 месяцев.

141. Иван Артемьев 40, у него жена Фекла Костянтинова 38; у них дети: Иван 14, Ефим 12, Анна 16, Пелагея 8, Наталья 6, Марья 3.

142. Яков Михайлов 41, у него жена Анна Алексеева 41; у них дочь Матрена 7.

143. Иван Егоров 34, у него жена Василиса Григорьева 33.

144. Вдова Татьяна Иванова 71, у нее дети: Петр 43, Григорий 40 Аврамовы. У Петра жена Авдотья Афонасьева 34. У Григорья жена Прасковья Михайлова 32, у них дети: Василий 14, Дмитрий 10, Иван 7, Нил 3, Марья 7, Анна 4.

145. Петр Федоров 49, у него жена Авдотья Карпова 48; у них дети: Степан 25, Павел 17, Иван 9, Парасковья 12, Раида 10. У Степана жена Катерина Григорьева 22; у них дети: Василей году, Александра 3, Марья 2.

146. Семен Ларивонов 42, у него жена Матрена Андреева 35; у них дети: Григорей 16, Яков 12, Яков 10, Катерина 19, Марфа 15, Катерина 8, Татьяна 6.

147. Вдова Пелагея Михайлова 43, у нее дети: Василей 19, Марья 17, Агрофена 14. У нее тетка вдова Парасковья Андреева 77.

148. Вдова Алена Федорова 52; у нее сын Лев Савельев 22, у него жена Анна Козмина 21; у них сын Иван 3-х месяцев.

149. Вдова Агрофена Максимова 49; у нее сын Лавр Михайлов 21, у него жена Марфа Иванова 23; у них дети: Матфей 4, Иван 3.

150. Гаврила Емельянов 44, у него жена Анисья Петрова 42; у них дочери: Катерина 15, Александра 6.

151. Вдова Афимья Савельева 48; у нее дети: Федор 15, Матрена 12 Логиновы.

152. Козма Якимов 25, у него жена Матрена Михайлова 24, у них дети: Алексей 1, Марья 6, Анна 2.

153. Вдова Анна Иванова 50, у нее сын Михайла Тимофеев 28, у него жена Авдотья Афонасьева 45, у них дети: Иван 6, Матрена 16, Александра году.

154. После отданного в воины Василья Никитина жена Парасковья Петрова 30 лет, у нее дети: Авдотья 13, Александра 9.

155. Тимофей Алексеев 74, у него жена Фекла Афонасьева 71; у них сын Тимофей 44, у него жена Авдотья Андреева 44; у них дети: Раида 15, Марфа 9, Серафима 6, Анна 4.

156. Андрей Иванов вдов 62. У него сын Никита 34, у него жена Катерина Тимофеева 29; у них дети: Иван 8, Иван 6, Марья 11, Пелагея 3, Анна году.

157. Иван Корнилов 48, у него жена Матрена Григорьева 27; у них дети: Иван 22, Яков 13, Петр 10, Татьяна 8. У Ивана жена Наталья Дмитрева 22, у них дочь Парасковья 4- месяцев.

158. Петр Яковлев 34, у него жена Акулина Савельева 34, у них дети: Татьяна 4, Агрофена 3.

159. Вдова Марфа Никитина 58; у нее дети: Михайла Иванов 19, у Михайла жена Авдотья Якимова 20, у них сын Иван году.

160. Вдова Парасковья Михаилова 49; у нее дети: Михайла 28, Яков 25 Ивановы. У Михаила жена Настасья Васильева 28, у них дети: Алексей 5, Иосаф 2 недели, Александра 6, Софья 4. У Якова жена Анна Петрова 26; у них дети дочь Катерина 4.

161. Григорей Лукоянов 63, у него жена Вера Яковлева 59; у них дети: Иван 31, Ларион 18. У Ивана жена Татьяна Ларионова 27; у них дети: Алексей 6, Петр 2, Катерина 3.

162. Григорей Емельянов вдов 53; у него сын Иван 34, у Ивана жена Матрена Васильева 33; у них дети: Василей 6, Григорей 2, Фекла 10, Марья 8, Анна 7.

163. Григорей Ионов 58, у него жена Катерина Никифорова 42, у них дети: Иван 4, Марья 7, Александра 6. У Григорья свояченица Пелагея Никифорова 40.

164. Акиндин Матфеев 60, у него жена Устиния Федорова 55; у них дети: Алексей 23, Петр 21, Василей 13, Елизавета 18.

165. Вдова Парасковья Кузмина 59, у нее дети: Козма 28, Татьяна 19 Михайловы. У Кузмы жена Анна Андреева 19.

166. Дмитрей Андреев 52, у него жена Наталья Павлова 45.

167. Трофим Михайлов вдов 48; у него дети: Алексей 12, Агрофена 18, Анна 14, Олимпиада 7, Евпраксия 4.

168. Вдова Парасковья Васильева 60; у нее сын Козма 40, у него жена Марья Иванова 43; у них дети: Василей 11, Агрофена 16, Пелагея 6.

169. Андрей Тимофеев 48, у него жена Авдотья Филиппова 46; у них дочь Матрена 27.

170. Вдова Авдотья Васильева 62.

171. Вдова Стефанида Артемьева 57.

172. Вдова Наталья Михайлова 60.

Итого: по шестой ревизии 364 мужеска пола, 467 женска пола, народишихся после ревизии 39 мужеска пола, 26 женска пола.

Приложение №2

Опись учиненная Вязниковскому малолетних Екатерины Прокофьевны и Софьи Прокофьевны Саковниных имению селу Холуйскому.

1818-го года февраля 21-го дня в Вязниковском уездном суде в журнале записано:

Докладываю

По прошению поданному от бурмистра малолетних господ Екатерины и Софии Саковниных Петра Теплякова, коим просит имение оных господ,состоящееся Вязниковской округи в селе Холуе, по случаю взятия онаго в опеку описать при нем Теплякове, описи двойным числом ему выдать для доставления доверителю приказали: прошение в верющим письмом отдать в повытье, а как из последняго видно, что имение господ Саковниных взято в ведомство Московской дворянской опеки, от которой избран опекуном родитель оных надворной советник Пракофей Федоров Саковнин, коему и велено учинить тому имению опись, и от онаго доверено бурмистру села Холуя Петру Теплякову. Высочайшаго ж о губерниях учреждения 215 статьи между протчим повелено: взятые в опеку имении опекунам чинить описи при секретаре уезднаго суда и двух посторонних дворянских свидетелях, в согласность коего закона о бытии при описи показанного имения секретарю здешняго, ему о сем объявить с тем, что ежели не находятся того имения посторонние дворяне, то б описи учинили при двоих священниках с каковаго заключения и дать поверенному Теплякову, равно и секретарю суда здешняго,за надлежащим свидетельством копии. С подлинною сверял повытчик Спиридон Кляземский. 1818 года февраля 22-го дня дана сия копия бурмистру села Холуя Петру Теплякову. Заседатель Юдин. Повытчик Спиридон Кляземский.

1818 года марта 4-го дня опись учиненная имению, состоящему Вязниковской округи в селе Холуйской Слободе принадлежащему малолетных господ Екатерине и Софье Прокофьевым Саковниным по доверенности онаго ж села бурмистром Петром Тепляковым при бывших на место господах Вязниковского уездного суда дворянском заседателе Николае Булгакове и по неимению поблизости имения дворян онаго ж села Холуя священнике Иване Яковлеве.

1. Михайла Павлов Салаутин 47, у него жена Улита Гаврилова 45; у них дети: сын Петр 12, дочь Анна 20. У Михайла мать Катерина Ларионова 77. Строение: деревянный дом на 12 рядах крыт тесом, 2 анбара, 2 погреба, 2 сарая, баня на 12 рядах крыта тесом. Скота: корова. Птиц: 10 куриц и петух.

2. Михайла Сергеев Ивашев 30, у него жена Анна Харитонова 29, у них дочь Наталия 8. Строение: деревянный дом на 12 венцах крыт дранью, анбар, сарай, погреб, баня на 15 рядах крыта дранью. Скота: корова. Птиц: 8 куриц и петух.

3. Василий Сергеев Бормотов 31, у него жена Прасковия Степанова 33; у них дети: Михайла 10, Федор 6, дочь Елена 4. Строение: деревянный дом на 17 рядах крыт дранью, сарай-погреб, баня на 15 рядах крыта дранью. Скота: корова. Птиц: 7 куриц и петух.

4. Григорей Егоров 20, у него жена Пелагея Дмитриева 20. У Григорья мать Дарья Трифонова 48. У него ж Григорья дети: Иван 2 месяцев, Прасковья году. Строение: деревянный дом на 15 рядах крыт дранью, анбар-погреб, сарай, баня на 12 рядах крыта дранью. Скота: корова, 2 поросенка. Птиц: 4 курицы и петух.

5. Дмитрей Федоров Тепляков 62, у него жена Матрена Михайлова 32; у них дети: Марья 40, Анна 9, Авдотья 5, Катерина 3. Строение: деревянный дом на 15 рядах крыт дранью, анбар, сарай, баня на 12 рядах крыта дранью. Скота: свинья и поросенок. Птиц: 5 куриц и петух.

6. Спиридон Дмитриев 57, у него жена Марья Парменова 53; у них дети: Татьяна 26, Матрена 18. Строение: деревянный дом на 13 рядах крыт дранью, анбар, баня, погреб на 10 рядах крыта дранью. Скота: корова. Птиц: 3 гусыни и гусь, 5 куриц и петух.

7. Емельян Михайлов вдовой 64, у него дети: Иван 20, Петр 17, Алексей15, Александра 25. У Ивана жена Фекла Савельева 25. Строение: деревянный дом на 13 рядах крыт дранью, анбар, погреб, баня на 13 рядах крыта дранью. Скота: 2 коровы и свинья. Птиц: 4 курицы и петух.

8. Сергей Агафонов Ивашев 65, у него жена Матрена Дмитриева 62, у них дети: Козма 24, Матрена 36, Марья 20. У Кузьмы жена Надежда Семенова, у них дети: Матрена 6, Марья 3, Аграфена году. Строение: деревянный дом на 20 рядах крыт дранью, анбар, сарай, погреб, баня на 13 рядах крыта дранью. Скота: корова. Птиц: 5 куриц и петух.

9. Сергей Андреев 67, у него жена Фекла Федорова умрев 1817 году; у них дети: Иван 46, Прасковья 48. У Ивана жена Аграфена Иванова 46, у них сын Николай 16. Строение: деревянный дом на 15 рядах крыт дранью, анбар, сарай, погреб, баня на 12 рядах крыта дранью. Скота: корова. Птиц: 2 курицы и петух.

10. Павел Михайлов Богданов 67, у него жена Стефанида Екимова 62. У Павла внук Кузма 24, у него жена Татьяна Иванова 22; у них сын Егор 3. Строение: деревянный дом на 15 рядах крыт дранью, анбар, сарай, погреб, баня на 12 рядах крыта дранью. Скота: корова и свинья. Птиц: 2 курицы и петух.

11. Кузма Михайлов, у него жена Прасковья Федорова умре в 1817 году.

12. Савва Иванов Кощеев 62, у него жена Авдотья Мартынова 6; у них дети: Алексей 29, Иван 30. У Алексея жена Марья Сергеева 29; у них дети: Яков 7, Аграфена 9, Елена 3, сын Григорей 5 месяцев. Строение: деревянный дом на 12 рядах крыт дранью, анбар, сарай, погреб, баня на 10 рядах крыта дранью. Скота: корова. Птиц: 2 курицы и петух.

13. Степан Гаврилов 62, у него жена Наталья Тимофеева умре в 1817 году. У них дети: Иван 24, Петр 12, Наталья 19. У Ивана жена Аграфена Ефимова 19. Строение: деревянный дом на 12 рядах крыт дранью, 2 анбара, погреб, баня на 10 рядах крыта дранью. Скота: корова. Птиц: 4 курицы и петух, 4 утки.

14. Александр Николаев 18, Иван Николаев 10. У них мать Катерина Никифорова 42. Строение: деревянный дом на 18 рядах крыт дранью, анбар, погреб, сарай, баня на 12 рядов крыта дранью. Скота: корова и свинья. Птиц: 2 курицы и петух.

15. Андрей Тимофеев 40, у него жена Марфа Анкадинова 39; у них дети: Иван 3, Авдотья 15, Анна 13, Марья 8. У Андрея Тимофеева мать Пелагея Васильева 64.

Строение: деревянный дом на 13 рядах крыт дранью, анбар, погреб, сарай, баня на 12 рядов крыта дранью. Скота: корова. Птиц: 4 курицы.

16. Сергей Иванов Денисов 64, у него жена Марья Степанова 53; у них дети: Петр 26, Анна 19. Строение: деревянный дом на 17 рядах крыт дранью, два анбара, погреб, сарай, баня на 12 рядов крыта дранью. Скота: корова.

17. Иван Григорьев Тренин 42, у него жена Марфа Яковлева 38; у них дети: Василей 16, Алексей 8, Иван 3, Татьяна 13. Строение: деревянный дом на 13 рядах крыта дранью, анбар, погреб, сарай, баня на 10 рядах крыта дранью. Скота: корова и бык. Птиц: 5 кур и петух.

18. Петр Самуилов 28, у него жена Марья Савельева 24; у них дети: Иван 6, Николай году. У Петра мать Надежда Ларионова 57. У него ж сестры: Матрена 19, Афимья 17, Алена 14. Строение: деревянный дом на 17 рядах крыта дранью, три анбара, погреб, два сарая, баня на 12 рядах крыта дранью. Скота: 2 коровы. Птиц: 9 куриц и петух.

19. Яким Яковлев 64, у него жена Катерина Васильева 60; у них дети: Тихан 20, Елизавета 23. У Тихана жена Марья Иванова 20; у них сын Федор полугоду. Строение: деревянный дом на 11 рядах крыт дранью, анбар, погреб, сарай, баня на 10 рядах крыта дранью ж. Скота: 2 коровы и 2 свиньи. Птиц: 2 курицы и петух.

20. Дмитрий Корнилов Денисов 26, у него племянник Николай Петров 16. У Дмитрия мать Лукерья Тиханова 73. У нее дочь Ирина Корнилова 40. Строение: деревянный дом на 13 рядах крыт дранью, анбар, погреб на 10 рядах крыты ж дранью . Скота: корова. Птиц: 2 курицы и петух.

21. Савелий Григорьев Тренин 26, у него жена Анисья Васильева 31; у них дети: Василей 4, Матрена 10, Дмитрей году. Строение: деревянный дом на 15 рядах крыт дранью, анбар, погреб, сарай на 10 рядах крыты дранью ж. Скота: корова. Птиц: 2 курицы.

22. Иван Григорьев Хилявин 31, у него жена Матрена Григорьева 30; у них дочь Прасковья 5, У Ивана мать Марья Степанова 59, у него же сестра Татьяна. Строение: деревянный дом на 15 рядах крыт дранью, погреб, сарай, баня на 10 рядах крыта ж дранью. Скота: корова.

23. Иван Филиппов Кирьянов 30, у него жена Фекла Ефимова 30. У Ивана мать Татьяна Петрова 62. Строение: деревянный дом на 17 рядах крыт дранью, анбар, 2 погреба, сарай, баня на 12 рядах крыта дранью ж. Скота: корова. Птиц: 5 куриц и петух.

24. Никита Филиппов Хилявин вдовой 57; у него сын Григорей 28, у Григорья жена Пелагея Яковлева 25. Строение: деревянный дом на 18 рядах крыт дранью, анбар, погреб, сарай, баня на 13 рядах крыта дранью ж. Скота: 2 коровы. Птиц: 10 гусей, 25 куриц и 3 петуха.

25. Иван Алексеев Кособрюхов 32, у него жена Пелагея Логинова 28; у них дети: Татьяна 6, Аграфена 3. Строение: деревянный дом на 15 рядах крыт дранью, анбар, погреб, баня на 10 рядах крытые дранью ж. Скота: свинья.

26. Савва Максимов Кирьянов вдовой умре в 1817 году. У него сын Андрей 31, у него жена Пелагея Никитина 31; у них дети: Петр 9, Ефим 6, Александра 4, сын Василий году. Андрею брат Филипп Савельев 26, у него жена Авдотья Емельянова

29. Строение: деревянный дом на 13 рядах крыт дранью, анбар, сарай, погреб, баня на 9 рядах. Скота: 2 коровы, 3 свиньи. Птиц: 8 куриц , 2 петуха.

27. Ефим Иванов Мощеев умре в 1817 году, у него жена Василиса Дмитриева 57. У них сын Иван 24, у Ивана жена Матрена Алексеева 29; у них дети: Василей 6, Иван умре в 1817, Аграфена 6, сын Федор году. Строение: деревянный дом на 13 рядах крыт дранью, анбар, сарай, погреб, баня на 8 рядах. Птиц: 4 курицы.

28. Иван Иванов Чеботарев 29, у него жена Александра Михайлова 25; у Ивана дети: Яков, Иван, оба полутора году. У него ж Ивана сноха Авдотья Моисеева 35, у нее дочь Марья Васильева 14. У него ж Ивана мать Федора Дмитриева 65. Строение: деревянный дом на 17 рядах крыт дранью, анбар, сарай, погреб, баня на 12 рядах. Скота: корова. Птиц: 10 куриц и петух.

29. Яков Иванов Крюков вдовой 69, у него сын Мефодий 29, у него жена Татьяна Тимофеева 38. У них дети: Егор 14, Иван 9, Михайла 6, Прасковья 17. Строение: деревянный дом на 17 рядах крыта дранью, анбар, сарай, погреб, баня на 12 рядах крыта дранью ж. Скота: корова, свинья. Птиц: 8 куриц и петух.

30. Яков Михайлов Бирев 61, у него жена Прасковья Екимова 61, у него сын Иван 31, у него жена Анна Григорьева 24. У Якова внука Александра Егорова. Строение: деревянный дом на 15 рядах крыта дранью, анбар, сарай, погреб, баня на 10 рядах крыта дранью ж. Скота: корова.

31. Евграф Васильев Новоселов умер в 1817 году. У него жена Марья Васильева 41. У них дети: Иван 24, Николай 12, Егор 7, Михайла 6, Марфа 22, Авдотья 20, Пелагея 11. Строение: деревянный дом на 13 рядах крыт дранью, анбар, сарай, погреб, баня на 8 венцах крыта дранью ж. Скота: корова, свинья. Птиц: 3 курицы и петух.

32. Василей Андреев 26, у него жена Прасковья Максимова 30; у них сын Иван 5. У Василья бабка Федосья Алексеева умре в 1817 году. У него ж сестра Матрена 20. Строение: деревянный дом на 12 рядах крыт дранью, сарай, погреб, баня на 8 венцах крыта дранью ж.

33. Иван Иванов Денисов 15, у него мать Прасковья Яковлева 42. У него ж сестра Марья 20. Строение: деревянный дом на 18 рядах крыт тесом, 2 анбара, 2 сарая, 2 погреба, баня на 13 рядах крыта дранью. Скота: корова и 2 свиньи. Птиц: 9 куриц и петух.

34. Иван Иванов Сватов вдовой. 62; у него дети: Дмитрей 40, Пелагея 30, Прасковья 28. У Дмитрия жена Василиса Якимова 37; у них дети: Александр 16, Андрей 12, Прасковья 11, Агрофена 3, Татьяна 2 месяцев. Строение: деревянный дом на 13 рядах крыт дранью, анбар, сарай, погреб, баня на 10 рядах крытые дранью ж. Скота: подтелок, коза, свинья. Птиц: 2 курицы.

35. Сергей Екимов Кособрюхов 44, у него жена Авдотья 43; у них дети: Иван 18, Аграфена 18, Марья 6. У него ж Сергея теща Авдотья Степанова 74. Строение: деревянный дом на 13 рядах крыт дранью, анбар, сарай, погреб, баня на 12 рядах крытые дранью ж. Скота: корова, 2 свиньи. Птиц:4 курицы и петух.

36. Дементий Петров 50, у него жена Анна Иванова 52; у них дети: Иван 34, Сергей 23, Семен 16. У Ивана жена Прасковья Андреева 34. У Сергея жена Пелагея Андреева 26, у них дети: Прасковья году, Анна 2 месяцев. Строение: деревянный

дом на 13 рядах крыт дранью, анбар, сарай, погреб, баня на 10 рядах крытые дранью ж. Скота: 2 коровы. Птиц:5 куриц и петух.

37. Михайла Никитин Новоселов 44, у него жена Катерина Семенова 64; у них дети: Алексей 23, Татьяна 20. У Алексея жена Катерина Семенова 24; у них дети:Петр 3, Спиридон году. Строение: деревянный дом на 13 венцах, анбар, сарай, погреб, баня крытые дранью. Скота: корова и свинья. Птиц: 2 курицы и петух.

38. Вдова Татьяна Данилова 67, у нее дочь вдова же Матрена Иванова 46. У Матрены сын Александр 20. У нее ж сестра Катерина 37, у нее ж дочь Пелагея 20. Строение: деревянный дом на 13 рядах, анбар, сарай, погреб, баня на 13 венцах крытые дранью. Птиц: 10 кур и петух.

39. Аврам Иванов умре в 1817 году. У него жена Матрена Филиппова того ж года. У них сын Яков 40, у него жена Наталья Григорьева умре в 1817 году. У него ж вторая жена Надежда Федорова 22. У него от первой жены дети: Дмитрей 14, Авдотья 11, Марья 3.У Аврама Иванова сестра Прасковья Кузмина умре того ж года. Строение: деревянный дом на 11 венцах, анбар, сарай, погреб, баня на тех же рядах крытые дранью. Скота: корова, 2 свиньи. Птиц: 2 курицы и петух.

40. Григорей Петров 31, у него жена Марья Савельева 33; у них дочь Анна 10. Унего ж Григорья тетка Васса Кузмина 65. У него ж свояченица Прасковья Кастянтинова 37. Строение: деревянный дом на 15 рядах, сарай, погреб, баня на 13 рядах крытые дранью. Скота: 2 коровы, свинья. Птиц: 6 куриц и петух.

41. Михайла Кириллов 62, у него жена Анна Никитина 61; у них дети: Яков 23, Прасковья 27. У Якова жена Наталья Яковлева 22. Строение: деревянный дом на 12 рядах, амбар, сарай, погреб, баня на 10 рядах крытые дранью. Птиц: 6 кур и петух.

42. Семен Кириллов 50, у него жена Лукерья Михайлова 48; у них дети: Михайла 20, Прасковья 8. У Михайлы жена Авдотья Васильева 20. Строение: деревянный дом на 17 рядах, сарай, погреб, баня на 10 венцах крыты дранью. Скота: лошадь, корова и подтелок.

43. Петр Максимов вдовой 66; у него дети: Аврам 29, Прасковья 27. У Аврама жена Анна Иванова 25; у них дети: Егор 3, Матрена 6, Василей 3, Александр году, Авдотья месяца. Строение: деревянный дом на 16 рядов, сарай, погреб, баня на 11 венцах крыты дранью. Скота: лошадь, корова и телица. Птиц: 2 курицы и петух.

44. Андрей Кириллов 53, у него жена Акулина Семенова умерла в 1816 году. У них дети:Иван 34, Авдотья 24, Афанасия 17. У Ивана жена Авдотья Анкадинова 34; у них дети: Анна 10, Прасковья 8, Дмитрей году. Строение: деревянный дом на 15 рядах, анбар, сарай, погреб, баня на 10 рядах крыты дранью. Скота: корова. Птиц: 4 курицы и петух.

45. Якова Петрова жена Елизавета Иванова 67. У нее сын Андрей 31, у Андрея жена Анна Семенова 26; у них дети: Анна 4, Анна ж году. Строение: деревянный дом на 12 рядах, анбар, сарай, погреб, баня на 18 рядах крытые дранью. Скота: корова.

46. Петр Иванов Кособрюхов 25, у него жена Анна Яковлева 31; у них дети: Прасковья 7, Евлампия 6, Анна 3. Строение: деревянный дом на 15 рядах, анбар, погреб, под оным же дом крытые дранью. Скота: корова. Птиц: 2 курицы.

47. Ларион Григорьев Тренин 29, у него жена Прасковья Михайлова 33. У оной Прасковьи сестра Анна 47. Строение: деревянный дом на 17 рядах, анбар, погреб,

баня на 10 рядах крыты дранью. Скота: 2 коровы. Птиц: 2 гусыни и гусак, 2 курицы и петух.

48. Василей Михайлов Бирев 56, у него жена Арина Григорьева 49; у них дети: Иван 13, Марья 17. Строение: деревянный дом на 13 рядах, сарай, погреб, баня на 10 рядах крытые дранью.

49. Иван Степанов 28, у него жена Катерина Ефимова 22; у них сын Ефим 3, дочь Прасковья 3 месяца. Строение: деревянный дом на 13 рядах, анбар, сарай, погреб, баня на 9 рядах крыты дранью. Скота: корова и свинья. Птиц: 3 курицы и петух.

50. Семен Максимов 23, Дмитрий Максимов 14. У них мать Авдотья Карпова 50. Строение: деревянный дом на 15 рядах, анбар, сарай, погреб, баня на 10 рядах крыты дранью. Скота: свинья. Птиц: 4 курицы и петух.

51. Дмитрей Михайлов 56, у него жена Фекла Кузмина 55. Строение: деревянный дом на 13 рядах, анбар, сарай, погреб, баня на 9 рядах крыты дранью. Скота: корова.

52. Яков Фадеев Ларев 56, у него жена Прасковья Петрова 52; у них сын Сергей 25, у него жена Авдотья Ефимова 22. У них дети: Марья 3, Надежда году, сын Дмитрий месяца. Строение: деревянный дом на 13 рядах, анбар, погреб, баня на 10 рядах крыты дранью. Скота: корова. Птиц: 2 курицы и петух.

53. Степан Михайлов 36, у него жена Надежда Корнилова 34; у них дети: Иван 8, Татьяна 12, Марья 6, Анна 3. У него ж Степана сестра Федосья 24. Строение: деревянный дом на 10 рядах, сарай, погреб, баня на 10 рядах крыты дранью. Скота: корова. Птиц: курица.

54. Вдова Катерина Петрова 44,. у нее дети: Василий 17, Александр 10, Матрена 19, Афимья 16. У нее Катерины золовка Вера Корнилова 47. Строение: деревянный дом на 12 рядах, сарай, погреб, баня на 9 рядах крыты дранью.

55. Степан Никитин вдовой 70, у него дочь Прасковья 50. У него ж внук Иван Яковлев 18, у него жена Елизавета Анкидинова 23; у них сын Яков году. Строение: деревянный дом на 14 рядах, анбар, погреб, баня на 12 рядах крыты дранью. Скота: корова. Птиц: 2 курицы и петух.

56. Иван Григорьев 45, у него жена Акулина Иванова 43; у них дети: Василей 14, Егор 12, Михайла 5, Наталья 18, Катерина 8, Дмитрий году. Строение: деревянный дом на 13 рядах, анбар, сарай, погреб, баня на 12 венцах крыты дранью. Скота: 2 коровы. Птиц: 7 кур и петух.

57. Панкрат Тиханов вдовой 62; после отданного в ополчение Ивана Панкратова сноха Елена Емельянова 39, у нее сын Иван 6. У Панкрата сын Сила 24, у него жена Афимья Андреева 22, у них сын Яков году. У Панкрата брат Василей 60, у него жена Парасковья Матфеева 59; у них дети: Стефанида 34, Анна 27. Строение: деревянный дом на 15 рядах, сарай, погреб, баня на 10 венцах крыты дранью. Скота: корова. Птиц: 4 курицы и петух.

58. Василей Михайлов умре в 1817 году. У него жена Аграфена Сергеева 23. У Василья дети от 1-й жены: Дмитрий 13, Иван 7, Марья 6. У него ж Василья мать Авдотья Федорова 62. Строение: деревянный дом на 18 рядах, сарай, 2 анбара, погреб, баня на 15 венцах крыты дранью. Скота: 2 коровы. Птиц: 4 курицы и петух.

59. Дмитрий Григорьев 38, у него жена Татьяна Иванова 34; у них дети: Федор 14, Прасковья 11, Наталья 6, Алексей году. Строение: деревянный дом на 13 рядах, анбар, 2 сарая, 2 погреба, баня на 10 венцах крыты дранью. Скота: корова и бык.

60. Петр Михайлов 28, у него жена Авдотья Гаврилова 20; у них дети: Иван умре в 1817, Иван же неделя. Строение: деревянный дом на 15 рядах, сарай, анбар, погреб, баня на 12 рядах крыты дранью. Скота: одна корова.

61. Тимофей Карпов 52, у него жена у него жена Татьяна Андреева 42; у них сын Иван 20, у него жена Матрена Лазарева 20. Строение: деревянный дом на 15 рядах, анбар, погреб, баня на 12 рядах крыты дранью. Скота: корова.

62. Вдова Настасья Иванова 73, у нее дочь вдова ж Пелагея Павлова 35; у нее сын Николай 16, дочери: Прасковья 15, Евлампия 9, Пелагея 6. Строение: деревянный дом на 13 рядах, погреб, баня на 10 венцах крыты дранью. Скота: корова. Птиц: 4 курицы и петух.

63. Козма Сергеев 38, у него жена Авдотья Трифонова 38; у них дети: Яков 12, Дмитрий 4, Риада 15, Марья 13, Анна году. У Кузьмы Сергеева тетка Стефания Артемьева 62. Строение: деревянный дом на 12 рядах, сарай, анбар, погреб, баня на 8 венцах крыты дранью. Скота: корова. Птиц: 2 курицы и петух.

64. Вдова Надежда Петрова 33, у нее дети: Анна 13, Любовь 19, Авдотья 11. Строение: деревянный дом на 13 рядах, сарай, анбар, погреб, баня на 10 венцах крыты дранью. Скота: свинья. Птиц: 4 курицы и петух.

65. Антип Сергеев 26, у него жена Наталья Никифорова 27; у них дети: Иван 7, Александра 2, Федор году. Строение: деревянный дом на 13 рядах, сарай, анбар, погреб, баня на 10 рядах крыты дранью. Скота: корова. Птиц: 4 курицы и петух.

66. Кузьма Осипов 49, у него жена Авдотья Григорьева 33; у них дети: Петр 24, Андрей 10, Федор 4, Марья 12. У Кузьмы мать Федора Никитина 79. Строение: деревянный дом на 15 рядах, сарай, анбар, погреб, баня на 10 венцах крыты дранью. Скота: 2 коровы и свинья. Птиц: 5 куриц и петух.

67. Андрей Андреев 30, у него мать Ирина Фомина 53. Строение: деревянный дом на 12 рядах, сарай, анбар, погреб, баня на 10 рядах крыты дранью.

68. Матвей Матвеев 51, у него жена Афимья Анкидинова 32, у них сын Алексей 17. Строение: деревянный дом на 17 рядах, сарай, 2 анбара, погреб, баня на 15 венцах крыты дранью. Скота: корова. Птиц: 6 куриц и петух.

69. Трофим Степанов 52, у него жена Катерина Михайлова 32; у них дети: Яков 20, Андрей 14, Иван 8, Наталья 9, Анна умре в 1817 году. Строение: деревянный дом на 17 рядах, сарай, 2 анбара, погреб, баня на 13 венцах крыты дранью. Скота: корова, 2 подтелка, 2 свиньи.

70. Михайла Филиппов 56, у него жена Матрена Селиверстова 53; у них дети: Алексей 18, Авдотья 32, Палагея 21, Марья 15. У Михайлы Филиппова сестра Прасковья умре в 1817 году. Строение: деревянный дом на 13 рядах, сарай, погреб, баня на 10 венцах крыты дранью. Скота: корова. Птиц: 6 куриц и петух.

71. Яков Иванов Мощеев 71, у него жена Катерина Семенова 66, у них сын Сергей 40, у него жена Татьяна Сергеева 37, у них дети: Иван 16, Спиридон 9, Марья 16, Прасковья 13. Авдотья 4, Палагея двух месяцев. Строение: деревянный дом на

17 рядах, 2 анбара, сарай, погреб, баня на 13 венцах крыты дранью. Скота: 2 коровы. Птиц: 2 курицы и петух.

72. Дмитрий Филиппов 47, у него жена Настасья Ларионова 43, у них дети: Иван 23, Алексей 9, Михайла 5, Федор 3, Марья 17, Анна 16, Алена 11, Анна 8. У Дмитрия теща Прасковья Федорова 68. Строение: деревянный дом на 13 рядах, анбар, сарай, погреб, баня на 10 рядах крыты дранью. Скота: корова. Птиц: 2 курицы.

73. Афанасий Савинов 38, у него жена Ирина Самуилова 34; у них дети: Марья 13, Пелагея 8, Катерина 6. Строение: деревянный дом на 12 рядах, сарай, баня на 10 рядах крыты дранью. Скота: корова. Птиц: 2 курицы.

74. Яков Варфоломеев 36, у него жена Прасковья Григорьева 34; у него дети: Иван 11, Андрей 9, Иоасав 4, Анна умерла в 1817. Строение: деревянный дом на 14 рядах, сарай, баня на 15 венцах крыты дранью. Скота: корова.

75. Вдова Елена Михайлова 50; у нее дети: Николай 10, Катерина 21, Матрена 17. Строение: деревянный дом на 12 рядах, баня, погреб на 10 рядах крыты дранью.

76. Вдова Матрена Ионова 53; у нее дети: Секердон 7, Егор 6. Строение: деревянный дом на 12 венцах крытый дранью.

77. Иван Степанов вдовой 69; у него дети: Иван 44, Василей 42. У Ивана жена Алена Тимофеева 43; у них дети: Алексей 16, Никита 10, Петр 8. У Василья жена Прасковья Андреева 42; у них дети: Андрей 9, Анна 16, Прасковья 14, Ириада 5. Строение: деревянный дом на 17 рядах, сарай, погреб, баня на 15 рядах крыты дранью. Скота: 2 коровы. Птиц: 6 кур и петух.

78. Иван Артемьев 46, у него жена Фекла Константинова 43; у них дети: Иван 18, Ефим 16, Пелагея 13. Наталья 11. Марья 8. Строение: деревянный дом на 12 рядах, баня на 10 рядах крыты дранью. Скота: 2 коровы. Птиц: 2 курицы и петух.

79. Иван Егоров 38, у него жена Василиса Григорьева умре в 1817 году. У него ж вторая жена Надежда Афанасьева 19; у них сын Егор месяца. Строение: деревянный дом на 13 рядах, амбар, 2 погреба, баня на 10 рядах крыты дранью. Скота: корова.

80. Яков Михайлов 44, у него жена Анна Алексеева 46; у них дочь Матрена 12. Строение: деревянный дом на 12 рядах, 2 погреба, баня на 10 рядах крыты дранью. Скота: одна корова. Птиц: 2 курицы и петух.

81. Григорий Абрамов 44, у него жена Прасковья Михайлова 34; у них дети: Василей 19, Дмитрей 12, Иван 11, Нила умре в 1817 году, Мария 12, Анна 9, Риада 4, Катерина году. Строение: деревянный дом на 17 рядах, амбар, 2 погреба, баня, сарай на 15 венцах крыты дранью. Скота: 2 коровы. У него брат Петр 47, у него жена Авдотья Афанасьева 38.

82. Петр Федоров 53, у него жена Авдотья Карпова 53, у них дети: Павел 20, Иван17, Прасковья 13, Раида 15. У Павла жена Марья Филиппова 20; у них дочь Ольга году, Авдотья 3-х недель. У Петра Федорова сестра Алена 59. Строение: деревянный дом на 15 рядах, анбар, 2 погреба, сарай на 10 венцах крыты дранью. Скота: 2 коровы и подтелок. Птиц: 4 курицы и петух.

83. Семен Ларионов 47, у него жена Матрена Андреева 40; у них дети: Григорий 23, Егор16, Яков 14, Иван 3, Марфа 20, Катерина 13, Татьяна 11. Строение: деревянный дом на 12 рядах, анбар, сарай, баня на 10 рядах крыты дранью. Скота: корова, подтелок, 3 свиньи.

84. Василей Филиппов 23, у него жена Анна Фирсова 20; у них сын Иван умре в 1817, дочь Марья полугоду. У него ж Василья мать Пелагея Михайлова 48, у него ж сестра Аграфена 18. . Строение: деревянный дом на 12 рядах, сарай, 2 погреба, баня на 11 рядах крыты дранью. Скота: корова. Птиц: 2 курицы и петух.

85. Степан Петров 30, у него жена Катерина Григорьева 27; у них дети: Александр 8, Марья 7. Строение: деревянный дом на 11 рядах, 2 погреба, баня на 10 венцах крыты дранью. Скота: корова. Птиц: 2 курицы и петух.

86. Лавр Михайлов умер в 1817 году, у него жена Марфа Иванова 28, у них дети: Матвей 8, Иван 7, Марья 4. У Лавра мать Аграфена Максимова 54. Строение: деревянный дом на 11 рядах, крыты дранью. Птиц: 2 курицы.

87. Гаврила Емельянов 48, у него жена Анисья Петрова 47, у них дети: Катерина 30, Александра 11. Строение: деревянный дом на 12 рядах, крыты дранью.

88. Федор Логинов 21, у него жена Анна Иванова 21, у него ж мать Афимья Савельева 55, у него ж сестра Матрена 18. Строение: деревянный дом на 11 рядах, крыты дранью.

89. Кузьма Екимов 29, у него жена Матрена Михайлова 29; у них дети: Алексей 4, Анна 7, Марья 11. Строение: деревянный дом на 11 рядах, крыты дранью. Птиц: 2 курицы.

90. Михайла Тимофеев 32, у него жена Авдотья Афанасьева 49; у них сын Иван 10, падчерица Матрена Иванова 21. У него Михайла мать Анна Иванова 55. Строение: деревянный дом на 11 рядах, баня, сарай, погреб на 9 венцах крыты дранью. Скота: корова и подтелок. Птиц: кочет.

91. Василий Никитин 51, у него жена Прасковья Петрова 40; у них дети: Александра 14, Анна месяц. Строение: деревянный дом на 11 рядах, баня, погреб, сарай на 10 венцах крыты дранью. Скота: корова.

92. Тимофей Алексеев 72, у него жена Фекла Афонасьева умре в 1817 году. У них сын Тимофей 49, у него жена Авдотья Андреева 48; у них дети: Риада 22, Марфа 14. Строение: деревянный дом на 17 рядах, погреб, сарай, баня на 15 венцах крыты дранью. Скота: 2 коровы. Птиц: 2 курицы и петух.

93. Андрей Иванов вдовой 67; у него сын Никита 38, у него жена Катерина Тимофеева 34; у них дети: Иван 12, Иван же 10, Марья16, Пелагея 8, Анна 6. Строение: деревянный дом на 11 рядах, погреб, баня на 10 венцах крыты дранью. Скота: корова, 2 свиньи. Птиц: 4 курицы, 3 гуся и петух.

94. Иван Карнилов 52, у него жена Матрена Григорьева33; у них дети: Яков 19, Петр 14, Татьяна 13, Марья 4, Анна полугоду. Строение: деревянный дом на 19 рядах, сарай, погреб, анбар, баня на 10 венцах крыты дранью. Скота: корова и свинья. Птиц: 3 курицы и петух.

95. Петр Яковлев Тепляков 38, у него жена Акулина Савельева 38; у них дети: Татьяна 9, Аграфена 8. Строение: деревянный дом на 18 рядах, 2 анбара, 2 погреба, баня, сарай на 15 венцах крыты тесом. Скота: корова. Птиц: 2 курицы и петух.

96. Вдова Марфа Никитина 64, у нее сын Михайла Иванов 24, у него жена Авдотья Екимова 25, у нее сын Иван 6. Строение: деревянный дом на 18 рядах, 2 анбара, 2 погреба, баня, сарай на 15 венцах крыты дранью. Скота: корова. Птиц: 2 курицы и петух.

97. Михайла Иванов 32, у него жена Настасья Васильева 32; у них дети: Алексей 9, Иосаф 5, Александра 11, Софья 6, Марья 3. У него ж Михайлы брат Яков 30, у него жена Анна Петрова31, у них дочь Катерина 9. У них же Михайла и Якова мать Прасковья Михайлова 80. Строение: деревянный дом на 11 рядах, сарай, баня, погреб на 10 венцах крыты дранью. Скота: корова. Птиц: курица и петух.

98. Вдова Вера Яковлева 65, у нее сын Иван 36, у него жена Татьяна Ларионова 32, у них дети: Алексей 10, Василей 3, Катерина 8, Пелагея двух месяцев. Строение: деревянный дом на 11 рядах, баня, погреб, сарай на 10 венцах крыты дранью. Скота: корова. Птиц: 2 курицы и петух.

99. Григорей Емельянов вдовой 56; у него сын Иван 38, у него жена Матрена Васильева 38, у них дети: Василей 9, Григорей 5, Фекла 15, Марья 13, Анна 12, Александра 4, Илья полугоду. Строение: деревянный дом на 11 рядах, анбар, сарай, погреб, баня на 10 венцах крыты дранью. Скота: 2 коровы и поросенок. Птиц: 2 курицы и петух.

100. Вдова Катерина Никифорова 53; у нее дети: Иван 8, Марья 12, Александра 11. Строение: деревянный дом на 15 рядах, анбар, сарай, погреб на 12 венцах крыты дранью. Скота: нечево нет. Птиц: 4 курицы и петух.

101. Акиндин Матвеев 64, у него жена Устинья Федорова 60; у них дети: Петр 25, Василей 19. У Петра жена Авдотья Петрова 21. Строение: деревянный дом на 15 рядах, сарай, погреб, баня на 12 рядах крыты дранью. Скота: лошадь, 2 коровы. Птиц: 2 курицы и петух.

102. Вдова Прасковья Кузьмина 64; у нее дети: Кузма 32, Татьяна 22. У Кузмы жена Анна Андреева 24; у них дети: Александр 3, Аксинья 4. Строение: деревянный дом на 12 рядах, сарай, погреб, баня на 10 рядах крыты дранью. Скота: 2 теленка. Птиц: 2 курицы.

103. Дмитрий Гаврилов 55, у него жена Наталья Павлова 53. Строение: деревянный дом на 12 рядах, сарай, погреб, баня на 10 рядах крыты дранью. Скота: корова.

104. Трофим Михайлов вдовой 52; у него дети: Алексей 16, Аграфена 24, Марья 19, Алампиада 12, Евпраксея 9. Строение: деревянный дом на 12 рядах, сарай, погреб, баня на 10 венцах крыты дранью. Скота: 2 теленка. Птиц: 4 курицы.

105. Вдова Прасковья Васильева 65; у нее сын Кузма 44, у него жена Марфа Иванова48; у них дети: Василей 15, Анна 21, Агрофена 21, Пелагея 11. Строение: деревянный дом на 13 рядах, анбар, сарай, погреб, баня на 10 рядах крыты дранью. Скота: корова. Птиц: 2 курицы, 2 утки и селезень.

106. Андрей Тимофеев 54, у него жена Авдотья Филипова умре в 1817 году. У него вторая жена Пелагея Никифорова 49. У него ж зять Алексей Анкидинов 28, у него жена Матрена Андреева 32. Строение: деревянный дом на 12 рядах, анбар, сарай, баня, погреб на 10 рядах крыты дранью. Птиц: 4 курицы и петух.

107. Иван Андреев 41, у него жена Матрена Ларионова 39; у них сын Василей 5. Строение: деревянный дом на 14 рядах, сарай на 10 венцах крыты дранью.

108. Вдова Авдотья Васильева 87; у нее внуки: Иван 17, Марья 11 Петровы. Строение: деревянный дом на 14 рядах, сарай на 10 венцах крыты дранью.

109. Михайла Яковлев 51, у него жена Прасковья Михайлова умре 1817 году. У них дети: Яков 23, Борис 16. У Бориса жена Авдотья Васильева 19. Строение: деревянный дом на 15 рядах, сарай, погреб на 10 венцах крыты дранью.

110. Вдова Настасья Иванова 35; у нее дети: Петр 9, Марья 8. Строение: деревянный дом на 13 рядах, сарай, погреб, баня на 10 рядах крыты дранью.

111. Григорий Яковлев 40, унего жена Анна Афонасьева 36; у них дочь Авдотья 17. Строение: деревянный дом на 13 рядах, анбар, сарай, погреб, баня на 10 рядах крыты дранью. Скота: корова. Птиц: 2 курицы.

112. Ларион Петров 52, у него жена Наталья Сергеева 55; у них дети: Дмитрий 22, Надежда 24, Анна 17. Строение: деревянный дом на 13 рядах, сарай, погреб, баня на 10 рядах крыты дранью. Скота: корова. Птиц: 6 куриц и петух.

113. Андрей Яковлев 58, у него жена Ирина Герасимова 30; у них дети: Иван 10, Арсений 8, Алена 12, Наталья 10, Аксинья 6. Строение: деревянный дом на 13 рядах, сарай, погреб, баня на 10 венцах крыты дранью. Скота: корова. Птиц: 2 курицы и петух.

114. Иван Николаев 33, у него жена Марфа Никитина 33, у них дети: Дмитрий 4, Надежда 12, Матрена 4, Катерина 2 месяцев. Строение: деревянный дом на 17 рядах, анбар. сарай, погреб, баня на 14 венцах крыты дранью. Скота: корова. Птиц: 4 курицы и петух.

115. После сосланного на поселение Игнатья Петрова жена Агафья Семенова 47. У нее дочь Пелагея 22. Строение: деревянный дом на 10 венцах.

116. Николай Сергеев 63, у него жена Анна Петрова 62; у них дети: Иван 42 , у него жена Надежда Тимофеева 43, у них дети: Андрей 15, Петр 9, Матрена 22. Строение: деревянный дом на 17 рядах, анбар. сарай, погреб, баня на 15 венцах крыты дранью. Скота: корова. Птиц: 5 куриц и петух.

117. Степан Петров 63, у него жена Прасковья Дмитриева 61. У Степана племянник Афанасий Ларионов 27, у него жена Прасковья Васильева 29; у них дети: Иван 6, Александра 8, Марья 4. Строение: деревянный дом на 12 рядах, анбар. сарай, погреб, баня на 10 рядах крыты дранью. Скота: корова. Птиц: 3 курицы и петух.

118. Лазарь Дмитриев 42, у него жена Палагея Прокофьева 36; у них дети: Семен 14, Алексей 19, Григорей 6, Никита 2 месяцев, Авдотья 16, Палагея 7. Строение: деревянный дом на 13 рядах, анбар. сарай, погреб, баня на 10 рядах крыты дранью. Скота: корова. Птиц: 2 курицы и петух.

119. Иван Андреев 30, у него жена Татьяна Харитонова 25. У него ж сестра Наталья 19. Строение: деревянный дом на 12 рядах, анбар. сарай, погреб, баня на 10 рядах крыты дранью. Скота: корова. Птиц: 3 курицы и петух.

120. Трофим Прокофьев 32, у него жена Марья Самуилова 31; у них дети: Прокофей 7, Максим 6, Иван 3. Его ж Трофима сестры: Авдотья 30, Аграфена 29. Строение: каменной дом о двух этажах, около оного деревянные строения: анбар. сарай, погреб, баня на 15 венцах крыты дранью, а дом крыт железом. Скота: 5 лошадей и 2 коровы. Птиц: 5 куриц и петух.

121. Вдова Матрена Дмитриева 45; у нее сын Николай Федоров 20, у него жена Ирина Петрова 24; у них дети: Анна 3, Марья году. У Николая сестра Софья 14.

Строение: деревянный дом на 12 рядах, сарай, погреб, баня на 10 рядах крыты дранью. Скота: корова. Птиц: 3 курицы и петух.

122. Дмитрий Андреев 25, у него жена Елизавета Ефимова 23, у них сын Алексей 3, Санафантий году. Строение: деревянный дом на 13 рядах, сарай, погреб, баня на 10 рядах крыты дранью. Скота: корова. Птиц: 8 куриц и петух.

123. Иван Иванов 27, у него жена Наталья Дмитриева 27; у них сын Григорей 3. Строение: деревянный дом на 9 рядах, сарай, погреб, на тех же рядах крыты дранью. Скота: свинья.

124. Федор Семенов 52, у него жена Анисья Петрова 50. У него ж сестра Авдотья 50. Строение: деревянный дом на 11 рядах, анбар, сарай, погреб на 9 рядах крыты дранью. Скота: корова и подтелок.

125. Василей Карпов 54, у него жена Авдотья Григорьева 50; у них дети: Егор 14, Анна 20, Авдотья 12. Строение: деревянный дом на 11 рядах, сарай, погреб, баня на 9 рядах крыты дранью. Скота: корова и бык. Птиц: 3 курицы и петух.

126. Петр Максимов 57, у него жена Анна Андреева 34; у них сын Алексей 6. Строение: деревянный дом на 19 рядах, 3 анбара, сарай, погреб, баня. Напротив онаго дома деревянная лавка на 12 рядах крытые частию тесом и дранью. Скота: корова и подтелок. Птиц: 4 курицы и петух.

127. Иван Моисеев 37, у него жена Прасковья Яковлева 39; у них дети: Иван 6, Катерина 16, Аграфена 9, Авдотья 3. У него ж Ивана племянники Василей 6, Иван 4. Строение: деревянный дом на 19 рядах, амбар, сарай, погреб, баня на 15 рядах крыты дранью. Скота: корова. Птиц: 4 курицы и петух.

128. Григорей Иванов 81, у него жена Авдотья Михайлова 57; у них дети: Иван 19, Марья 14. Строение: деревянный дом на 15 рядах, анбар, сарай, погреб, баня на 10 рядах крыты дранью. Скота: корова. Птиц: 3 курицы.

129. Дмитрий Иванов 43, у него жена Аграфена Васильева 42; у них дети: Иван 16, Василей 6, Александра 11. Строение: деревянный дом на 17 рядах, амбар, сарай, погреб, баня на 14 венцах крыты дранью. Скота: корова и подтелок. Птиц: 4 курицы и петух.

130. Петр Андреев 50, у него жена Любовь Егорова 51; у них дети: Борис 24, Петр 18. У Бориса жена Пелагея Михайлова 25, у них дети: Михайла 6, Иван 3, Василей году. У Петра Андреева племянник Ефим Михайлов 37. У Петра жена Матрена Михайлова 24. Строение: деревянный дом на 19 рядах, 2 анбара, сарай, погреб, баня на 15 рядах крыты частию тесом и дранью.

131. Вдова Фекла Данилова 67; у нее внука Аграфена 19, Прасковья 18, Палагея 15. Строение: деревянный дом на 12 рядах крытый дранью. Скота: свинья. Птиц: 5 куриц и петух. В оном же доме Симон Иванов 33, у него жена Авдотья Андреева 31, у них дети: Иван 4, Марья 11, Аграфена 3, Василей месяца. У Симона Иванова мать Катерина Кузмина 61. У него ж брат Гаврила Иванов 36, у Гаврилы жена Катерина Сергеева 31; у них дети Степан полугоду.

132. Вдова Катерина Иванова умре в 1818 году. У нее зять Яков Иванов 23, у него жена Аграфена Андреева 23; у них дети: Андрей 3, Анна 3, Ефим году. Строение: деревянный дом на 18 рядах, 2 амбара, сарай, 2 погреба, баня на 14 венцах крыты дранью. Скота: лошадь и корова. Птиц: гусей 5, 9 куриц и кочет.

133. Дмитрий Максимов 55, у него жена Матрена Афанасьева 42, у них дети: Василей 14, Надежда 22, Анна 9. Дома по случаю пожара не имеют.

134. Ефим Михайлов 37, у него жена Ирина Михайлова 35. Дома после пожара не имеют.

135. Глеб Степанов 33, у него жена Марья Алексеева 24; у него дети: Александр 5, Анна 3. У Глеба мать Анна Федорова 55. У него ж сестра Матрена 27. Строение: деревянный дом на 18 рядах, амбара, баня погреб на 15 венцах крытые дом тесом, а протчее дранью. Скота: свинья. Птиц: 2 курицы и петух.

136. Андрей Михайлов 50, у него жена Надежда Яковлева 50. У них зять Иван Иванов 27, у него жена Прасковья Андреева 23; у них дети: Евлампий году, Аграфена 4, Евлампий умре 1817 году. Строение: деревянный дом на 20 рядах, баня на 10 венцах крытые дом тесом и дранью. Скота: корова. Птиц: 2 курицы и петух.

137. Петр Иванов 44, у него жена Матрена Михайлова 44; у них дети: Иван 10, Ефим 7. Строение: деревянный дом на 15, баня на 10 венцах крытые дранью. Скота: свинья. Птиц: 4 курицы и петух.

138. Девка Катерина Афанасьва умре в 1817 году, Анна Афонасьева 69. Строение: деревянный дом на 12 венцах крытые дранью.

139. Артемий Абрамов 50, у него жена Анна Семенова 54. У них дети: Лев 20, Прасковья 23. Строение: деревянный дом на 15 венцах крыты тесом. Птиц: две курицы и петух.

140. Иван Григорьев вдовой 63; у него сын Михайла 23, у него жена Анна Макарова 30; у них дети: Аграфена 4, Дарья полугоду. Строение: деревянный дом на 13 венцах крыты дранью. Скота: телка. Птиц: 2 курицы.

141. Дмитрий Карпов вдовой 62, у него сын Иван 30, у Ивана жена Марья Иванова 29, у них дочь Александра 9. Строение: деревянный дом на 15 венцах крыты дранью.

142. Василей Алексеев умер 1818 года, у него жена Авдотья Николаева 39, у них дети: Марья 18, Прасковья 17, Анна 8. Строение: деревянный дом на 15 рядах, амбар, погреб, баня на 10 рядах крытые дранью. Скота: корова. Птиц: 4 курицы и петух.

143. Иван Иванов 35, у него жена Прасковья Матвеева 36; у него дети: Федор 7, Надежда 12, Татьяна 11, Настасья 3. У Ивана Иванова теща Марья Андреева 66. Строение: деревянный дом на 21 венцах, погреб, баня на 10 венцах крытые дранью.

144. Михайла Афонасьев 38, у него жена Авдотья Никифорова 40; у них дети: Василей 13, Марфа 17, Надежда 15, Степан году. Строение: деревянный дом на 15, погреб, баня на 10 венцах крытые дранью. Скота: 2 свиньи. Птиц: 2 курицы.

145. Ефим Андреев 32, у него жена Афимья Афонасьева 30, у них дети: Анна 6, Василей году. Строение: деревянный дом на 11, погреб, баня на 10 рядах крытые дранью. Скота: свинья.

146. Василей Васильев 66, у него жена Арина Данилова 57, у них дети: Алексей 34, Андрей 20. У Алексея жена Катерина Алексеева 31; у них дети: Василей 11, Иван 5, Анна 8, Михайла полугоду. У Андрея жена Палагея Дмитриева 30. Строение: деревянный дом на 20, 2 анбара, сарай, погреб, баня на 15 венцах крытые дранью. Скота: 2 коровы. Птиц: 2 курицы.

147. Василей Александров 43, у него жена Анна Абрамова 44. Строение: деревянный дом на 17, анбар, сарай, погреб, баня на 14 венцах крытые дранью. Скота: корова.

148. Федор Васильев 44, у него жена Прасковья Абрамова 34; у них дети: Иван 20, Ефим 19, Анна 15, Стефанида 11. Строение: деревянный дом на 14, 2 анбара, сарай, погреб, баня на 10 венцах крытые дранью. Скота: корова. Птиц: 5 куриц и петух.

149. Андрей Васильев вдовой 70; у него сын Василей 42, у Василья жена Катерина Трофимова 41; у них дети: Алексей 10, Авдотья 10, Матрена 5. Строение: деревянный дом на 16, сарай, баня на 12 венцах крытые дранью. Скота: корова и свинья.

150. Яков Кузьмин 54, у него жена Прасковья Андреева 52; у них дети: Андрей 18, Петр 11, Анна 14. Строение: деревянный дом на 15, анбар, сарай, погреб, баня на 10 венцах крытые дранью. Скота: корова. Птиц: 4 курицы и петух.

151. Иван Васильев 60, у него жена Афимья Егорова 46; у них сын Николай 34, у него жена Марья Яковлева 33. Строение: деревянный дом на 15, 2 анбара, сарай, погреб, баня на 10 венцах крытые дранью. Скота: корова. Птиц: ничего нет.

152. Евграф Иванов 28, у него жена Пелагея Савельева 22; у них дети: Василей 6, Риада 3. Строение: деревянный дом на 15, анбар, погреб, баня на 10 рядах крытые дранью.

153. Михайла Иванов вдовой 54; у него дети: Василей 15, Евлампия 19. Строение: деревянный дом на 11, анбар, сарай, погреб, баня на 10 рядах крытые дранью.

154. Вдова Татьяна Яковлева 55; у нее сын Иван 34, у него жена Прасковья Степанова 35; у них дети: Федор 11, Анна 3, Марья умре в 1818 г., Александра году. У Татьяны второй сын Василей 23, у него жена Катерина Андреева 25; у нее дочь Авдотья 4. Строение: деревянный дом на 13, 2 анбара, сарай, погреб, баня на 10 венцах крытые дранью. Скота: корова, 3 теленка, 4 поросенка. Птиц: 10 куриц и петух.

155. Трофим Михайлов 68, у него жена Катерина Иванова 75; у него сын Федор 44, у него жена Алиона Никифорова 20; у них дети: Иван 16, Василей 10, Федор 4, Анна 15, Авдотья 11, Аграфена 8. Вдова Катена Ефимова 42, у нее дети: Авдотья 15, Аграфена 11, Галактион Петров 3. Строение: деревянный дом на 15, анбар, сарай, погреб, баня на 10 венцах, дом крыт тесом, а протчие дранью. Скота: корова, 2 свиньи. Птиц: 2 курицы и петух.

156. Яков Семенов 61, у него жена Агафья Михайлова 64. У него ж свояченица Вера Михайлова умре в 1818 году. Строение: деревянный дом на 11, анбар, сарай, погреб, баня на 10 венцах крытые дранью. Скота: корова и поросенок. Птиц: 2 курицы и петух.

157. Иван Григорьев 42, у него жена Мавра Григорьева 36; у них дети: Василей 20, Михайла 16, Федор 13, Егор 11, Алексей 7, Татьяна 10. Строение: деревянный дом на 12, анбар, сарай, погреб, баня на 10 венцах крытые дранью. Скота: корова. Птиц: 5 куриц.

158. Петр Семенов 27, у него жена Матрена Тимофеева 27; у них дети: Василей 4, Пелагея году. Строение: деревянный дом на 13, анбар, сарай, погреб, баня на 10 венцах крытые дранью. Скота: корова.

159. Антон Андреев умре в 1818 году. У него жена Пелагея Васильева 40; у них дети: Николай 17, Иван 14, Андрей 12. Егор 7, Прасковья 19. Наталья 3. Строение: деревянный дом на 12, анбар, сарай, погреб, баня на 10 венцах крытые дранью. Птиц: 2 курицы.

160. Арсений Петров 42, у него жена Прасковья Тимофеева 37; у них дочь Надежда 18. Строение: деревянный дом на 12, анбар, сарай, погреб, баня на 10 венцах крытые дранью. Скота: корова и свинья. Птиц: 2 курицы и петух.

161. Вдова Прасковья Савельева 35; у нее дети: Федор 9, Анна 12, Фекла 6. Строение: деревянный дом на 10, погреб на 9 венцах крытые дранью. Птиц: 4 курицы.

162. Иван Андреев 33, у него жена Матрена Савельева 36; у них дети: Василей 8, Иван 6, Анна 14, Михайла году. Строение: деревянный дом на 13, анбар, сарай, погреб, баня на 10 венцах крытые дранью. Скота: корова. Птиц: 2 курицы.

163. Тимофей Иванов 36, у него жена Катерина Андреева 34; у них дети: Василей 16, Алексей 3, Стефан году. Строение: деревянный дом на 13, анбар, сарай, погреб, баня на 10 венцах крытые дранью. Скота: корова и теленок. Птиц: 4 курицы и петух.

164. Стефан Савельев 41, у него жена Стефанида Яковлева 38; у них дети: Василей 19, Иван 15, Иван же 9, Тимофей 3, Марья 17, Александра 16, Авдотья 12, Акулина 9. Строение: деревянный дом на 13, анбар, сарай, погреб, баня на 10 венцах крытые дранью. Скота: корова. Птиц: 4 курицы и петух.

165. Вдова Прасковья Максимова 56; у нее сын Петр Матвеев 30, у него жена Прасковья Яковлева 32; у них дети: Иван 6, Александр 4, Надежда 12, Александра 8. Строение: деревянный дом на 12, анбар, сарай, погреб, баня на 10 венцах крытые дранью. Птиц: 2 курицы и петух.

166. Моисей Иванов 30, у него жена Марья Яковлева 32; у них дети: Иван 9, Ефим 4, Матрена 3. Строение: деревянный дом на 13, анбар, сарай, погреб, баня на 10 венцах крытые дранью. Скота: теленок, 2 свиньи. Птиц: 4 курицы и петух.

167. Иван Данилов вдовой 72, у него сын Михаил 39, у него жена Марья Матвеева 37; у них дети: Анна 14. Наталья 11, Акулина 6, Прасковья полугоду. Строение: деревянный дом на 12, анбар, сарай, погреб, баня на 10 венцах крытые дранью. Скота: 2 поросенка.

168. Михайла Иванов 50, у него жена Прасковья Михайлова 52; у них дети: Федор 18, Иван 14. У Федора жена Пелагея Михайлова 19; у них сын Евлампий полугоду. Строение: деревянный дом на 12, анбар, сарай, погреб, баня на 10 венцах крытые дранью. Скота:корова. Птиц: 6 куриц и петух.

169. Авдотья Андреева 38; у нее дети: Александр 13. Василий 11, Марья 15, Анна 13. Строение: деревянный дом на 12, анбар, сарай, погреб, баня на 10 венцах крытые дранью. Скота: корова. Птиц: 6 куриц и петух.

170. Николай Сергеев 42, у него жена Прасковья Васильева 47; у них дети: Егор 17, Алексей 14, Авдотья 19, Марья 5. Строение: деревянный дом на 11, анбар, сарай,

погреб, баня на 10 венцах крытые дранью. Скота: одна корова и свинья. Птиц: гусей 4, 4 курицы и петух.

171. Иван Петров 26, у него жена Лукерья Васильева 28; у них дети: Петр умре в 1817, Антон 6, Василий 3. Строение: деревянный дом на 13, анбар, сарай, погреб, баня на 10 венцах крытые дранью. Скота: свинья. Птиц: 3 курицы и петух.

172. Семен Тиханов 66, у него жена Федора Васильева 66; у них сын Сила 31, у него жена Акулина Яковлева 31; у них дети: Иван 7, Федор 5, Петр 3, Александра 10. Строение: деревянный дом на 11, анбар, сарай, погреб, баня на 9 венцах крытые дранью. Скота: корова и теленок.

Гостиной двор в коем контора деревянная на 17 венцах крытая тесом. Для ярмонок выстроено до трехсот лавок, которые крыты тесом. Водяная мельница, состоящая на реке Тезе, при коей деревянные дом на 17 венцах крытый дранью.

Итого: по 7-й ревизии налицо мужеска пола 403, женска пола 494, убылые обоего пола 35, после ревизии прибыло 34 мужеска, 23 женска пола.

Опись чинил по доверенности Холуйской слободы бурмистр Петр Тепляков. При сей описи по силе высочайшего о губерниях учреждения 215 статьи на подпись секретарь Василей Федоров. Дворянской заседатель Булгаков. Холуйской слободы Тихвенской церкви священник Иван Яковлев.

1. Сергей Фёдорович Соковнин (16 мая 1785 – 17 октября 1868), поручик Иркутского гусарского полка, статский советник. Вступил в июле 1812 г. в Московский гусарский полк графа И. П. Салтыкова, являвшийся частью ополчения, затем с 17 декабря 1812 г. вошедший в состав Иркутского гусарского полка. Участник заграничных походов 1813-1814 гг., в составе 3-го резервного кавалерийского корпуса под началом генерал-майора князя Михаила Алексеевича Горчакова (1768-1831гг.) в Герцогстве Варшавском. В отставке со 2 июня 1814 г. Умер бездетным. (ОПИ ГИМ. Ф.357. Ед. хр.24. Л.7, 9-10)
2. ОПИ ГИМ. Ф.357. Ед. хр.23. Л.2 об.-4.
3. В.А. Хованский (1 апреля 1755 – 27 июля 1830), князь, действительный тайный советник (1821 г.), сенатор (1823 г.). Поступил в 1766 г. в Семеновский полк. В 1775 г. флигель-адъютант генерал-фельдмаршала кн. А.М. Голицына. В 1781-1785 гг. служил в Рязанском и Ингерманландском карабинёрных полках, в Шведскую войну в 1789 г. переведён в Семёновский полк, на гребную флотилию. В 1790 г. отставлен с чином бригадира. С 1793 г. вице-губернатор Киевского наместничества, где ввёл производство фаянса и фарфора. За полезную деятельность в 1795 г. награждён орденом Св. Владимира 3 ст. С 1796 г. – обер-прокурор Сената, в 1797-1799 гг. – Синода. В 1799 г. отставлен от службы и выслан на жительство в Симбирск. С 1819 г. жил в Москве, избран московским уездным предводителем дворянства. (РБС. СПб. 1901. Т. Фабер-Цявловский. С.374)
4. Конон Никитич Зотов (1690-1742), контр-адмирал, по словам Петра Великого, «первый охотник на морское дело», сын первого учителя Петра Великого, женился на тётке владельца с. Холуй Соковниной Марие Прокофьевне, а князь Алексей Васильевич Хованский (1738-1799) – на Екатерине Никитишне Зотовой (р. 1738 г.).
5. Фролов Н.В., Фролова Э.В. Южа как помещичье владение в XVII-XIX веках // Пожарский юбилейный альманах. Иваново-Южа. 2006. Вып.1. К 450-летию Южи. Сс. 37-49.
6. ОПИ ГИМ Ф. 406. Тихвинской церкви Вязниковского уезда древних предметов опись. Подписали: священник Виктор Троицкий, диакон Петр Делекторский, псаломщик Александр Невский, церковный староста Иван Ручкин 1904 г.
7. Булгаков Александр Яковлевич (1781-1863), Московский почт-директор (1832-1856 гг.), сенатор с 1856 г. Литератор, обладавший бойким пером. С 27 августа 1809 г. Жена Н. В. Хованская.
8. Булгаков Константин Яковлевич (1782-1835), действительный тайный советник, директор почтового департамента.
9. Братья Булгаковы. Переписка. М., 2010. Т.1.

10. Обресков Василий Александрович (1782-13. 06.1834 гг.), полковник, камергер (1831 г.), действительный статский советник. В 1812 г. поручик Кавалергардского полка, адъютант Ф.В. Ростопчина. Московский обер-полицмейстер (1817-1827). С 1813 г. женат на Прасковье Васильевне Хованской.
11. Братья Булгаковы. Переписка. М., 2010. Т.1. С.129.
12. Там же. С. 130.
13. Соковнина Екатерина Прокофьевна, (25 февраля 1809 – 26 марта 1828) .
14. Братья Булгаковы. Переписка. М., 2010. Т.1. С.236.
15. Там же. С.287.
16. Софья Прокофьевна Хованская (1812-1869 гг). С 1830 г. 2-я жена графа Василия Алексеевича Бобринского (1804-1874 гг.), отставного корнета л-гв. Гусарского полка. Дети: Алексей (1831-1888 гг.), Софья (1837- 1871 гг.).
17. ОПИ ГИМ. Ф.357. Ед. хр.23. Л.18).
18. Соковнина Мария Прокофьевна, (1 марта 1811 – 12 сентября 1814 г.) .
19. ОПИ ГИМ. Ф.357. Ед. хр.23. Л.47-47 об.
20. Там же. Л.100-100 об.
21. .Там же. Л.47-47 об.
22. Там же. Л.97-97 об.
23. Там же. Л.74.
24. Братья Булгаковы. Переписка. М., 2010. Т.1. Сс.601-602.
25. ОПИ ГИМ. Ф.357. Ед. хр.24. Л.36 об.
26. Там же. Л.69-70 об.
27. Шереметев Дмитрий Николаевич (1803-1871), сын графа Н.П. Шереметева (1751-1809) и крепостной певицы и актрисы П. И. Ковалёвой-Жемчуговой (1768-1803). Остался круглым сиротой в 6 лет и находился на попечении Императорской фамилии.
28. ОПИ ГИМ. Ф.357. Ед. хр.24. Л.37-37 об.
29. Там же. Л.50-52 об., 60 об.-61.
30. Там же. Л.81-93 об.
31. Братья Булгаковы. Переписка. М., 2010. Т.1. С.687.
32. ОПИ ГИМ. Ф.357.Ед. хр.23. Л.21-38 об.
33. Там же. Л.124-160.
34. Многие из прозвищ известны уже в 1646-1648 гг. по документам из архива князей Пожарских. Посадские люди Данило Безътемьянников, Михайло Безътемьянников с женой Оленой, Тимофей Бир, Ганка Денисов, Иван Денисов, Григорий Яковлев Горбунов, Василий и Григорий Карповы Костерины, Савелей Кощеев, Василий Новосёлов, Потеха Новоселов, Григорий Яковлев Сватов. Сохранившийся актовый материал позволяет проследить их род занятий: Потеха Новосёлов был земским дьячком, Василий Новосёлов, братья Василий и Григорий Карповы Костерины «волочили струги ради соляные и рыбные покупки», Ганка Денисов торговал на Украйне. Schmucker-Breloer M. Das Hausarchiv der Fursten Pozarskij. Bohlau. Verlag. Köln. Weimar. Wien. 1996. S.105, 125, 133, 189, 203, 227, 265, 299, 305, 317. Большинство из указанных фамилий существуют и по сей день. См.: Печкин М.Б. Вершина и корни. Иваново. 2008; Печкин М.Б. Соль, икона, миниатюра. Иваново. 2011.

В. В. Барашков

Истоки художественного образования в селе Холуй

Жители Холуя всегда стремились дать своим детям образование. Самая ранняя попытка создания учебного заведения относится к 1809 году, когда в Холуе директором училищ Владимирской губернии Д. И. Дмитревским было открыто приходское училище в доме священника Тихвинской церкви Ивана Яковлева, но просуществовало оно недолго (так как число учеников к концу учебного времени резко сократилось). О следующей попытке создания учебного заведения говорится в исследовании, проведённом краеведом Иваном Владимировичем Тупицыным по документам Российского государственного исторического архива. В одном из найденных в архиве дел, докладе от 21 апреля 1856 года №369 в Департамент сельского хозяйства Министерства государственных имуществ, заведующий Владимирским отрядом уравнения государственных крестьян в денежных сборах, надворный советник Яков Александрович Соловьёв пишет: «В самой Холуйской слободе две трети народонаселения составляют помещичьи крестьяне графини Бобринской, которые занимаются иконописанием точно так же, как и казенные. Желание их учиться недавно обнаружилось в попытке бурмистра графини Бобринской открыть приходское училище. К несчастью, попытка эта осталась безуспешною»[1]. Также в предыдущем его докладе от 5 июля 1855 года №101 было высказано предложение: «не следует ли занятия иконописанием... не включать в оценку на основании п. 8 §182 инструкции для уравнения денежных сборов. В этом пункте сказано, что оценке не подлежат занятия изящными искусствами...»[2]. Им же обосновывается снижение налогов более чем на 27% в год и делается вывод: «...я полагал бы не освобождать иконописание от оценки и обложения промышленным налогом, но вместе с тем, чтобы Суздальское иконописание из ремесла обратить в художество, весьма полезно было бы учредить в Холуйской слободе школу живописи. Нет никакого сомнения, что школа эта в самом непродолжительном времени из простых иконописцев образует более или менее значительных художников»[3]. В конечном итоге налог с крестьян Холуйской слободы с решения Совета министра и с согласия министра государственных имуществ графа Павла Дмитриевича Киселёва был снижен.

Я. А. Соловьёв по поручению Министерства составил записку, на каких основаниях по местным обстоятельствам может быть учреждена школа живописи в Холуе: «...я обратил внимание на устройство существующей уже школы живописи в г. Арзамасе Нижегородской губернии... Доставлена мне... копия с предписания Министерства об учреждении ремесленных школ... Что же касается до учителя живописи, то из крестьян сёл, в которых развито иконописание Холуя, Мстёры и Палеха, хотя и есть некоторые более усовершенствовавшиеся в этом искусстве, но не имеют никаких теоретических познаний. Но при уезд-

ном училище в г. Вязниках занимается обучением живописи вольный художник Цыганцев.., о его искусстве слышны одобрительные отзывы.

По соображениям всех вышеизложенных обстоятельств, я полагал бы:

1) Открыть в Холуйской слободе на первый раз сельское приходское училище. Кроме предметов преподавания, которые положены для сельских училищ, установить: класс живописи и подробное преподавание русской церковной истории с жизнеописаниями святых – как предметов, имеющих тесную связь с иконописанием.

2) Преподавание церковной истории и жизнеописания святых можно возложить на того же самого учителя, который будет преподавать и другие предметы, так как сельские учителя бывают или священники, или студенты, кончившие курсы в семинарии, то они не могут не иметь все нужные познания для преподавания означенных предметов.

3) В учители живописи пригласить из г. Вязники вольного художника Цыганцева...

4) Кроме суммы, полагаемой на каждое сельское училище, к содержанию Холуйской школы прибавить сумму, назначаемую на учреждение каждой ремесленной школы, ... 420 р. серебром.

5) Обучение в школе ограничить известным числом лет, не менее трех, и сделать срок этот обязательным, иначе, как это очень часто бывает в сельских училищах, некоторые крестьяне будут брать обратно своих детей для пособия им в хозяйстве, и таким образом учреждение школы не будет достигнуто...

В заключение считаю долгом... прибавить, что едва ли когда-нибудь крестьяне с такой охотой принимали мысль об учреждении училища, как в настоящем случае»[4].

В 1861 году желанием сельского общества и при содействии графини Софьи Прокофьевны Бобринской в селе Холуй было открыто Холуйское Софиинское училище, в которое принимали только мальчиков. Программа обучения была такой же, как и в любом сельском училище. В октябре 1864 года на должность сельского учителя поступил студент Архангельский, который заметил, что многие ученики, как то сироты или дети бедных родителей, за неимением бумаги, карандаша и других необходимых вещей для занятий, отстают в учёбе от своих товарищей. Архангельский обратился к холуйскому обществу, прося материально обеспечить училище необходимыми предметами для учёбы. Общество откликнулось на просьбу учителя. Купец Пётр Фёдорович Шахов, проживающий в селе, пожертвовал в училищную библиотеку шкаф с 50 экземплярами книг, а купец А. Л. Лобырев пожертвовал в библиотеку 150 экземпляров жизнеописаний святых. Волостное правление купило бумаги, досок, перьев. «Лестный отзыв о Холуйском училище чиновника Министерства народного просвещения г. Золотова, высказанный им при собрании многих членов сельского общества, оправдал наши надежды на успех образования мальчиков»[5].

В 1867 году Министерство народного просвещения решило выделить средства, чтобы открыть в Холуе на более широких основаниях двухклассное приходское училище. Содействие в этом оказал директор училищ Владимирской

Здание бывшего двухклассного училища в Холуе

губернии Николай Осипович Эмин, а забота по устройству здания принадлежала волостному старшине Ивану Асафовичу Ручкину. Крестьянами была уступлена десятина земли под здание училища. Министерство народного просвещения пожертвовало на эту постройку тысячу рублей, уездный училищный комитет из земских сумм – 600 руб. и сами крестьяне 500 руб. Также они обязались общественным приговором ежегодно платить 157 руб. 50 коп. на ремонт, освещение, отопление и страховку здания училища: «к этим средствам... Министерство ассигновало из своих сумм ежегодно двоим учителям по 330 руб., законоучителю 150 руб., на случай открытия ремесленного класса 60 руб. и на увеличение библиотеки и награды учителям 75 руб.»[6]. 15 декабря 1868 года первое во Владимирской губернии двухклассное училище Министерства народного просвещения было открыто в с. Холуе. В программу преподавания вошли: закон Божий, русский язык, отечественная история, география России, арифметика и церковное пение. Учащихся явилось 112 человек мальчиков и девочек, из них 81 обучавшихся ранее в прежнем волостном училище (особенно оно хорошо работало со дня вступления в должность волостного старшины И. А. Ручкина).

Со дня основания училища учителями были: первого класса – С. П. Фортунатов, второго класса – В. И. Виноградов, законоучителем – священник Троицкой церкви Иван Алявдин. В августе 1869 года на должность учителя рисования был принят уроженец села Холуй Прокопий Тепляков. В начале 1870 года Холуйское двухклассное училище ревизировал инспектор Московского учеб-

ного округа коллежский советник Звонников, который в своём отчёте отмечает: «По заявлению законоучителя Ивана Алявдина, давно уже священствующего в Холуе, при крайней бедности холуйских живописцев, труд которых за безысходностью эксплуатируется оптовыми поставщиками икон, было бы большим благодеянием для местного общества изыскание мер к доставлению материальных средств и правильному обучению детей рисованию и живописи, чего, конечно, училище собственными средствами достигнуть не может и что, между прочим, заставило бы родителей, рано отбирающих детей своих для приучения к своему ремеслу, на более продолжительный срок оставлять их в училище»[7]. Некоторые из крестьян, видя, с каким прилежанием занимается в училище молодое поколение, и сами изъявили желание по воскресеньям и праздникам заниматься в училище русской историей, географией, арифметикой и чтением статей религиозного содержания, а вместе с тем и рисованием.

В январе 1870 года от жителей Холуя крестьян Михаила Блиничева, Алексея Коновайкова, Григория Шахова, Фёдора Костерина, Ивана Шахова поступило письмо на имя смотрителя Вязниковских училищ Министерства народного просвещения г. Попова с просьбой открыть при Холуйском двухклассном училище воскресный класс. Это письмо было переправлено попечителю Московского учебного округа, который своим решением, по согласованию с министром народного просвещения, постановил открыть в с. Холуй этот класс. Занятия начались с 26 апреля 1870 года, постоянных слушателей было 18 человек, не считая временно приходящих. Большое внимание уделялось преподаванию рисования с применением к иконописи. Обучение проводил Прокопий Тепляков в ходе двухчасовых занятий.

Наряду с открытием воскресного класса в Министерстве народного просвещения решался и вопрос об открытии живописной мастерской при училище. 21 апреля 1870 года от учителя двухклассного училища Степана Павловича Фортунатова на имя инспектора народных училищ Владимирской губернии поступило прошение: «Ввиду открытия живописной мастерской при Холуйском училище для скорейшего осуществления мысли привлечь массу народа к научному и промышленному интересам… предлагаю Министерству народного просвещения свои услуги и пожертвования в открытии означенной мастерской на следующих условиях».[8]

Вот некоторые его условия:

1. Ученики принимаются не моложе 10 лет;

2. Принимаются те, которые проучились уже два года в училище или умеющие читать и писать;

3. Срок обучения в мастерской будет от 5 до 7 лет, смотря по успехам и меньше;

4. Часов занятий будет каждодневно 10, из них 3 – учения;

5. Условия с родителями мальчиков будут производимы на бумаге, за свидетельствованием волостного правления;

6. Вознаграждение учителю живописи будет 150 рублей, а по усмотрению может быть и увеличено;

7. На втором году после поступления в мастерскую более способные мальчики будут получать от 10 до 15 процентов с заработанного ими рубля, а на 5, 6, 7 годах от 15 до 25 процентов и два раза в год награды;

8. ... Сбыт товара в первые годы производить в Холуе; ...

9. Чтобы деньги 60 рублей, отправляемые Министерством народного просвещения, были высылаемы на расходы по мастерской один раз в год;

10. Квартира для мастерской будет нанимаема близ училища; ...

11. Все расходы по мастерской будут производимы из сумм, заработанных мастерской по его поручительству.

В июле 1870 года С. П. Фортунатову было предписание от инспектора народных училищ Владимирской губернии Николая Александровича Соковнина: «Поручаю Вам главнейшее заведование, устройство и обзаведение рисовальной мастерской, которую разрешаю Вам открыть при Холуйском училище»[9]. Было выслано на его имя из сумм, пожертвованных купцом Напалковым, 100 рублей для устройства мастерской (30 рублей за квартиру, 70 рублей на обзаведение). В предписании указывалось: «Дело в мастерской должно быть поставлено так, чтобы она могла существовать за свой счет. Жалованье учителю рисования Теплякову за вычетом 60 рублей, выдаваемых из казны, в размере 150 рублей в год должно быть выдаваемо из вырученных денег мастерской[10]. Задача заведующего должна состоять в следующем:

1. Работы в мастерской должны быть возможно более совершенны, чтобы возвысить уровень этого труда;

2. Дать возможность детям скорее научиться и получить часть денег из заработков мастерской, чтобы тем самым почувствовать их родителям то благодеяние, которое может сделать училище для их детей и их самих.»

От штатного смотрителя Вязниковских училищ Адамова в адрес к губернского инспектора народных училищ поступило такое прошение: «Заведующий рисовальным классом Холуйского училища учитель Фортунатов представил мне реестр материалов, потребных для рисовального класса, и просит выписать ему назначенные в реестре материалы. Посему также имею честь просить разрешения на покупку материалов в школу рисования»[11]. Сумма всех материалов, указанных в реестре, была 172 руб. 52 коп. В неё входили белила, сурик, киноварь, охра, палитра, штофное полотно, треножники, кисти и другие материалы. Было заявление губернскому инспектору народных училищ от крестьянина слободы Холуй Ивана Алексеевича Лобырёва, который предлагал свои услуги в качестве сотрудника в деле обучения детей иконописи. Соковнин, посоветовавшись с Фортунатовым, ему отказал.

С 27 июля 1870 года живописная мастерская была открыта. На деньги, полученные от Соковнина, Фортунатовым сразу же стали закупаться краски, штофная материя, серебро, доски для икон, а также производиться ремонт в арендованной квартире. С 27 июля по 18 декабря 1870 г. было израсходовано на эти цели 65 рублей. Было выдано учителю рисования в счёт жалованья 100 рублей. По просьбе учителя рисования Прокопия Борисовича Теплякова с разрешения инспектора народных училищ были закуплены материалы для рисования

и учебные пособия. Живописная мастерская в селе Холуй при двухклассном училище просуществовала два года. В сентябре 1872 года она была закрыта в связи с отъездом руководителя Фортунатова по семейным обстоятельствам в г. Ветлугу Костромской губернии.

В своём обращении к инспектору народных училищ Владимирской губернии Соковнину Степан Павлович писал: «В течение двух лет я старался принести пользу делу образования и воспитания... не жалея ни трудов, ни материальных средств для обучения техническому мастерству, и хочется быть уверенным, что я принес пользу юному поколению... Между тем за годы работы в мастерской выручаемых денег за иконы было совершенно недостаточно на поддержку заведения, так как при имеющихся в селе Холуй крупных монополистах по части иконописной торговли с ними могли состязаться только заведения, основанные на широких основаниях. Приходилось выручаемые мною деньги отдавать на уплату жалованья учителю рисования Теплякову в первый год – 150 рублей, во второй – 170 рублей, а также на наем квартиры, на покупку необходимых материалов. Этой выручки было недостаточно, приходилось все время уплачивать на ремонт из своих собственных средств»[12].

Так в селе Холуй при двухклассном министерском училище задолго до выхода «Положения о рисовальных школах и классах» (1873 г.) появился рисовальный класс, который очень полюбился местному населению. Живописная мастерская при училище, существовавшая два года, стала как бы прообразом школы иконописания, открытой в 1884 году при училище.

1. РГИА. Ф. 398. Оп. 19. Ед. хр. 6663. Л. 21 об.
2. Там же. Ед. хр. 6664. Л. 1.
3. Там же. Ед. хр. 6664. Л. 4-4 об.
4. Там же. Ед. хр. 6663. Л. 18-22 об.
5. ВЕВ. 1865. Неоф.ч., №16. С. 915.
6. ВГВ. 1869. Неоф.ч., №1. С. 239.
7. ГАВО. Ф. 449. Оп. 1. Д. 3. Л. 5-6.
8. Там же. Л. 54.
9. Там же. Л. 214.
10. Там же. Л. 214 об.
11. Там же. Л. 77.
12. Там же. Л. 406.

И. В. Тупицын

Создание Комитета Попечительства о Русской Иконописи. Роль Н. Н. Харламова

19 марта 1901 года Императором Всероссийским Николаем II было утверждено Положение о Комитете попечительства о русской иконописи, в нём говорится, что Комитет состоял под непосредственным покровительством Государя Императора. Председателем комитета являлся член Государственного совета, егермейстер Высочайшего Двора, граф Сергей Дмитриевич Шереметев, непременным членом-управляющим делами состоял академик, тайный советник Никодим Павлович Кондаков. Как видим, статус Комитета был очень высок. Под стать этому были поставлены цели, которые Комитет должен был решать: «изыскание мер к обеспечению благосостояния и дальнейшего развития русской иконописи; сохранения в ней плодотворного влияния художественных образцов русской старины и византийской древности; содействие иконописи в достижении художественного совершенства и установление деятельных связей её с религиозной живописью в России вообще и церковною живописью в частности».[1] Для достижения этих целей Комитету было предоставлено право: «а) открывать иконописные школы в иконописных селах Владимирской губернии <...> б) содействовать устройству <...> артелей иконописцев <...> в) издавать руководства и пособия для иконописцев и лицевой иконописный подлинник <...> г) открывать иконные лавки в городах для торговли лучшими произведениями иконной промышленности <...>».[2] Деятельность Комитета была обеспечена финансами: «суммы, необходимые для осуществления <...> предприятий, а также на расходы по делопроизводству Комитета, командировкам членов его, по приобретению икон и живописных произведений отпускаются из Государственного Казначейства по сношениям Комитета с Министром Финансов и с Высочайшего разрешения».[3]

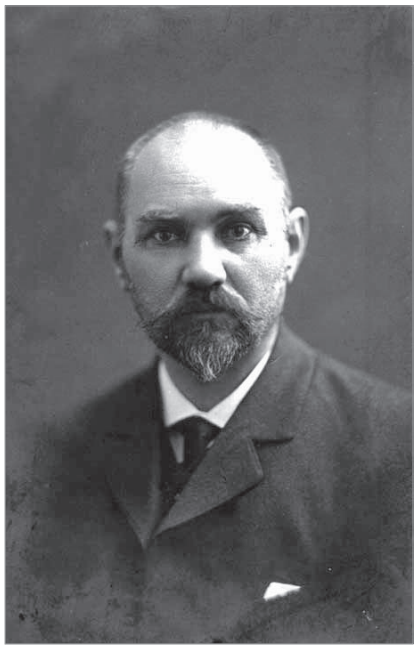
Такие серьёзные задачи были поставлены перед Комитетом не случайно, созданию столь полномочного правительственного органа предшествовала большая подготовительная работа, в которой участвовали грамотные, активные и неравнодушные к старинной русской культуре деятели того времени: В. Т. Георгиевский,[4] В. М. Васнецов,[5] Н. П. Кондаков,[6] Н. Н. Харламов[7] и С. Д. Шереметев.[8]

Георгиевский Василий Тимофеевич родился 6 января 1861 г. в г. Судогда Владимирской губернии в семье священника. Окончил Владимирскую духовную семинарию в 1881 году, затем церковно-историческое отделение Киевской Духовной Академии в 1885-м. С 1885 по 1900 годы заведовал библиотекой и древлехранилищем Владимирского Братства во имя благоверного князя Александра Невского. Владимирское Братство в то время наряду с Владимирской дирекцией народных училищ руководило Холуйской и Мстёрской иконописными школами. Георгиевский – человек ответственный и неравнодушный к судьбе этих иконописных школ, – постоянно заботился об их

снабжении фотографиями и прорисями с древних икон, а также фотографиями и прорисями с наилучших образцов современной ему религиозной живописи.

Созданию Комитета попечительства о русской иконописи предшествовал ряд, на первый взгляд, случайных и разрозненных событий. Летом 1889 года Георгиевский познакомился с Виктором Михайловичем Васнецовым во время своего пребывания в Киеве. Между ними наладились дружеские и деловые отношения и переписка, которая длилась более 15 лет. Он организовал обмен фотографиями и прорисями между иконописными школами, древлехранилищем Владимирского Братства и В. М. Васнецовым, который в то время, совместно с другими художниками, расписывал Владимирский собор в Киеве. Из их переписки мы знаем, что обмен фотографиями, прорисями и рисунками проходил довольно активно. Об этом не раз говорится в письмах В. Т. Георгиевского В. М. Васнецову, которые хранятся в ОР ГТГ (Ф.66. Д. с №332 по №337), и в ответных письмах В. М. Васнецова Георгиевскому (ОР ГРМ. Ф. 122. Д. 41).

В ноябре 1890 года во Владимир приехал отбывать воинскую повинность художник Н. Н. Харламов – давний знакомый В.Т. Георгиевского и следующий значимый участник подготовительной работы по созданию Комитета.



Николай Николаевич Харламов

Николай Николаевич Харламов родился 6 (19 н.с.) февраля 1863 года в селе Веретево Владимирской губернии тоже в семье священника. С 1878 по июнь 1882 года обучался во Владимирской духовной семинарии, где, вероятно, познакомился с В. Т. Георгиевским. С 1883 по 1890 годы успешно учился в Императорской Академии Художеств. В 1890 году Харламов вместе с А. П. Рябушкиным и В. Д. Лукашевичем участвовал в конкурсе на большую золотую медаль, дававшую право на заграничную поездку, но конкурс не выиграл и окончил Академию Художеств со званием художника 2 степени. В конце 1890 года Н.Н.Харламов приехал во Владимир, где ему надлежало отбывать воинскую повинность. В начале 1892 года Харламов принял предложение Владимирского Братства и поступил на службу учителем Холуйской иконописной школы. Это решение, несомненно, было принято им под влиянием того успеха, который имела работа В. М. Васнецова в Киеве. Кроме того, несомненно, большое значение имело и влияние В. Т. Георгиевского, те «бесконечные разговоры об искусстве вообще и в частности об искусстве религиозном», которые они вели с Харламовым в 1891 году.[9]

В августе 1897 года В. Т. Георгиевский впервые встретился с Никодимом Павловичем Кондаковым во время его поездки во Владимир и Суздаль. Георгиевский, который в 1896 году написал путеводитель «Владимир на Клязьме и его достопримечательности», сопровождал академика, показывал ему местные древности. С тех пор зародилась их дружба и переписка, которая длилась до самой смерти В.Т. Георгиевского 14 декабря 1923 года.[10]

Иван Иванович Толстой

Н. П. Кондаков с середины 1880-х годов дружил и переписывался с графом Иваном Ивановичем Толстым.[11] 23 сентября 1895 года в письме высказал ему своё желание заняться «иллюстрацией Евангелия» и просил у И.И. Толстого финансовой поддержки: «Вы сказали, что принимаете на себя «с восторгом» исполнение идеи об иллюстрации Евангелия. Остаетесь ли Вы при этом или должны передумать? Вот первый вопрос. А затем, если остаетесь при прежнем, то будете ли согласны помочь мне материально в самой работе».[12] Граф И. И. Толстой согласился финансировать работы учёного: «На выдаваемую Вами в год на мои ученые расходы сумму в 1000 руб. я буду подготовлять Евангелие и продолжать «Рус[ские] древ[ности]». [13]

В мае 1897 года Кондаков «по прошению за выслугою срока уволен от службы по ведомству Министерства народного просвещения»,[14] у него освободилось время для иных занятий. Уже в первых письмах Кондаков просит Георгиевского: «Не найдете ли Вы возможность поручить Вашим благоприятелям узнать, нельзя ли в Палехе или Холуе приобрести тетрадку Лицевого Подлинника».[15] В следующем письме от 25 декабря 1897 г. Кондаков пишет: «Получил 4 прориси, прориси эти очень для меня интересны».[16] Ответ Георгиевского на это письмо хранится в Санкт-Петербургском филиале Архива Академии Наук: «художник Харламов привозил мне для показу в виде образца 35 прорисей <...> – и далее – хорошо, если бы Вы растормошили графа Ивана Ивановича Толстого и добыли деньжонок для приобретения и издания (а следовательно и спасения) такого рода памятников нашего искусства».[17] Никодим Павлович с ответом не медлит: «зачем тормошить графа Ив. Ив. Толстого – разве это так дорого будет стоить <...>. За изданием, что бы оно ни стоило, дело не постоит, и я заранее предлагаю Вам в нем сотрудничество – уверен, что Вы мне пособите как нельзя лучше <...>. Итак с Божьей помощью давайте начинать, не медля, я готов и на жертвы денежные и на работу научную».[18] После этого предложения Кондакова работа по подготовке издания пошла гораздо активнее.

В.Т. Георгиевский организовал через Н.Н. Харламова изготовление прорисей с особо чтимых икон и снятие копий прорисей XVII – XVIII века, хранившихся в иконописных мастерских сёл Холуй, Палех и Мстёра.

Собрания прорисей, так называемые Лицевые подлинники, существовали с древних времён. Такие собрания имеют различные названия: Подлинник,

Образчик, Персональник. Наиболее часто употребляется термин Подлинник. Известны Большаковский, Строгановский, Гурьяновский, Византийский, Киево-Печерский и другие. Например, Византийский упоминается с X века, он был составлен около 980 года. Иконописных подлинников немного. Издание каждого из них является значимым событием в жизни церкви и государства. На Руси подлинники появились вместе с принятием христианства и появлением икон, но сугубо Русские подлинники появились несколько позже. Например: Строгановский относится к концу XVI века.

«С течением времени, <...> прежнее совершенно свободное отношение к живописным работам оказалось неудобным: оно стало сопровождаться последствиями, бросавшими невыгодный свет на религиозный характер живописных изображений. Иконоборческие смуты дали решительный толчок <...> для решения вопроса о надзоре над деятельностью иконописцев и таким образом предрешили вопрос о подлиннике».[19] В постановлениях VII вселенского собора говорится: «иконы создаются не изобретением живописца, но в силу ненарушимого закона и предания вселенской церкви, что сочинять и предписывать есть дело не живописца, но святых отцов: этим последним принадлежит право композиции икон, а живописцу одно только их исполнение, часть техническая, понимаемая в тесном смысле этого слова, то есть, рисунок, колорит, внешняя механическая работа».[20] Из этого видно, что издание иконописного подлинника является масштабной и трудной задачей даже для такого учёного, как Никодим Павлович Кондаков. Сама по себе эта работа требует серьезной и тщательной подготовки, объединения усилий многих учёных людей и организаций.

В конце XIX века назрела необходимость в создании подобного рода пособия иконописцам и художникам. Эту необходимость сознавали художники и архитекторы того времени, занимавшиеся строительством и оформлением храмов. В частности, остро осознавал такую необходимость Н. Н. Харламов. В ответ на сообщение архитектора Г. И. Котова о том, что Саблер Владимир Карлович[21] готовит издание лицевого иконописного подлинника, он пишет: «Что же касается до иконописного лицевого подлинника, то потребность в этом в настоящее время самая настоятельная. Дело это давно уже было моей мечтой. Я сам лишь вожусь с иконописной школой и пришел к такому заключению, что иконописание, как предмет изучения в школе, не мыслимо без хорошего, стильного и совершенно художественного лицевого подлинника. Но один, при ограниченности способностей и при отсутствии средств я могу только мечтать. Я был просто в восторге, прочитав Ваше сообщение, что Владимир Карлович Саблер задумал издать лицевой подлинник. Такой влиятельный просвещенный человек как Владимир Карлович имеет все средства, чтобы блестяще осуществить эту серьезную задачу. Для такого дела не откажут в своем участии лучшие художественные силы. Не причисляя себя к последним, я со всем усердием и со всею душой отдал бы себя этому делу, не столько возлагая надежды на свои силы, сколько поддерживаемый сознанием необходимости и существенной важности такого дела <...>. Я со своей стороны готов для этого работать всей душой, как и что могу».[22]

В начале 1899 года Георгиевский встречался в Москве с Васнецовым, говорили об издании иконописного лицевого подлинника, после чего В. М. Васнецов рассказал об этой идее графу Сергею Дмитриевичу Шереметеву.

1 марта 1899 года Н.П. Кондаков, находясь в Ялте, получил письмо от графа С. Д. Шереметева. В своём дневнике в этот день Никодим Павлович записал: «Шереметев предлагает издание Лицевого подлинника по предложению Васнецова».[23] Положительный ответ Н.П. Кондаков написал графу 4 марта 1899 г.[24] После получения согласия Н.П. Кондакова граф С. Д. Шереметев пишет письмо Георгиевскому, ссылается на рекомендации Васнецова и предлагает войти в состав комиссии, образуемой при Императорском обществе любителей древней письменности.[25]

Здесь в полной мере проявился государственный подход к решению дел со стороны графа Шереметева. Одним решением он объединил все заинтересованные в издании иконописного лицевого подлинника стороны. Граф С. Д. Шереметев создал при Императорском обществе любителей древней письменности комиссию по изданию лицевого иконописного подлинника, придав этой работе официальный статус и объединив усилия людей, которые в другом случае могли быть конкурентами в воплощении этой идеи. В комиссию граф С. Д. Шереметев пригласил Н. П. Кондакова, Н. В. Покровского,[26] В. М. Васнецова, Н. В. Султанова,[27] Н. П. Лихачёва[28] и В. Т. Георгиевского.

В мае 1899 года Общество Любителей Древней Письменности опубликовало «Записки об издании Лицевого иконописного подлинника по древним образцам» Н.П. Кондакова, в которых Никодим Павлович обосновал необходимость издания иконописного лицевого подлинника: «Нам нужно <…> разыскать, скопировать и издать лучшие и почитаемые особо священными Лики Христа и Божией Матери, <…> представить важнейший круг изображений символических и легендарных».[29]

На лето 1899 года Шереметев планирует поездку по иконописным сёлам Владимирской губернии. Но это путешествие не состоялось. Граф Шереметев не смог поехать по семейным обстоятельствам, и поездка была перенесена на следующий год.

«По мнению С. Д. Шереметева проблема возрождения русского иконописания имела государственное значение. В то же время С. Д. Шереметев не хотел иметь дело с Академией наук, которую недолюбливал «за немецкий корешок традиционный», который «действует» со времен М. В. Ломоносова и «только переменил тактику»[30], стало быть необходимо было заинтересовать этим делом самого государя».[31]

10 января 1900 года граф Шереметев доложил Государю записку о подлиннике. Государь отнёсся с большим сочувствием и пожелал встретиться с Кондаковым. Никодим Павлович воодушевлён и взволнован предстоящей аудиенцией. Он предлагает Георгиевскому срочно встретиться: «Мне надо бы теперь много побеседовать с Вами о Лицевом Подлиннике и об устройстве художественно-иконописных школ и мастерских. Где Харламов? Настолько ли

он отчаялся в школах, чтобы не заняться ими вновь, в случае изменения условий их существования?»[32]

Дело подготовки издания иконописного лицевого подлинника при том подходе, какое оно приобрело с подключением усилий графа Шереметева, с созданием комиссии по изданию лицевого иконописного подлинника приобретает иной масштаб. При общении членов комиссии возникают более широкие и значительные задачи, чем издание иконописного лицевого подлинника.

15 февраля 1900 года Кондаков с графом Шереметевым были на приёме у царя, 19 февраля Кондаков описывает аудиенцию у Государя Георгиевскому следующими словами: «говорили об издании Подлинника, о школах, об артелях и пр., нам было сказано, что все это очень важно, серьезнее, чем даже кажется с первого раза, но сложно. Тогда Шереметев просил представить особую записку о постановке дела правительственной помощи религиозной живописи, школам и артелям и пр. – и далее в этом же письме – Проездом через Москву я виделся с Васнецовым и говорил с ним о Подлиннике: он, так же как и я, находит, что надо одновременно вчинать дело иконописных школ, артелей и пр., иначе для кого мы будем издавать Подлинник?»[33]

На аудиенции «было определено действовать сразу в двух направлениях и государь поручил Н. П. Кондакову составить новую записку «Об устройстве школ в иконописных селах»,[34] к чему он отнесся с большим энтузиазмом».[35]

27 февраля 1900 года произошла встреча Н. П. Кондакова и Н. Н. Харламова. Возможно, это была их первая встреча (ни в каких документах не встречалось более ранних упоминаний об их личных встречах). В дневнике Кондакова за этот день написано очень коротко: «В 1 ч. Т[олстой] с Н. Н. Харламовым».[36]

28 февраля Кондаков встречался с Харламовым уже наедине, без графа Толстого. 29 февраля 1900 года Н. П. Кондаков был у С. Д. Шереметева: «К 5 ч. к Шереметеву – о государственном деле для русской земли. Согласен на 3 школы. […] в 100 000 субсидию».[37]

Новая записка была подготовлена Н. П. Кондаковым уже к 1 марта 1900 г. «Записка содержала развернутое мнение о составе и задачах будущего Подлинника. Особо подчеркивалось, что он должен дать «непосредственное практическое руководство для современных живописцев и иконописцев», и только во вторую очередь – ознакомить все русское общество с «высшими образцами религиозной живописи»[38] <…> Кроме того, Н. П. Кондаков наметил основные задачи для организации иконописных школ в сёлах Мстёре, Палехе и Холуе, которые должны были содержаться на правительственный счёт и находиться под непосредственным покровительством Академии художеств».[39] Из приведённых документов мы видим, что эта записка была составлена при непосредственном и деятельном участии учителя Холуйской иконописной школы Н. Н. Харламова. Более того, на наш взгляд, без участия Н. Н. Харламова Никодиму Павловичу было бы сложно подготовить эту записку, т.к. в иконописных сёлах Владимирской губернии он ещё не был.

1 марта у графа Ивана Ивановича Толстого состоялся обед и собрание художников. В дневнике Н. П. Кондакова записано: «С нашими к Толстым на

обед. После обеда собрание: Андрей Петрович Рябушкин,[40] Алексей Фёдорович Афанасьев,[41] Вас[илий] Вас[ильевич] Беляев[42] о религ[озной] Жив[описи] и Подлинн[ике] До 1 ч. ночи».[43] Но, кроме перечисленных Кондаковым лиц на этом собрании присутствовал и Н. Н. Харламов, более того, именно из-за приезда Н. Н. Харламова граф И. И. Толстой организовал эту встречу. Такой вывод можно сделать, прочитав записку графа И. И. Толстого Н. П. Кондакову: «Вчера вечером был у меня Харламов и я условился с ним, с твоего позволения, что сегодня соберемся у меня. Я пригласил тоже помощника инспектора, так как он может понадобиться для справок, <…> учеников Академии и т.п. Пишу тебе на всякий случай, если тебя не застану. Может быть, вы бы, кстати, всей семьей собрались бы к нам сегодня обедать<…>».[44]

4-го марта Н. П. Кондаков написал в дневнике: «Совещание художников, основано товарищество рус[ской] Религ[иозной] живописи».[45] Несмотря на то, что это товарищество никакого следа в истории не оставило, но факт создания такого объединения художников с участием И. И. Толстого и Н. П. Кондакова интересен.

Современный вид Холуйской иконописной школы с пристроенной мастерской и бывшей квартирой художника Н.Н. Харламова, которую посетили граф С. Д. Шереметев, академик Н. П. Кондаков и В. Т. Георгиевский в начале июня 1900 г.

После аудиенции у Государя посещение иконописных сёл Владимирской губернии стало обязательно и безотлагательно.

Поездка состоялась в начале июня 1900 года. По результатам Кондаков написал отчет, а граф Шереметев опубликовал брошюру «Просёлки», в которой описывает путешествие по иконописным сёлам Мстёра, Холуй, Палех. В этой брошюре граф пишет: «В Холуе мы долго осматривали мастерскую Харламова, которою особенно остался доволен Н. П. Кондаков, не ожидавший ничего подобного. Здесь же видели мы молодых учеников, образовавших артель; мысль о распространении таких артелей, подчиненных известным правилам, плодотворна. Выработка этих правил одна из задач, вызванных поездкою».[46] Школа и артель Харламова были оазисом образованности и внешнего благополучия на фоне царившей в иконописных мастерских нищеты и ремесленности.

Невозможно переоценить значение приезда столь значимого в России лица, так близко стоявшего к императору, для развития иконописных сёл Владимирской губернии в то время: «с детских лет граф Сергей Дмитриевич Шереметев обращался к нему (Императору Николаю II – *И.Т.*) "Ники" и на "ты",[47] и несмотря на то, что «Император Николай II с начала своего правления относился к графу С. Д. Шереметеву несколько отстраненно»,[48] граф запросто, без доклада, мог встречаться с императором и императрицей: «До конца своих дней

он поддерживал тесные дружеские отношения с вдовствующей императрицей Марией Федоровной»[49] и, естественно, мог повлиять на судьбу и развитие иконописных центров. В этой поездке при общении с иконописцами, владельцами мастерских, местными чиновниками и священниками граф С. Д. Шереметев утвердился в своем желании помочь иконописным центрам выйти из того бедственного состояния, в котором они находились. Несомненно, большое значение для участников поездки и лично для графа С. Д. Шереметева представляли не только удручающий вид иконописных мастерских, но и положительный пример школы и артели, руководимых Н. Н. Харламовым. Харламовские школа и артель образцовой организацией учебного и производственного процессов показали путь, которым возможно вывести иконописание России из столь печального состояния. Не случайно граф С. Д. Шереметев решил поддержать существующие иконописные школы в Холуе и Мстёре и создать новое подобное учебное заведение не только в старинном иконописном центре – Палехе, но и в слободе Борисовке Курской губернии, в тех краях, земли которых со времён фельдмаршала Бориса Петровича Шереметева принадлежали роду Шереметевых.

Иконописцы, работавшие в частных иконописных мастерских, пытались конкурировать с машинным производством икон фирм Жако и Бонакера, получивших распространение в конце XIX века с разрешения Святейшего Синода. В 1899 году иконописцы, Мстёры, Холуя и Палеха обратились в Святейший Синод с прошением, в котором подробно описали своё бедственное положение из-за того, что фирмы Жако и Бонакер начали в Москве печатать иконы машинным способом. Рукотворные иконы не выдерживали конкуренции, качество написания икон резко упало, многие иконописные мастерские разорились и закрылись, другие влачили нищенское существование. Иконописцы просили: «хоть воспретить приобретать фабричные иконы всем подведомственным Святейшему Синоду учреждениям, монастырям и церквам или же воспретить набивать жестяные иконы на деревянные доски, так как это напоминает фальсификацию».[50] Святейший Синод в своём отношении от 23 октября 1899 года уведомил иконописцев о том, что «заботы об экономическом благосостоянии народа не входят в его задачи, и что в канонах церкви он не находит прямого запрещения изготовлять иконы из жести».[51]

Граф Шереметев и его спутники услышали много жалоб и нареканий на деятельность этих фирм и на безразличие к нуждам иконописцев со стороны Святейшего Синода. «Уже в Мстёре население высказывало горькие жалобы и сетования на трудности борьбы с машинным производством икон, фирмы Жако и Ко. В Мстёре обращались весьма многие за советом, как поступить ввиду отказа их ходатайства. В Холуе эти заявления приняли особенно внушительный характер со стороны всего населения».[52] Тут же родилась мысль написать прошение Государю, о чём В. Т. Георгиевский сообщил иконописцам Холуя и пообещал подготовить проект такого прошения. Убедительно и исчерпывающе пишет об этом Холуйский волостной старшина Михаил Иванович Зверев: «В приезд Ваш в с. Холуй с Его Сиятельством Вы были так велико-

душно любезны, что изъявили желание придти на помощь нашим жителям с. Холуй в деле подачи прошения на имя Его Величества Государя Императора».[53]

В память об этой поездке граф С. Д. Шереметев подарил академику Н. П. Кондакову свой фотопортрет с дарственной надписью: «Уважаемому Н. П. Кондакову на память о совместной поездке по Вязниковскому уезду, для меня незабвенной. С. Шереметев Михайловское 25 июня 1900».[54]

После поездки Георгиевский подготовил проект такого прошения, в котором, в частности, высказывается просьба: «не дать искорениться среди нас св. искусству иконописания, помочь нам развить и усовершенствовать наше древнерусское искусство путем расширения нашего художественного образования».[55] Иконописцы Холуя и Мстёры подписали прошение, а владельцы иконописных мастерских Палеха не согласились с текстом, подготовленным Георгиевским, и решили написать собственный вариант прошения. «7 ноября 1900 г. был созван сход, на котором местный иконный фабрикант Н. Софонов произнес речь против прошения, составленного В. Т. Георгиевским. Решено было составить прошение самим и лично представить его С. Д. Шереметеву. Палешане были против организации школы, особенно по типу Харламовской, в которой дети обучались иконописанию масляными красками, по образцам, созданным художником-академистом. <...> Иконописцы Палеха считали, что организация такой школы у них стала бы «незаконным вторжением» в традиционное местное иконописание. По их мнению, необходимо было открыть школу, которая хранила бы «предания» древней иконописи «неприкосновенными»[56]. Прошение было получено С. Д. Шереметевым в конце ноября 1900 г.»[57].

В это же время Н. Н. Харламов переслал Никодиму Павловичу записи своих мыслей о том, как нужно строить работу иконописных школ. О существовании такого документа можно узнать из письма Харламова Кондакову: «Посылал я Вам осенью прошлого <...> года такую записку с надписью графа И. И. Толстого и с изложением моих мечтаний о Холуйской школе, т.е. её благоустройства, а в бытность мою в Питере теперь в январе и феврале спрашивал Вас про эту записку».[58] Суть предложений можно понять из отношения от 1 сентября 1899 года, направленного Директору Народных училищ Владимирской губернии, в котором Харламов пишет: «На основании семилетнего опыта по преподаванию иконописания и по заведованию художественно-промышленной и хозяйственной частью Холуйской школы иконописания, а также по наблюдению нужд и потребностей местного населения долгом считаю доложить Вашему Высокородию нижеследующее».[59] Далее он предлагает внести изменения в Устав иконописной школы, в порядок управления и финансирования школой. Сравнивая предложения Харламова с текстом Временного положения об учебных иконописных мастерских Комитета попечительства о русской иконописи, утверждённого Государем Императором 21 марта 1902 года, можно видеть, что основные предложения Николая Николаевича были учтены.

Граф С. Д. Шереметев основательно готовился к следующему докладу Государю о состоянии иконописания в России. Не без его рекомендации известный Николаю II художник В. М. Васнецов написал графу письмо, в котором выска-

зал своё резко негативное отношение к засилью печатных икон иностранного производства. Это письмо Сергей Дмитриевич намеревался приложить к своему докладу Государю. По этому поводу он пишет Н. П. Кондакову: «Только что вернулся из Москвы и нашел здесь письмо В. М. Васнецова (о котором Вам говорил) для поднесения кому следует. Спешу препроводить Вам копию с него».[60] Естественно, очень интересно и само письмо В. М. Васнецова, и его мнение, высказанное графу С. Д. Шереметеву: «Вы вероятно обратили внимание на новое вторжение промышленности и машины в область иконописания. Повсюду начали распространяться образа, печатанные красками на жести и издаваемые какими-то предпринимателями Бонакерами и Жако, по всей вероятности иностранного происхождения и иноверцами – и далее – в области высочайших представителей и божественных и святых ликов и их изображений не должно быть места мертвой машине. Образ не картина! Через посредство образа молящийся соотносится с тем, к кому возносится его молитва».[61]

С. Д. Шереметев

В январе 1901 года в Санкт-Петербург приехал Н. Н. Харламов. В это время Никодим Павлович активно работал над подготовкой документов для предоставления Государю. Николай Николаевич, по-видимому, ему в этом помогал своими советами и рекомендациями, делился своим опытом, строили планы на будущее. В дневнике Н. П. Кондакова за 1901 год имеются ряд записей на эту тему: 27 января: «У нас Н. Н. Харламов». 28 января: «Петр Шахов ик[онописец] из Холуя». 3 февраля: «веч[ером] Н. Н. Харламов, Вл[адимир] Ал[ександрович] Поярков, В. В. Беляев, Б[орис] Ал[ександрович] Тураев». 5 февраля: «Н. Н. Харламов. С ним в банк – по чеку и в музей <…> Кончил статью об иконописи»[62]. 10 февраля: «Веч[ером] Харламов и Беляев». 11 февраля: «Гравер Королев из […] Н. Н. Харламова». 13 февраля: «Харламов и Королев гравер». 17 февраля: «Веч[ером] Рябушкин, Беляев, Поярков, Кандауров». 5 марта: «Веч[ером] прогулка. Положение Комитета попечительства о руск[ой] Иконоп[иси]». 6 марта: «У Шер[еметева] для прочтения «Положения» – дома на завтраке Суслов […] Вл[адимир] Фед[орович] Трепов – Положение годится, надо ему вступит[ельную] записку». 7 марта: «Утром у Шереметева. Вновь в Деп[артамент] Общих Дел у Вл[адимира] Фед[оровича] Трепова». 21 марта:

«В 3 ч. У Шереметева – указ Прав[ительствующему] Сенату об Комитете Николай Быть по сему». 22 марта: «Письмо от Шер[еметева] с изв-[естие]-м о появлении Указа».[63]

19 марта 1901 года Императором Всероссийским Николаем II положение о Комитете попечительства о русской иконописи было утверждено.

Первое заседание состоялось в Фонтанном доме графа С. Д. Шереметева 17 мая 1901 года. На нём «присутствовали: председатель Комитета, Член Государственного Совета, Егермейстер, Граф С. Д. Шереметев; Непременный Член, Управляющий делами Комитета, Академик, Тайный Советник Н. П. Кондаков; Члены Комитета: Товарищ Министра Финансов, Тайный Советник В. И. Ковалевский;[64] Член Совета Министра Народного Просвещения, Гофмейстер Ю. С. Нечаев-Мальцев;[65] Вице-Президент Императорской Академии Художеств, Гофмейстер, Граф И. И. Толстой; Заслуженный ординарный профессор С-Петербургской Духовной Академии по кафедре церковной археологии, доктор церковной истории, Действительный Статский Советник Н. В. Покровский; Директор Института Гражданских Инженеров Императора Николая I, Гражданский Инженер, Действительный Статский Советник Н. В. Султанов и Член-Делопроизводитель Кустарного Комитета Министерства Земледелия и Государственных Имуществ, Статский Советник Н. В. Пономарёв.[66] Перед открытием заседания было совершено молебствие».[67] На первом же заседании были обозначены и обсуждены основные цели и задачи Комитета, перечисленные в его положении. Было единогласно решено «обратиться к Святейшему Правительствующему Синоду с просьбою воспретить указом на будущее время, всякое машинное производство печатных подражаний рукописной иконе».[68] Обсуждали доклад об устройстве иконописных школ и артелей иконописцев, было решено открыть в Санкт-Петербурге, Москве и Киеве три иконные лавки для сбыта икон. Важнейшей задачей было признано составление руководств и пособий для иконописцев и главного – лицевого иконописного подлинника.

Свою деятельность Комитет решил начать с заботы о расширении художественного образования. С этой целью в центрах иконописных промыслов: Мстёре, Холуе, Палехе и в слободе Борисовке Курской губернии решено открыть учебные иконописные мастерские. Комитет пошёл наиболее целесообразным путем, учреждая не чисто художественные школы, а особого типа практически поставленные мастерские, в которых на первом месте стояло всестороннее обучение мастерству иконописания и наряду с ним преподавание рисунка, живописи, библейской и церковной истории, иконографии, археологии и Закона Божьего. Главной идеей всего учебного процесса было воспитать иконописца, способного писать икону от начала до конца, владеющего знаниями и кругозором намного более широким, нежели у простых иконописцев. Учеников должны были знакомить со всеми древнерусскими «пошибами» – Греческим, Новгородским, Строгановским, Фряжским и т.д. и учить писать фрески. Для Холуя эта задача была не нова, школа Харламова успешно работала в этом направлении. В других же сёлах ничего подобного не было. В Мстёре

иконописная школа открылась в 1890 году, в Палехе и Борисовке системного художественного образования до этого времени не было.

Следующий год ушёл на решение организационных вопросов, поиск кандидатов на должности преподавателей, подбор помещений под мастерские. Для подготовки решений по этим вопросам Н. П. Кондаков летом 1901 года еще раз посетил иконописные села Мстёру, Холуй, Палех. Посетил города: Шую, Нижний Новгород, Ярославль, Ростов Великий. Общался и переписывался с Георгиевским и Харламовым. 21 апреля 1902 года Н. Н. Харламов пишет подробное письмо Н. П. Кондакову с описанием своей деятельности. Он пишет, что «Помещение для мастерской в Палехе находится. Белоусов согласен будет сдать (по отделке) свой дом за 300 р. в год – ниже в этом же письме – относительно помещения во Мстёре Общество ещё не решило. Сход будет на Фоминой, а когда еще не известно».[69] Здесь же пишет о подборе кандидатов в создаваемую иконописную артель, о том, как непросто проходили переговоры об увольнении Коломийцева с должности заведующего Холуйской иконописной школой. Высказывает свои советы и пожелания о том, какие документы должен привезти с собой вновь назначаемый заведующий Зарин. Н. Н. Харламов в это время принимает самое деятельное участие в подготовке реорганизации существующих иконописных школ в Мстёре и Холуе и создании новых учебных заведений в Палехе и слободе Борисовке.

Непременным условием Комитет признавал назначение уполномоченным лицом для наблюдения за учебными мастерскими художника с высшим образованием. Кандидатура Харламова рассматривалась, как одна из основных, он был наиболее осведомлённым в области образования иконописцев, доказав на деле свою состоятельность, как художник, педагог и руководитель. Георгиевский предлагал сделать Харламова заведующим над всеми открывающимися учебно-иконописными мастерскими. Однако его кандидатура не нашла полного одобрения. Н. П. Кондаков по этому поводу сообщает Георгиевскому: «Дорогой Василий Тимофеевич, на Вашу телеграмму я не решился ответить по многим причинам, как и Вы, я желаю сохранить Н. Н. Харламова при деле нашем, но его имя настолько связано с прежней Холуйской школой, что поручить ему все школы нахожу пока неблаговременным. Пусть до времени он будет заведующим артелями, а затем и уполномоченным».[70]

Этот отказ назначить Харламова общим руководителем всех открывающихся школ стал неожиданным. Ранее в письме Кондаков уверял Георгиевского: «Вы, конечно, не сомневайтесь, что Вы вместе с Н. Н. Харламовым стоите у нас с графом Сергеем Дмитриевичем на первом месте».[71] Ощущая такое доверие и поддержку, Георгиевский и Харламов мысленно выстроили систему, по которой будут работать все четыре новые школы, наметили план осуществления долгосрочных программ. Объединённые одним руководителем школы должны были представлять большую силу и могли решать задачи, непосильные каждой отдельно взятой. Очевидно, планировалось выполнение больших заказов по росписи храмов. Харламов был способен организовать подобную работу, а его художественный стиль гарантировал успех на самом высоком уровне.

Председатель Комитета граф Шереметев предложил решение, которое было принято членами комитета на заседании 18 апреля 1902 года, и в нём Харламову отводилась совсем иная должность. Были утверждены выбранные на сходах крестьян иконописных сёл заведующие учебными иконописными мастерскими: Холуйской учебной иконописной мастерской – Е. А. Зарин, Мстёрской – Н. К. Евлампиев (единственный из заведующих мастерской он не был выпускником Академии художеств). Заведующим мастерской в Палехе был избран и утверждён комитетом Е. И. Стягов, в Борисовке – В. С. Богданов. «Затем Комитет остановился на вопросе о выборе уполномоченного лица для наблюдения за указанными мастерскими. Не имея пока для сего вполне готового кандидата, Комитет постановил назначить уполномоченным по наблюдению за учебными иконописными мастерскими в Владимирской губернии Коллежского Советника Георгиевского, причем привлечь одного из заведующих мастерскими в качестве его помощника, так как <…> Георгиевский состоит уполномоченным Комитета в Киеве, а потому ему было бы затруднительно бывать в Владимирской губернии. Согласно указанию Управляющего делами Комитета, означенным помощником <…> избрать художника Евлампиева».[72] В этом же журнале Комитета говорится: «шестьсот рублей <…> Комитет постановил назначить на вознаграждение того лица, коему будет поручено образование и заведование артелями иконописцев в Владимирской губернии. Таковым лицом избран художник Николай Николаевич Харламов».[73] Занимал эту должность Николай Николаевич, вероятно, до 1904 года. В 1901 г. он окончательно переезжает из Холуя в свой новый дом-мастерскую в селе Тименка. Но ещё долгие годы Николай Николаевич будет связан с Холуем, работая с бывшими учениками над выполнением росписей храмов и иконостасов.

Почему граф С. Д. Шереметев принял решение не назначать Харламова уполномоченным по наблюдению за учебными иконописными мастерскими, остаётся загадкой. Объяснения Кондакова в письме Георгиевскому не кажутся убедительными. В этом плане интересны размышления Шереметева, изложенные в письме Н. В. Султанову: «Вы, конечно, получили литографированную записку Кондакова; по-моему, она нуждается в коренном изменении. Как бы с намеченными руководителями и со ставленниками Академии Художеств нам совсем не погубить Иконописное дело, причем ответственность всецело падет на Комитет».[74] В этой фразе, на наш взгляд, явно прослеживается влияние тех доводов, что изложили в своем «Прошении» палешане 7 ноября 1900 г.

Анализируя содержание разрозненных документов, можно предположить, что граф С. Д. Шереметев негативно относился к графу И. И. Толстому. Их политические взгляды и взгляды на национальный вопрос в России диаметрально расходились. По воспоминаниям С.Ю. Витте: «Оппозиция состояла из графа Шереметева (честного, но ненормального человека, столпа дворцовой дворянской камарильи, ныне одного из тайных глав черносотенцев)».[75] Граф И. И. Толстой был министром народного просвещения в правительстве

С. Ю. Витте. Негативно С. Д. Шереметев отзывался и о деятельности братьев Толстых по созданию Русского музея. В письме Н. В. Султанову он писал: «Сейчас мне Риккер прислал новое издание Музея Императора Александра III, роскошное, но «Русского» в нем ничего нет – все заграничное <...> Августейшая тупица, стоящая во главе, ныне уже окончательно бросила все дела. Братья Толстые с присными заправляют всем».[76] Возможно, Н. Н. Харламов не приглянулся графу С. Д. Шереметеву тем, что дружил с графом И. И. Толстым?

Н. П. Кондаков

Кроме того, на всех работников мастерских посылался запрос в МВД об их благонадёжности и до получения ответа положительное решение не принималось. На Н. Н. Харламова такого запроса не нашлось, но граф С. Д. Шереметев состоял в родстве с министром внутренних дел Д. С. Сипягиным и мог получить негативную информацию о Харламове устно, по-родственному. Дело в том, что родной старший брат Николая Николаевича, Иван Николаевич Харламов (1854–1887) за публикацию в газете «Страна» статьи о необходимости предоставить России свободные политические учреждения в 1882 году был арестован. «Полгода Х. находился в доме предварительного заключения и до конца жизни находился под надзором полиции».[77] Для графа С. Д. Шереметева такая информация, несомненно, могла послужить причиной отказа в совместной работе. Министр внутренних дел Д. С. Сипягин был убит народовольцами 2 апреля 1902 года, за 16 дней до принятия решения о выборе уполномоченного лица для наблюдения за иконописными мастерскими. Это обстоятельство также могло повлиять на решение С. Д. Шереметева, хотя основные споры между С. Д. Шереметевым и Н. П. Кондаковым по поводу личных назначений происходили раньше, в январе и феврале. Несколько раз об этом упоминает в своем дневнике за 1902 год Н. П. Кондаков: 3 января: «веч[ером] зас[едание] Комитета: спор с Шер[еметевым] по вопросу о личных назначениях – не хочет Харламова». 15 января: «Шер[еметев] все время на меня шипел и накидывался, высший пессимизм <...> веч[ером] у Т[олстого] с проектом просьбы об отставке.». 1 февраля: «в 1 ч. дня отнес Графу Шереметеву свое прошение об отставке из Комитета». 4 февраля: «в 11 ч. У Шер[еметева], предложение назначить Георгиевского, рационалист». 1 апреля: «К Шер[еметеву] – извиняется». 2 апреля: «Харламов <...> в 7 ч. веч[ера] [сообщение] о смерти Сипягина». 18 апреля: «зас[едание] Комитета, Положение о мастерской Строган[овского] Уч[илища], до головной боли, провалили Харламова».[78]

Как видим, в январе и феврале 1902 года Н.П. Кондаков пытался отстоять назначение Харламова уполномоченным по наблюдению за учебными иконописными мастерскими вплоть до своей отставки, но в дальнейшем он свою

позицию смягчил и окончательное решение было вынесено на заседании, на котором большинство членов Комитета поддержало предложение графа С. Д. Шереметева.

Не согласился с решением Комитета в отношении Н. Н. Харламова В. Т. Георгиевский. У него состоялся ещё один разговор с графом Шереметевым. В дневнике Н. П. Кондакова имеется запись от 26 апреля 1902 г.: «Георгиевский с известием, что Синод осудил Жако, что Шер[еметев] согласен на Харламова».[79] Но решение Комитета изменено не было.

В любом случае, послужить в Комитете попечительства о русской иконописи Н. Н. Харламову не пришлось. Обида осталась надолго. Много позже, уже в 1917 году Харламов, вспоминая о разрушенных планах, написал своему другу Беляеву: «Только граф Иван Иванович, добрая ему память, поддерживал меня, а Никодим, ты хорошо знаешь, мне помешал и жестоко, непоправимо помешал, имел доброе намерение помочь делу. Теперь я из-за этого нахожусь на фронте один и солдат, и командир в одно и то же время – и далее – Никодима, не смотря на то, что он разбил всю перспективу моей жизни, я очень и очень люблю, ужасно люблю, чту и уважаю – это все же громада».[80]

Каковы наиболее важные результаты его деятельности.

Летом 1902 года были преобразованы в учебные иконописные мастерские иконописные школы в сёлах Холуе и Мстёре. Вновь созданы мастерские в селе Палехе Владимирской губернии и селе Борисовке Курской губернии.

В 1902 году был куплен в собственность Комитета дом по адресу ул. Надеждинская, 27. В этом доме впоследствии проводились заседания Комитета, здесь находилась канцелярия. Здесь же был организован склад и иконная лавка. В 1916 году в этом доме была организована Петроградская школа иконописания, взамен закрытой к тому времени в селе Борисовке. Отсюда в 1927 году при ликвидации Комитета по изучению древнерусской живописи (правопреемника Комитета попечительства о русской иконописи) были изъяты и переданы в Русский музей 108 икон и одна акварель.

В 1905 г. вышел из печати первый том лицевого иконописного подлинника «Иконография Господа Бога и Спаса Нашего Иисуса Христа», ставшего «шедевром полиграфии начала XX века, равно как и выдающимся научным достижением».[81] На фотографии[82] запечатлены: неизвестный, В. Т. Георгиевский, Н. П. Кондаков и младший приёмный сын Н. П. Кондакова – Пётр. На столе лежит лицевой иконописный подлинник Кондакова. Этот труд пользуется огромным спросом и в наше время. В 2001 году он был переиздан и стал общедоступен: М.: «Паломникъ». 2001. – 320 с. Репринт 1905 г.

Весной 1906 года Н. П. Кондаков вновь посетил иконописные центры Мстёру, Холуй и Палех. Ночь с 1 на 2-е мая ночевали в Тименке у Харламова. «В 8 ч. с Харламовым осмотрели парк – чай – смотрели дом, подвал, погреб, баню; Опять ходили по парку, с Зариным, Евлампиевым и [туземцами]».[83] 5 мая Никодим Павлович был уже в Санкт-Петербурге и участвовал в заседании Совета Академии Художеств. Вероятно, во время заседания П. А. Брюллов[84] нарисовал и подарил Кондакову его портрет.[85]

В центре В. Т. Георгиевский, Н. П. Кондаков

За годы существования учебных иконописных мастерских были обучены не менее полутора тысяч художников-иконописцев, но самая главная заслуга Комитета в том, что на базе методик, разработанных Н.Н. Харламовым, были созданы программы обучения мастеров-иконописцев. «Следует отметить, что, создавая уже в советское время новые профессиональные школы мастеров лаковой миниатюры, А. В. Бакушинский,[86] как явствует из его собственной книги, во многом использовал и даже повторял то, что было найдено и опробовано Комитетом попечительства о русской иконописи».[87]

После революции, в начале 1918 года Комитет был реорганизован в Комитет по изучению древнерусской живописи. Настаивал на этом граф Шереметев, который к тому времени был уже смертельно болен. Свои полномочия председателя Комитета он передал С. Ф. Платонову.[88] «Я верю в торжество культуры над варварством! Во что выльется судьба нашего комитета – предвидеть нельзя <...> остаётся одно: посторониться и ждать».[89] «Долгом считаю <...> сообщить Вам о моем согласии 1) Принять Вам должность председателя Комитета по новому его уставу <...> 2) Признать по новому уставу необходимым формирование канцелярии Комитета <...> При сем передаю Вам мои полномочия председательствующего».[90] Такая реорганизация позволила просуществовать Комитету ещё почти 10 лет, правда, финансирование иконописных мастерских прекратилось с 1919 года.

Граф Сергей Дмитриевич Шереметев умер 17 декабря 1918 года. В своём последнем письме С. Ф. Платонову он, как всегда с оптимизмом, пишет:

«Переживаем великие дни, искусственно от нас скрываемые современными хитрыми механиками, но хитрость и изворотливость ничего не имеют общего с государственным разумом. Будем надеяться по-прежнему <…> лишь бы Вам сохранить здоровье и силы на подлежащий всем нам подвиг на благо Родине».[91]

В заключение хотелось бы подчеркнуть, что каждый из тех людей, которые создавали и работали в Комитете, были великими патриотами России. Последовавшие после революции события буквально смели плоды уже налаженной работы, но их труд не пропал: в конце 20-х – начале 30-х годов бывшие выпускники иконописных школ организовали в Мстёре, Палехе и Холуе артели художников. Переняли опыт Федоскино, переосмыслили его и создали новый вид Русского искусства – искусство лаковой миниатюрной живописи. Роль художника академика Николая Николаевича Харламова в этом трудно переоценить.

Те, кто сегодня занимается этим искусством, тоже испытывают немалые трудности, но верится, что и их дело не останется в Русской истории незамеченным.

Живут и продолжают обучать молодых художников художественные училища Мстёры, Палеха и Холуя. Усилиями бывшего директора Печкина Михаила Борисовича с 2000 года Холуйское художественное училище носит имя академика Харламова.

Дело Харламовской артели живёт и продолжается в деятельности Холуйской фабрики лаковой миниатюры, которая в 2014 году отметила 80-летний юбилей.

Художники Холуя, Палеха и Мстёры вновь пишут иконы, расписывают соборы и церкви.

1. Высочайше утвержденный комитет попечительства о русской иконописи и его задачи. Положение о высочайше утвержденном комитете попечительства о русской иконописи. // С-Петербург. Типография И. Генералова. 1907. С. 13.
2. Там же. Глава 6. С. 13–14
3. Там же. Глава 7. С. 14
4. Георгиевский Василий Тимофеевич (1861-1923), исследователь древнерусского и церковного искусства. В 1913 году рассказывал об исторических памятниках Суздаля императору Николаю II и его семье при их посещении этого города. В 1917-1918 гг. – делопроизводитель на Всероссийском Поместном Соборе в Москве.
5. Васнецов Виктор Михайлович (1848-1926) – известный русский художник, мастер живописи на религиозные исторические и фольклорные сюжеты. С 1893 года действительный член Академии художеств.
6. Кондаков Никодим Павлович (1844-1925) – академик, действительный член Петербургской Академии Наук (1898); действительный член Академии Художеств (1893).
7. Харламов Николай Николаевич (1863-1935) – художник, учитель Холуйской школы иконописания (1892–1901). Академик живописи (1910). В 1897-1900 выполнил 42 эскиза мозаичных икон для собора Воскресения Христова (Спаса-на-крови в Санкт-Петербурге). Вместе с В. М. Васнецовым расписывал собор св. Александра Невского в г. Варшаве.
8. Шереметев Сергей Дмитриевич (1844-1918) – обер-егермейстер Императорского Двора. Известный общественный деятель, член Государственного Совета, почётный член Академии художеств (1894). Собиратель и исследователь древнерусских рукописей и старинных книг. Создатель Общества любителей древней письменности.
9. Письмо В. Т. Георгиевского В. М. Васнецову 31 января 1891. // ОР ГТГ. Ф.66. Д.324. Л. 2.

10. Последнее письмо Георгиевского Кондаков получил, находясь в эмиграции, в Праге летом 1923 года. / Никодим Павлович Кондаков (1844-1925). Личность, научное наследие, архив. / СПб.: Palac Editions. 2001. С. 65.
11. Толстой Иван Иванович (1858-1916). С 1889 г. – конференц-секретарь, а с 15 июля 1893 г. – вице-президент Академии Художеств. Министр народного просвещения России в 1905-1906 гг., городской голова Петербурга в 1912-1916 г. С 1895 года – попечитель Холуйской иконописной школы
12. Письмо Н. П. Кондакова И. И. Толстому 23 сентября 1895 г. / Во главе Императорской Академии Художеств... Граф И.И. Толстой и его корреспонденты 1889-1898. / М.: «Индрик». 2009. Л.771.
13. Письмо Н. П. Кондакова И. И. Толстому 3 октября 1895 г. // Там же. Л.771
14. Личность, научное наследие, архив. // СПб.: Palac Editions. 2001. С. 12.
15. Письмо Н. П. Кондакова В. Т. Георгиевскому 07 ноября 1897 г. // ОР ГРМ. Ф.122.Д.73. Л.47-47об.
16. Письмо Н. П. Кондакова В. Т. Георгиевскому 25 декабря 1897 г. // ОР ГРМ. Ф.122.Д.73. Л.50.
17. Письмо В. Т. Георгиевского Н. П. Кондакову 03 января 1898 г. // СПФ АРАН. Ф.115. Оп. 4. Д.98. Л.1об, 3об.
18. Письмо Н. П. Кондакова В. Т. Георгиевскому 16 января 1898 г. // ОР ГРМ. Ф.122.Д.73. Л.51об – 52.
19. Голубцов А. П. профессор Московской Духовной Академии. Из чтений по Церковной Археологии и Литургике. Издание посмертное (Издатель И.А. Голубцов) // Сергиев Посад.: 1918. URL: http://www.klikovo.ru/db/book/msg/963 (18.02.2012).
20. Там же. Глава: О греческом иконописном подлиннике.
21. Саблер Владимир Карлович (1847-1929) – российский юрист и государственный деятель; с 1881 г. товарищ (заместитель) обер-прокурора Синода. С 1896 г. сенатор. В 1906-1915 гг. – обер-прокурор Святейшего Синода.
22. Письмо Н. Н. Харламова Г. И. Котову Без даты // НБА РАХ. Ф. 22 оп. 1. Ед. Хр. 297. Л. 22об-23об. (На письме нет даты, но из текста ясно, что оно написано летом или в начале осени 1898 года – *И.Т.*).
23. Кондаков Н.П. Дневник. Запись 1 марта 1899 г. // СПФ АРАН. Ф.115. Оп. 3. Д.15. Л.69об.
24. Кондаков Н.П. Дневник запись 4 марта 1899 г. // СПФ АРАН. Ф.115. Оп. 3. Д.15. Л.71.
25. Письмо С. Д. Шереметева В. Т. Георгиевскому 24 марта 1899 г. // ОР ГРМ. Ф.122.Д.145. Л. 2.
26. Покровский Николай Васильевич (1848-1917) – русский археолог и общественный деятель. Директор Археологического института, профессор Санкт-Петербургской духовной академии.
27. Султанов Николай Владимирович (1850-1908) – архитектор, искусствовед и историк архитектуры, директор Института гражданских инженеров (1895-1903). Автор проекта Собора Петра и Павла в Петергофе.
28. Лихачев Николай Петрович (1862-1935) Русский, советский историк, искусствовед, библиограф, коллекционер, общепризнанный авторитет в области источниковедения, дипломатики и сфрагистики, академик АН СССР.
29. Кондаков Н.П. Записки об издании Лицевого Иконописного подлинника по древним образцам 1899 г. Мая 8. // СПб.: 1899. С. 5.
30. Шохин Л.И. С. Д. Шереметев-историк в своих дневниковых записях. / АЕ за 1994 год. М., 1995. С.209, 215. / Цит. по Мещенина А.А. С.Д. Шереметев: деятельность в области организации русской исторической науки конца XIX – начала XX вв. Диссертация на соискание учёной степени кандидата исторических наук. // На правах рукописи. СПб.: 2004. С.125.
31. Мещенина А.А. С.Д. Шереметев: деятельность в области организации русской исторической науки конца XIX – начала XX вв. Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. // На правах рукописи. СПб.: 2004. С.125.
32. Письмо Н. П. Кондакова В. Т. Георгиевскому 14 января 1900 г. // ОР ГРМ. Ф.122.Д.73. Л. 75.
33. Письмо Н. П. Кондакова В. Т. Георгиевскому 19 февраля 1900 г.// ОР ГРМ. Ф.122.Д.73. Л. 77-78.
34. Шохин Л.И. Указанная работа. С.210. // Цит. по Мещенина А.А. Указанная работа. С.126.
35. Мещенина А.А. Указанная работа. С.126.
36. Кондаков Н.П. Дневник запись 27 февраля 1900 г. // СПФ АРАН. Ф.115. Оп. 3. Д.15. Л.40 об.
37. Кондаков Н.П. Дневник запись 29 февраля 1900 г. // СПФ АРАН. Ф.115. Оп. 3. Д.15. Л.41.
38. РГДА. Ф. 1287. Оп. 1. Д. 4075. Л. 68-68 об. // Цит. по Мещенина А.А. Указанная работа. С.126.
39. Мещенина А.А. Указанная работа. С.126.
40. Рябушкин Андрей Петрович (1861-1904). В 1882-1890 годах учился в Академии Художеств. Участвовал в художественном оформлении храма Воскресения Христова (Спаса-на-Крови в Санкт-Петербурге).
41. Афанасьев Алексей Фёдорович (1850-1920) – живописец. С 1887 по 1905 год – преподаватель художественной школы Императорского общества поощрения художеств. С 1905 по 1909 годы – директор Пензенского художественного училища имени Н.Д. Селивёрстова. Участвовал в оформлении Храма Воскресения Христова (Спаса-на-Крови в Санкт-Петербурге).
42. Беляев Василий Васильевич (1867-1928). В 1886-1891 годах учился в Академии Художеств. Участвовал в художественном оформлении того же храма.

43. Кондаков Н. П. Дневник запись 1 марта 1900 г. // СПФ АРАН. Ф.115. Оп. 3. Д.15. Л.41.
44. Письмо И. И. Толстого Н. П. Кондакову 01 марта 1900 г. // СПФ АРАН. Ф.115. Оп. 4. Д.426. Л.1.
45. Кондаков Н. П. Дневник запись 1 марта 1900 г. // СПФ АРАН. Ф.115. Оп. 3. Д.15. Л.42.
46. Г.С.Ш. /псевдоним графа С.Д. Шереметева/ Михайловское. 15 июня 1900. Просёлки. // М.: Типолитография А.В.Васильева и Ко. Петровка. Д. Обидиной. 1901.С. 7.
47. Краско А. В. Три века городской усадьбы графов Шереметевых. Люди и события. // М.: Центрполиграф. 2009. С.193.
48. Там же. С.193.
49. Там же. С.199.
50. Черновик прошения иконописцев сёл Мстёры, Холуя и Палех в Святейший Правительствующий Синод, полученный В.Т. Георгиевским от Зверева М.И. в июле 1900 года. // ОР ГРМ. Ф.122.Д.246. Л. 1об.
51. Высочайше утвержденный комитет попечительства о русской иконописи и его задачи. // С-Петербург. Типография И. Генералова. Гороховая ул., у каменного моста. 1907. С. 8-9.
52. Г.С.Ш. /псевдоним графа С.Д. Шереметева/ Михайловское. 15 июня 1900. Перелески. // М.: Типолитография А.В.Васильева и Ко. Петровка. Д. Обидиной. 1901. С. 7.
53. Письмо М. И. Зверева В. Т. Георгиевскому 30 июня 1900 г. // ОР ГРМ. Ф.122.Д.64. Л. 1-2
54. Фотомастерская А. Пазетти, Невский пр. 24 // СПФ АРАН. Ф. 115. Оп. 5. Д. 85
55. Высочайше утвержденный комитет попечительства о русской иконописи и его задачи. // 1907. С. 11.
56. РГДА. Ф. 1287. Оп. 1. Д. 4075. Л. 91. / Цит. по Мещенина А.А. Указанная работа. С.130.
57. Мещенина А.А. Указанная работа. С.130.
58. Письмо Харламова Н.Н. Кондакову Н.П. 16 марта 1901. // СПФ АРАН. Ф.115. Оп. 4. Д.455. Л.3.
59. Отношение Харламова Н.Н. Директору Народных училищ Владимирской губернии от 01 сентября 1899 г. / ГАВО. Ф. 449. Оп.1 Д. 38. / Предоставлено краеведом Барашковым В.В.
60. Письмо Шереметева С.Д. Кондакову Н.П. 19 декабря 1900. // СПФ АРАН. Ф.115. Оп. 4. Д.485. Л. 29.
61. Копия письма В.М. Васнецова Шереметеву С.Д. 16 декабря 1900. // СПФ АРАН. Ф.115. Оп. 4. Д.485. Л. 32.
62. Вероятно, Н.П. Кондаков имеет в виду «Современное положение русской народной иконописи», которая была издана отдельной книгой в феврале 1901 года Обществом Любителей Древней Письменности.
63. Кондаков Н.П. Дневник запись 1901 г. // СПФ АРАН. Ф.115. Оп. 3. Д.16. Л. 52, 53, 55(об), 56(об), 59, 59(об), 60(об), 62(об), 70(об), 71, 71(об), 78(об), 79.
64. Ковалевский Владимир Иванович (1848 – 1934) – государственный деятель, учёный и предприниматель.
65. Нечаев-Мальцов Юрий Степанович (1834 – 1913) – меценат, фабрикант, дипломат, владелец стекольных заводов.
66. Пономарев Николай Викторович – автор книги «Обзор кустарных промыслов России». Под редакцией Д.А.Тимирязева и ряда других работ в области сельского хозяйства и кустарной промышленности.
67. Журнал заседания ... 17-го мая 1901 года.//ОР ГРМ. Ф. КПРИ. Д.13. С. 1.
68. Там же. С. 6.
69. Письмо Харламова Н.Н. Кондакову Н.П. 21 апреля 1902.//СПФ АРАН. Ф.115. Оп. 4. Д.455. Л.5-5об.
70. Письмо Кондакова Н.П. Георгиевскому В.Т. от 16 апреля. // ОР ГРМ. Ф. 122. Д. 73. Л.37. (Год в дате письма не указан, но по содержанию письма явно видно, что оно написано 16 апреля1902 г.- И.Т.)
71. Письмо Кондакова Н.П. Георгиевскому В.Т. от 26 марта. Год не указан. // ОР РНБ. Ф. 122. Ед. Хр. 73. Л.35-36. (Год в дате письма не указан, но по содержанию письма явно видно, что оно написано 26 марта 1901 г.- И.Т.)..
72. Журнал заседания ВЫСОЧАЙШЕ учрежденного комитета попечительства о русской иконописи 18 апреля 1902. // Научный Архив. ГРМ. Оп. КПРИ. Ед. Хр.13. С.36-37.
73. Там же. С.37.
74. Письмо Шереметева С.Д. Султанову Н.В. 15 января 1902. // ОР РНБ. Ф.757. Д.37. Л. 3.
75. Цит. по: Краско А.В. Три века городской усадьбы графов Шереметевых. Люди и события. // М.: Центрполиграф. 2009. С.195.
76. Письмо Шереметева С.Д. Султанову Н.В. 11 апреля 1905. // ОР РНБ. Ф.757. Д.36. Л. 2
77. Владимирская энциклопедия: Биобиблиографический словарь. / Администрация Владимирской области. Владимирский Фонд культуры. Владимир. 2002. С. 462.
78. Кондаков Н.П. Дневник запись 1902г. // СПФ АРАН. Ф.115. Оп.3. Д.16. Л.39(об), 42(об), 47, 47(об), 60(об), 61, 66.
79. Кондаков Н.П. Дневник запись 1902г. // СПФ АРАН. Ф.115. Оп.3. Д.16. Л.68.
80. Письмо Харламова Н.Н. к Беляеву В.В. от 10 апреля 1917. // НБА РАХ.Ф. 14. Оп. 1. Д. 98. Л. 10-10об

81. Статья И.В. Сосновцевой в сборнике Никодим Павлович Кондаков 1844-1925. Личность, научное наследие, архив. // СПб.: Palac Editions. 2001. С. 115.
82. Фотография 1905-1908 гг. Место не установлено. // СПФ АРАН Ф. 115. Оп. 5. Д. 22. Л. 1.
83. Кондаков Н.П. Дневник запись 1906г. // СПФ АРАН. Ф.115. Оп.3. Д.17. Л.346 об.
84. Брюллов Павел Александрович (1840-1914) – живописец, архитектор, академик и член Совета Академии художеств. Сын профессора архитектуры А.П. Брюллова, племянник знаменитого живописца Карла Брюллова.
85. Кондаков Н.П. рисунок Брюллова П.А. 05.05.1906 г. // СПФ АРАН Ф. 115. Оп. 5. Д. 16. Л. 2.
86. Бакушинский Анатолий Васильевич (1883 – 1939) – искусствовед, организатор народных промыслов и педагог. Возрождение в конце 20-х годов XX века искусства Палеха, Мстёры и Холуя проводилось под его руководством.
87. Статья И.В. Сосновцевой в сборнике Никодим Павлович Кондаков 1844-1825. Личность, научное наследие, архив. // СПб.: Palac Editions. 2001. С. 117.
88. Платонов Сергей Фёдорович (1860-1933) – историк, академик Российской академии наук (1920). С 1918 по 1923 год – директор Археологического института, и одновременно – заведующий Петроградским отделением Главархива. С 1925 по сентябрь 1928 года – директор Библиотеки Академии Наук СССР.
89. Письмо Шереметева С.Д. Платонову С.Ф. 11 декабря 1917. // ОР РНБ. Ф. 585. Д. 4622. Л. 29.
90. Письмо Шереметева С.Д. Платонову С.Ф. 31 марта 1918. // ОР РНБ. Ф. 585. Д. 4627. Л. 11.
91. Письмо Шереметева С.Д. Платонову С.Ф. 25 ноября 1918. // ОР РНБ. Ф. 585. Д. 4628. Л. 25об.

М. Б. Печкин

История организации Холуйской художественной профтехшколы

В 1934 году в Холуе образовалась самостоятельная артель художников. Эту дату мы считаем годом рождения Холуйской лаковой миниатюрной живописи, хотя непосредственно миниатюрой в первые годы после создания артели занимались единицы, прежде всего, основоположники нового для бывших иконописцев вида искусства К. В. Костерин, С. А. Мокин, В. Д. Пузанов-Молёв. Основная масса художников рисовала коврики, написанные масляными красками на холсте, они служили «украшением» интерьера. До конца 40-х годов их производство обеспечивало экономическое благосостояние Холуйской артели. Конечно, к настоящему искусству коврики отношения не имели. Однако переходить на миниатюру, которая продавалось плохо, мастера не спешили. Руководил Холуйской артелью ученик Н. Н. Харламова Дмитрий Павлович Баранов.

В 1935 году в Москве, при Всекопромсовете, проходила выставка художественной промышленности. Холуйские мастера представили миниатюру и станковую живопись. На приёме у председателя Всекопромсовета руководитель артели Д. П. Баранов а также С. А. Мокин и К. В. Костерин высказали инициативу открытия в Холуе учебного заведения. Надо отдать им должное, они прекрасно понимали, что без школы у артели будущего не будет. Инициатива нашла поддержку, для организации обучения, приобретения библиотеки, обновления оборудования выделили 5000 рублей и лошадь. Учебное заведение получило название школа бригадного ученичества. Первый набор в 1935 году составил 12 человек, срок обучения четыре года. Главное внимание уделялось рисунку и живописи, изучению техники письма масляными красками. Писали натюрморты, пейзажи, копировали с репродукций картины великих мастеров и работы местных художников. Темперная миниатюрная живопись преподавалась только как дополнительная дисциплина. Руководителем школы назначили Петра Николаевича Киселёва, преподавали С. А. Мокин и К. В. Костерин. После завершения обучения шли в артель, расписывать коврики. Руководство артели было довольно выпускниками. Они умели хорошо рисовать, владели живописными навыками.

Мы, к сожалению, почти ничего не знаем о системе обучения в школе. Документы не сохранились, не осталось почти никаких воспоминаний старожилов села. В своё время в школу бригадного ученичества хотел поступить В. А. Белов, он пришёл со своей мамой в Холуй и пытался устроиться учиться: «Мы идём в школу, которая находилась на берегу Тезы, дом, где сейчас поселковый совет. Входим. Выходит учитель, Пётр Николаевич Киселёв, смотрит мои работы, хвалит, но принять меня отказывается, так как курс уже набрали и все места заняты...».[1] Судя по этому маленькому сообщению, школа не имела проблем с набором. Артель увеличивала выпуск живописных ковриков, и новые художники были востребованы. От выпускников умения писать лаковую миниатюру не требовали. В 1941 году, с началом войны, школа бригадного ученичества, как и сама артель

художников, почти полностью закрывается. Всех молодых художников взяли на фронт, остались одни пожилые мужчины и женщины. Временами артель уходила на уборку сена или на другие сельские работы, благодаря чему выживали, художественная продукция в начале войны была не нужна.

В 1942 году в Холуй приехали представители Комитета по делам искусства при Совете Министров РСФСР и Ивановского облисполкома. Изучили ситуацию, собрали оставшихся мастеров, провели собрание, и артель заработала активнее. Школа бригадного ученичества возобновила работу. Настоящее возрождение началось в 1943 году, ситуация резко изменилась после выхода постановления Совета Народных Комиссаров РСФСР № 128 от 7 февраля 1943 года «О мерах по восстановлению и развитию народных художественных промыслов в РСФСР». Меры, предусмотренные в постановлении, охватывали всю сферу деятельности художественных артелей. При СНК РСФСР создавалось главное управление художественных промыслов. В областях организовывались группы из 2-3 человек по руководству художественными промыслами. Выделялись деньги на создание фонда образцов, приобретение оборудования, закупку сырья и материалов. Областные и краевые исполкомы и совнаркомы АССР были обязаны: «в месячный срок вернуть специалистов и мастеров по художественным промыслам, используемых не по специальности, в артели по месту их прежней работы». Предусматривалось выделение 200 тысяч рублей на творческие заказы художникам Палеха, Мстёры, Холуя, Федоскина. Что касается учебных заведений, то в постановлении отмечалось: «К началу 1942 года все 23 художественных профтехшколы были закрыты, и только 8 из них к концу 1942 года были восстановлены».[2] Обязывалось: «восстановить в 1943 году художественные профтехшколы, согласно приложению №2».

В этом приложении перечислено 12 профтехшкол. Холуйской среди них нет, значит, она была в числе восьми восстановленных к концу 1942 года. За постановлением СНК РСФСР последовал приказ управления промкооперации и уполномоченного управления промкооперации по Ивановской области. В результате на базе школы бригадного ученичества создаётся Холуйская художественная профтехшкола.

Это принципиально новое учебное заведение, призванное учить искусству лаковой миниатюры. Несмотря на военное время, организация обучения была налажена очень быстро. В феврале 1943 года вышло указание об открытии, в апреле уже приступили к занятиям. Оперативность объясняется тем, что в рабочем состоянии находилось здание и оборудование школы бригадного ученичества. Сохранились гипсовые скульптуры, орнаменты, слепки частей тела, каркасы, другие наглядные пособия, большая часть которых досталась по наследству от Холуйской иконописной школы. Занятия проходили в двух зданиях: главным считалось бывшее помещение школы бригадного ученичества (сейчас сельская администрация), а также в здании художественной артели (бывшее здание холуйской иконописной школы). Срок обучения в профтехшколе составлял 4 года, первый набор приступил к занятиям 15 апреля. Принимали на учёбу будущих художников без экзаменов. Базовое образование у всех было разное, кто успел закон-

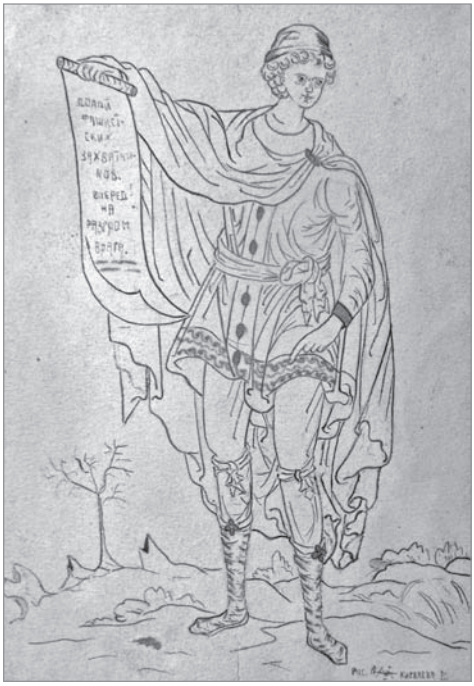


Рисунок Киселёвой Веры (1944 г.)

Работа Горюкина К. (1944 г.)

чить только 4 класса школы, другие 7 классов. На первый курс поступило 17 человек. Осенью 1943 года сделали второй набор, состоявший из 16 человек.

Первым директором стала Марья Васильевна Кучумова, она одновременно являлась председателем художественной артели. Объединение должностей говорит об изначальной идее целостности учебного заведения и производства. Первыми пришли преподавать основоположники Холуйской лаковой миниатюры К. В. Костерин, В. Д. Пузанов-Молёв, С. А. Мокин, они вели уроки производственного обучения и композиции. Программы по основным дисциплинам разработал Константин Васильевич Костерин, он хорошо помнил методы и систему обучения в иконописной школе, составленные им программы освоения лаковой миниатюры базировались на иконописных традициях. Технику письма изучали, копируя детали икон, в первое время ещё не было специальных образцов по лаковой миниатюре. Использовали рисунки, оставшиеся от иконописной школы, в частности, сохранилось много работ Шахова Ивана Дмитриевича. Копируя фигуры святых, ученики по понятным причинам не изображали нимбов, иногда вносили в рисунки изменения. Так, в работе Киселёвой Веры 1944 года, скопированной с изображения святого, на свитке сделала надпись «Долой фашистских захватчиков. Вперёд! На разгром врага!» Работы по производственному обучению и композиции делали на бумаге, чёрной краской имитировали края шкатулки, позже появился чёрный загрун-

тованый картон. На полуфабрикате писали только дипломную работу. Часто сюжеты школьных миниатюр представляли из себя переработанные, иногда просто искажённые иконописные темы. В работе К. Горюкина (1944) взята за основу композиция Ветхозаветной Троицы, но один из ангелов отсутствует. Остальные фигуры сдвинуты с определённых каноном мест. Похоже, автор таким способом попытался изобразить партийное или комсомольское собрание, один выступает, другие слушают. На миниатюре Бориса Тихонравова (1944) изображён диалог двух персонажей. Сюжет написан в иконописной манере, только без нимбов.

Работа Тихонравова Б. (1944 г.)

Миниатюра Холуя в то время окончательно ещё не сформировала свои традиции, шли упорные поиски. Учащийся первого набора Народный художник России Н. И. Бабурин вспоминает: «С каким восторгом смотрели мы на миниатюру С. А. Мокина, принесённую автором в школу, всё было ново для нас, всматривались в каждую деталь».[3] Немного позже К. В. Костерин и другие преподаватели разработали образцы поэтапного написания деталей фигуры человека, пейзажа и других составных частей миниатюры. Рисунок и живопись в первые годы преподавали С. А. Мокин, обучавший технике масляной живописи, Василий Григорьевич Кучумов (ученик Харламова).

Пётр Николаевич Киселёв, работавший ранее руководителем и преподавателем школы бригадного ученичества, преподавал рисунок, живопись и анатомию. После Холуйской иконописной школы он учился в Казанском училище. Со времён учёбы у него остались анатомические рисунки, по ним изучали анатомию. Ученики уважали Киселёва, между собой звали «Пётр-Петручио Петрарка».

В 1945 году в профтехшколе начинает работать выпускник Ленинградской академии художеств Уриэль Абрамович Кукулиев. Его по распределению направили в Иваново, а там, в управлении по делам искусств, предложили работать преподавателем рисунка и живописи в Холуйской профтехшколе. Кукулиев приехал в Холуй без особого желания, но село очаровало художника своей красотой, и он остался здесь на всю жизнь. Уриэль Амбрамович написал множество картин и этюдов, воспевающих красоту села. К процессу обучения будущих художников-миниатюристов Кукулиев относился очень добросовестно, отдавал много сил и времени. Личным примером вдохновлял учащихся на серьёз-

ное отношение к рисунку и живописи Он сумел привить своим ученикам любовь к искусству, воодушевить их на творчество. Студенты всюду носили с собой блокноты для зарисовок. Заведующей учебной частью работала Маргарита Николаевна Коршунова. Её мать была родной сестрой палехского художника Николая Михайловича Парилова. Маргарита Николаевна преподавала алгебру и геометрию. Деятельная и справедливая, она пользовалась большим уважением и любовью у студентов, которые звали её «Королева Марго». Историю, литературу и русский язык преподавал Юдин Пётр Павлович. Военное дело – сначала А. Д. Шабанов, затем Л. Н. Пурецкий.

Учиться было тяжело, шла война, тетрадей не было, конспекты писали между строк в книгах и на газетах. Для рисунка и живописи использовали старые работы, резали их на маленькие листочки и на обратных сторонах писали натюрморты, делали зарисовки. Заготовка дров для профтехшколы осуществлялась силами учащихся, норма на одного человека пять кубометров. В распоряжении директора от 21 декабря 1943 года говорится: «22 декабря 1943 года в школе занятия продолжатся до 3-х часов, 3 ч. 30 минут все школьники, вместе с ними Грязнова, Шабанов и Юдин должны пойти в лес за дровами...»[4] За продуктами, бывало, ходили пешком в Южу. Бабурин Н.И. вспоминает, как его и Бориса Тихонравова послали за мукой и сахаром, «опытный» весовщик обвесил парнишек на вес мешка: «А мы только немного пососали песочка со снегом.»[5] Голодно было, спасали американская тушёнка и яичный порошок из американского ленд-лиза. Столовая находилась в художественной артели, идя на обед, учащиеся несли с собой поленья дров в качестве компенсации за приготовление еды. Именно этот момент запечатлён на фотографии, сделанной Борисом Климушиным. Уча-

Учащиеся первых наборов Холуйской художественной профтехшколы

щиеся Чинаев Н., Чернышёв К., Девяткин А, Горюкин К., Крюков Г., Костерин А., Тихонравов Б., Бабурин Н., Турунов И. сфотографированы на пути в столовую, внизу, у ног, лежат дрова. Хорошо передаёт обстановку тех лет приказ №6 от 1944 года по Холуйской художественной профтехшколе: «При отсутствии директора школы оказались поломаны часы настольные. Решением общего собрания учащихся от 4 марта было выяснено, что поломка часов была сделана руками ребят (мальчиков) 2-го года обучения. Персонально кто, выяснить не удалось. Приказываю удержать с каждого из них по 100 грамм масла из дополнительного пайка и собранное количество отдать за ремонт часов. Директор».[6] Надо сказать, что часы были единственные, отсюда такая строгость.

В начале января 1945 года исполняющим обязанности директора профтехшколы назначается К. В. Костерин. В октябре 1945 года директором становится Алексей Данилович Ершов, он до войны был председателем художественной артели, после возвращения с фронта вновь занял место председателя и директора учебного заведения. В августе 1946 года в должность директора профтехшколы вступил В.Н.Столяров, участник Великой Отечественной войны, награждённый орденами «Красного знамени», «Отечественной войны I степени», «Знаком Почёта». Будучи человеком военной закалки, решительным, суровым но справедливым, он видел свою задачу в наведении порядка и укреплении материальной базы школы. При нём в 1947 году приступили к постройке нового учебного корпуса. Ученик первых лет Б. М. Кураев вспоминает: «Столяров приказал, чтобы у каждого, кто жил в общежитии, был чемодан, все были настолько послушны, что я купил чемодан и все вещи держал в нём…». А вот другие его воспоминания: «Как-то В. Д. Пузанов-Молёв спрашивает студентов на уроке: – В кино хотите? – У нас денег нет. – Вы же художники. Рябятки, в ваших руках всё. Возьмите старую афишу, бумага такая же и нарисуйте билет. Потом афиш не стало. Брали афишу, переводили через кальку и тушью рисовали. Красным карандашом писали ряд и место. В зал войдёшь с блокнотом, делаешь вид, что наброски, зарисовки делаешь. А сам следишь, где место свободное есть. Свет погасят и туда».[7] Нечто подобное вспоминает и Н. Н. Денисов: «Было очень голодно и всё время хотелось есть. Кому-то в голову пришло нарисовать, скопировать хлебную карточку. Получилось. И начали потихоньку иногда пользоваться этим. Карточки, как правило, были не на целую буханку. Николай Чинаев, который говорил: «Ребята, я так есть хочу, как будто сто лет не ел», нарисовал карточку на всю буханку, на этом и погорел. С тех пор больше этим не занимались».[8]

Защита дипломов первого выпуска состоялась в декабре 1946 года. Приказ квалификационной комиссии оформлен 5 января 1947 года. Выпускникам присвоили тарифный разряд от 5-го до 2-го. Лучшие учащиеся получили похвальные грамоты и денежные вознаграждения. Всем выпускникам выдали по одной шкатулке из папье-маше. Каждый год на промысел стали приходить молодые, одарённые мастера, на долю которых выпало доведение до совершенства стиля Холуйской лаковой миниатюры. Среди них: Н. И. Бабурин, Н. Н. Денисов, Б. И. Киселёв, В. А. Фомин, Б. В. Тихонравов, Л. М. Живностка, А. А. Каморин, А. М. Костерин. Именно они и ещё ряд художников долгие годы составляли

Тихонравов Б.В. «Слово о полку Игореве» (1947 г.)

ядро промысла. К сожалению, мало сохранилось дипломных работ первых лет. Бабурин Николай Иванович рассказывает, что свой диплом даже дописать не успел. Ларчик «Боярин Орша» понравился руководству артели, нашёлся покупатель на него. Работу у Николая Ивановича забрали, дописали по-быстрому и реализовали. Артель нуждалась в деньгах, дипломы продавались, затем писались их копии. Сохранилась дипломная работа Б.В.Тихонравова шкатулка-ларец «Слово о полку Игореве». В миниатюре автор старался охватить весь сюжет «Слова». На крышке шкатулки изображено начало похода, дружина во главе с князем смотрят на солнечное затмение, ставшее грозным предзнаменованием. В правом нижнем углу плач Ярославны, образ княгини решён ярко и эмоционально. В некоторых моментах творческая фантазия художника выходит за рамки литературного произведения. В левом нижнем углу видится сцена прощания князя Игоря с Ярославной, в тексте о прощании ничего не сказано. По-видимому автор решил, что без крепких объятий супругов перед походом обойтись невозможно. Сцены прощания близких людей в сороковые годы были знакомы каждой семье. На боковых сторонах изображена битва с половцами, пленение раненого князя, побег из плена и пир, о котором в тексте также нет упоминания. Пир изображён роскошный, в центре князь с княгиней, всё внимание гостей обращено на них. Слуги подносят дорогие угощения, разливается вино из бочек, играет гусляр. За стенами здания молодёжь водит хороводы, поёт песни. Вся сцена пронизана ощущением радости и счастья, всеобщего ликования. Безусловно, эти эмоции навеяны недавней победой в Великой

Киселёв Б.И. «Уборка хлебов» (1948 г.)

Отечественной войне. Таким образом, исторические события далёкого прошлого и настоящего переплелись в единое целое. Построение композиции ларца основано на декоративных принципах. В формах пейзажа использованы иконописные приёмы расположения горок, сочетающихся с условным изображением архитектуры и деревьев. Горки своими выразительными силуэтами и цветовой гаммой, с переходами от тёплых оттенков к холодным, задают определённый ритм, передающий напряжённость и эмоциональность происходящих событий.

В другой манере решена миниатюра Б. И. Киселёва «Уборка хлебов» (1948). Пространство строится горизонтальными планами, в целом пейзаж трактован реалистически. Мягкие воздушные дали, погруженные в мерцающее голубоватое марево, сменяются на переднем плане декоративными горками. Динамичные фигуры сельских тружениц написаны в декоративной манере, ярко и убедительно. Фигуры на дальнем плане отличаются меньшим размером и смягчённой цветовой гаммой, что вполне соответствует законам воздушной и линейной перспективы. Таким образом в этой миниатюре сочетаются принципы декоративности и реалистичности. Сюжет композиции заключён в орнаментальную раму овальной формы.

Совершенно в ином ключе написал свою дипломную работу А. А. Каморин. Миниатюра «Под Уфой» (1950) решена в реалистических традициях. Глубокий прорыв пространства, фигуры по краям обрезаны рамой, что совершенно естественно для любой станковой картины и не допустимо в декоративной компози-

Каморин А.А. «Под Уфой» (1950 г.)

ции. Реалистична лепка объёмов фигур, работа больше напоминает федоскинскую миниатюру. Обращение к традициям реалистической живописи не случайно. В 1949 году от методического кабинета Роспромсовета была дана установка на подготовку в профтехшколе мастеров-копиистов. Школой были получены учебные программы по производственному обучению, однотипные с Федоскинской профтехшколой. Очень много времени уделялось копированию с репродукций станковой живописи. Часы преподавания композиции сократили до минимума. К счастью, заблуждение продлилось недолго, учебные программы в скором времени вернулись к традиционным для Холуя. Однако влияние реалистической школы, бесспорно, сказалось. На дипломных работах первых лет существования учебного заведения эта тенденция прослеживается весьма очевидно. Каждая из рассмотренных нами дипломных работ имеет разные, можно сказать, противоположные стилевые направления. Лаковая миниатюра Холуя в те годы стояла на распутье, выбирала свою дорогу, как витязь в известной картине Васнецова.

1. Печкин М. Б. Холуй. Иваново 2004 г. С. 82-83
2. Постановление СНК РСФСР 128 от. 7 февраля 1943 г. С. 1
3. Из устных воспоминаний Н. И. Бабурина
4. Книга приказов 1943-1951 год. Архив Холуйского филиала ВШНИ
5. Из устных воспоминаний Н.И. Бабурина
6. Книга приказов 1943-1951 год. Архив Холуйского филиала ВШНИ.
7. Из воспоминаний Кураева Бориса Михайловича. Архив М. Б. Печкина.
8. Из устных воспоминаний Н. Н. Денисова.

Раздел II

Проблемы изучения Смутного времени

А. Е. Лихачёв, священник

Нравственные предпосылки Смутного времени

В наше время методология исторической науки достигла внушительных успехов, корпус всех источников систематизирован, описан, многие (самые значимые) опубликованы, и почти каждый факт не единожды истолкован, но при всём при этом историческая наука терпит кризис – слишком различно могут быть истолкованы факты. Множество концепций исторического процесса теснят друг друга и не согласны в главном – какие силы определяют ход истории? Вопрос не праздный, ибо в ответе на него заложено понимание наших перспектив и стратегия сегодняшних действий. В конечном итоге ви́дение истории определяется контекстом культуры: пониманием того, КТО такой ЧЕЛОВЕК и ЧТО такое человеческий РОД. Нам только кажется, что мы все понимаем это одинаково, на самом деле – различия мировоззренческих позиций определяют и несоответствие исторических подходов.

Дух нашего времени мечется между двух крайностей самоощущения человека в мире: как уникальной свободной, возможно, даже неуничтожимой личности и как ничтожно маленького колёсика в огромном механизме «паровоза истории». Философия истории, основанная на православном мировоззрении, вносит свою ясность в это неизбывное противоречие и предлагает воспринимать человека «нераздельно» и при этом «неслиянно»[1] с двух сторон его бытия (это подобно двуединству квантовой и волновой теории света в физике): каждый из нас есть представитель и продолжатель своего рода, но при этом мы все в потенции богоподобные свободные личности. Единство наше подобно единству многих клеточек в едином организме, особенно если представить каждую клеточку мыслящим существом. Имея свой взгляд на человека, православная наука может и должна предложить свой методологический подход к истории, который пока, к сожалению, мало разрабатывается. Точнее, он был предложен гениальным нашим соотечественником А.Ф.Лосевым в его концепции истории как становящегося самосознания личности[2]. Мы хотим предложить концепцию нравственно-смыслового подхода на примере оценки некоторых событий Смутного времени (1598-1619 гг.), как переломного в исторических

судьбах русского народа, а потому особенно ярко выявившего взаимовлияние нравственно-личностного и, если угодно, «пассионарно-родового» начала.

В наши дни, предшествовавшие крупному юбилею – 400-летию победы над Смутой и восстановления российской государственности, – в течение многих лет и сразу в нескольких научных центрах велась историческая проработка событий Смутного времени, возникло несколько новых подходов к Смуте: либо как гражданской войне, либо как системному кризису Московского государства на фоне польско-литовской интервенции[3]. Благодаря многим всероссийским и международным конференциям уяснились многие факты, выстроена объективная канва событий, возвращены многие забытые имена и раскрыты роль и значение многих лиц в деле приближения победы. У некоторых специалистов возникло предчувствие, что мы приблизились к пониманию тайных пружин национального бытия, определяющих колебание чаши весов народной судьбы (того, что поверхностно называют «фортуной»), а, значит, и чаяний сегодняшнего смутного времени. Но всё-таки чего-то нам не хватает для окончательного прорыва: мы судим о героях Смутного времени с позиций меркантилизма (мол, успех для них был главным действующим мотивом) и остаёмся в плену привносимой нами, всей нашей культурой иной логики событий. Современную методологию исследования, как правило, «по умолчанию» используемую учёными, можно оценить как основанную на «необихевиористической синергетике», которая понимает историю народов как ряд параллельных внеличностных процессов, определяющихся взаимовлиянием многих количественных показателей (отсюда стремление уяснить всё множество параметров системы). Происходит недооценка того, что в Смуте произошло «изменение ума» средневекового русского человека. А ведь, по меткому слову Д.И.Антонова, «кризис поразил не только систему власти, но и представления людей о власти, не только государство, но и представления о государстве... В течение ряда лет в стране происходили уникальные события: выборы царя, коронация человека, проклятого Церковью, сведение государя всея Руси с государства, захват инославными христианами столицы Третьего Рима... Каждое из этих явлений могло стать потрясением для культуры; череда подобных критических ситуаций породила феномен Смуты»[4].

Для понимания подлинных пружин процесса преодоления Смуты недостаточно изучить всё поле фактов или применить «научный анализ» через шоры какой-либо из узких объяснительных теорий (будь то «диалектический марксизм» или теория «пассионарности этносов»). Ключ их понимания находится в области изучения ***самосознания*** народов, избирающих для себя в процессе своего исторического бытия те или иные созидательные ценности, мировоззренческие смыслы и жизненные установки. При таком подходе первостепенным видится тот факт, что в Смуте произошло противостояние ДВУХ РОДСТВЕННЫХ ЦИВИЛИЗАЦИОННЫХ ТИПОВ, при этом глубоко отличных в духовном измерении: общества, построенного на традициях византийского по происхождению Православия, с одной стороны, и, казалось бы, внешне соперничавших Польши и Швеции как обществ посткатолической западноевропейской цивилизации, с другой стороны. По причине недооценки религиозно-

мировоззренческого фактора ключевые процессы **смены народного самосознания** по сей день оказываются на периферии исторического исследования, что лишь затрудняет процесс постижения истории, но не умаляет значения культурных и нравственных феноменов для исторических судеб народов.

Мировоззренческая (как более поверхностно говорят, религиозная) мотивация проходит красной нитью через все перипетии Смуты. Вот казавшийся «природным Московским государём» Лжедмитрий убит за попрание религиозно-нравственных норм, несоответствие образу православного государя как «земного хранителя Церкви». Вот царь Василий Шуйский переносит прах святого царевича Димитрия для доказательства самозванчества Лжедмитрия II, а сторонники последнего устраивают массовую резню духовенства и мирян в Угличе. Вот ряд представителей московского боярства (в том числе князь Андрей Васильевич Голицын, к примеру), хотя и приглашают польского королевича Владислава на московский престол, но неукоснительно требуют его православного крещения и отказываются повиноваться грамотам преданного папству Сигизмунда (за что князь был убит «своими же» в самом начале апрельского восстания в Москве[5]). Вот «низовой человек» Кузьма Минин и князь Дмитрий Пожарский собирают ополчение и бьются, по слову последнего, «за православные хрестьянские церкви и православную веру безвозмездно» и побеждают (буквально с ничтожным перевесом в ситуации) со своим полукрестьянским ополчением – кого? Профессиональных воинов, и только силою своего духа! Вот по мудрому руководству Совета Всея земли и при христианском смирении победителей (вернувших своим вчерашним побеждённым врагам их общественное положение) избирается «православный государь» общим согласием народа на Всесословном земском соборе. Важно понять, что всё это было не просто «дань времени», что все мыслили, мол, «с религиозными предрассудками», – это был способ существования каждого и народа в целом, это было мировоззренческое восприятие себя в мире и обществе, своего смысла жизни. Именно из этого средоточия исходили все жизненаправляющие импульсы народного бытия, и только через них можно понять движущие силы происходивших событий.

Процессы разрушения государственного всесословного строя Московской Руси имели нравственно-мировоззренческую основу. Даже современная «необихевиористическая» по методу историческая наука уже пришла к выводу о том, что главной составляющей русской Смуты (точнее, русских смут как начала XVII, так и начала XX вв.) является НРАВСТВЕННАЯ ЖИЗНЬ. Б.М.Пудалов (в заключительном разделе «Исторические уроки Смуты» коллективного двухтомника «Подвиг нижегородского ополчения») проводит, к примеру, параллель событий октября 1917 г. с событиями описываемого времени и замечает: «Чудовищный эгоизм всех слоев общества, исподличавшихся к 1914 г. до последней степени (эгоизм социальный, территориальный, политический, национальный и в несколько меньшей степени религиозный), привёл к падению всех нравственных устоев общества, так что власть, по образному выражению В.И.Ленина, “валялась в грязи”; отсюда разгул дикости и жестокости, и как следствие – страстная жажда диктатуры (и внутреннее на неё согласие), чтобы гарантиро-

ванно остановить кровавый кошмар... Смута начала XVII века выявила полное пренебрежение правящей элиты к интересам всех остальных сословий и социальных групп... Правители легко давали обещания и столь же легко отступались от них, в результате чего власть утрачивала свой престиж и оборачивалась безвластием... Вследствие грехов правителей расстроились отношения между ними и подданными, и отсюда беды Смуты»[6]. Все упоминаемые историком причины – и эгоизм, и неверность слову – явления чисто нравственного порядка. Становится понятным, что при расстройстве нравственной жизни общества отдельные безнравственные поступки сливаются в такой поток беззаконий, что он захлёстывает все устои общественной жизни и приводит к общественному краху.

Но без анализа мировоззренческих установок московского общества XVI-XVII вв. выводы историков о том, что «власть должна быть ответственной перед народом» не представляются бесспорными, и взаимосвязь нравственных и исторических процессов оказывается декларативной. Попробуем на небольшом примере привнести разбор мировоззренческих истоков поведения в понимание процессов Смуты. На поверхности лежит тезис, что массовые беззакония «низов» были порождены дурным примером «сверху». Действительно, сильнейший толчок для обрушения всесословной нравственности дали преступления самих Московских самодержцев, сначала Ивана IV, а затем Бориса Годунова и Василия Шуйского, которые в своих стремлениях к единовластию изводили целые боярские роды. Но почему же нигде в произведениях современников Смуты мы не обнаруживаем обвинений Иоанна IV (кроме «предателя» Курбского)? Допустим, что дело в «правильности» самого царя с точки зрения того времени. Но почему тогда пафосом «Словес дней, царей и святителей московских» князя И.А.Хворостинина (замечательного литературного памятника эпохи Смуты) было оправдать своё служение Лжедмитрию и Василию Шуйскому верностью крестоцелованию, хотя он сам признаёт их «не настоящими государями»? По прекрасному и глубокому исследованию средневекового мышления на Руси Д.И.Антонова, XVI век был пиком сакрализации царской власти. Ключом к столь возвышенному представлению о православном государе, как показывает исследователь, является представление о мессианском назначении самого царствия и самоидентификация Русью себя как единственного государственного носителя Православия. «Власть государя на Руси, – пишет Дмитрий Игоревич, – вобрала в себя важнейшую духовную функцию – ответственность за спасение людей на Страшном суде... В сочинениях XVI-XVII вв. прямо утверждается, что православный государь заботится о благоверии людей, стремясь сделать их “причастниками” Царствия Небесного»[7]. В силу именно этой мировоззренческой идеи подданные Грозного царя смирялись с его личными неправдами – ради самой святости царской власти; современники Смуты вообще с величайшей опаской осмеливались судить своих государей. И только под давлением фактов, горького опыта, который уже не могли не принимать на вид современники, зашаталась фундаментальная для русского человека той эпохи идея «праведной» власти православного государя. Только если учесть мессианское понимание царской власти, мы увидим и подлинное

значение крестоцелования вновь избранному государю – от верности обещания, данному Самому Богу, зависит вечная участь человека[8]. И потому, изменившие крестоцелованию потрясали сами основы, изначальные смыслы своего земного бытия и, по убеждению И.Хворостинина, становились «яко истиннии враги Божия святого Креста»[9]. Наибольшее смущение в сердцах современников посеяло то, что православный государь Борис Годунов сам нарушил своё крестное целование братьям Щелкаловым, «сам себе крестопреступен душеубийца бе» (по свидетельству другого публицистического произведения той эпохи «Временника» дьяка И.Тимофеева). Опыт Смуты, пережитое в народной трагедии предательство самими государями высокого идеала царской власти привело со временем к утрате властью народного доверия, и уже никогда более взаимоотношения власти и общества не поднимались на былую высоту.

Безусловно, для историка-атеиста эти тонкости кажутся незначительными, пустыми словами, за которыми не стоит ничего, кроме внешнего ритуального благочестия и причудливой фразеологии, прикрывающей меркантильные цели. Осмысленные и изученные за последние два века исторической науки общественно-экономические отношения представляются стержнем исторического процесса и несут сегодня объяснительную функцию. Б.Н.Флоря в своём исследовании Смуты во вводной главе, где рассматриваются её предпосылки, замечает, что жёсткая централизация власти, преемственно осуществлённая московскими правителями на протяжении всего XVI века, имела обратную сторону – значительное ослабление авторитета власти на местах, когда вовлечённые в московские придворные круги и оторванные от местных элит дети боярские не могли уже быть связующим звеном центральной власти и провинциального дворянства[10]. Между прочим, единение местных землевладельцев вокруг своего удельного князя упрочалось именно тем, что он мог представлять их интересы у московского престола, но подозрительность центральной власти, боявшейся усиления авторитета удельных князей на местах, заставила их добровольно лишиться этого важнейшего канала обратной связи. Однако центральной идеей всего ценнейшего исследования Бориса Николаевича является мысль о том, что и зарождение Смуты, и её апофеоз, и труднейшее дело её преодоления невозможно понять без изучения взаимовлияния польского и московского обществ друг на друга. А здесь уже невозможно не говорить об упомянутом выше различии ДВУХ ТИПОВ духовности, нравственности и культуры: западно-европейской, рождённой в недрах католической церкви, и восточно-европейской, рождённой Православием.

Мы переходим к анализу «религиозной» составляющей в рамках предложенной нами религиозно-мировоззренческой нравственно-практической методологии. Польско-Литовское государство всегда было форпостом папства на востоке, и подчинённое положение в нём православных позволяло «отрабатывать» методы влияния на «непокорных схизматиков». На основе признания культурного и мировоззренческого противостояния двух конфессий разрабатывается ещё одна (по большей части в церковных кругах) теория Смуты как «крестового похода» католицизма против мужающего православного Московского

царства. Однако среди остального научно-исторического сообщества она не является авторитетной. Б.М.Пудалов, в качестве главного контраргумента, верно отмечает, что каждая из сторон конфликта была поликонфессиональной[11]. Да, известны прокатолические замыслы короля Сигизмунда, отмечает нижегородский историк, но они не были поддержаны государственным советом (польско-литовским сеймом). Само польско-литовское государство включало в себя православное население (которое, пусть ущемлённо, но было представлено на Сейме) и тогда, действительно, не совсем верно будет говорить о Смуте как противостоянии католиков и православных. Важно отметить, что именно православное казачество и «перелёты» принимали активное участие в самых жестоких деяниях Смуты, и их зверствам удивлялись сами иностранцы. Со всем этим нельзя не согласиться, но только если за основу рассуждений брать признак конфессиональной принадлежности. Но в том-то всё и дело, что это вещь достаточно формальная – к какой религиозной традиции определяет себя тот или иной исторический деятель! Сама по себе конфессиональная принадлежность мало влияла на то, с какой стороны баррикад оказывались те или иные деятели Смуты. Попробуем выяснить, существует ли в той или иной конфессии мировоззренческое различие, и как это различие может влиять на систему ценностей и поведения личности?

Прежде всего надо отметить, что конфессиональные различия не совпадают с мировоззренческими. Можно говорить об отличиях западноевропейского мышления от восточноевропейского, так как католический взгляд на человека и его духовный мир имплицитно передался и всем видов протестантов (ведь и в Польше было много протестантов, и Швеция – протестантская страна). Догматические различия в рамках нашей статьи не могут быть предметом детального изложения. Нам важно только отметить такую его особенность, которая непосредственно влияет на связь мировоззрения с практически осуществляемой нравственностью. Это как раз область понятий о том, КАК осуществляется связь человека с Богом, с духовным миром. В богословии томизма (стержня католической доктрины) Бога можно постигать только логикой, точнее, разумом, утверждается, что дух Божий незаметно действует в человеке сам собой благодаря формальному освящению в Церкви, либо через римского Первосвященника (у католиков), либо через личное помазание Духом (у протестантов). Такое убеждение среди принявших христианство в V-VII вв. варварских народов привело к выхолащиванию живой христианской веры, к изменению изначальной духовной практики первоапостольской церкви, которая состояла в культивации живого чувства близости Бога. ФОРМАЛИЗМ, присущий католическому богословию, составил СУЩЕСТВО процесса секуляризации западнохристианской культуры, привёл иерархию к ложной постановке проблемы авторитета и к использованию ею внешних форм принуждения, а со временем всё это вызвало расцерковление западной культуры в целом и утрату связи с мистическим самоощущением человека в жизни[12]. В бытии же государственных организмов это привело сначала к соперничеству светской и церковной властей, а впоследствии – к утере чувства благоговейного отношения к власти и «демократизации» социальных институтов.

Почему же конфессиональная принадлежность деятелей Смуты не нашла однозначного выражения в их позиции и деяниях? Дело в том, что религиозность человека далеко не всегда имеет в его жизни практическое выражение, ведь даже предатели из состава Семибоярщины аргументировали свою деятельность сохранением веры. Для того, чтобы религиозная мотивация, тесно связанная с нравственной жизнью верующего человека, имела практическое выражение в его поступках и жизненных деяниях в целом и определяла сквозные, стратегические смыслы его жизненной активности, отражалась в его ЦЕЛЯХ и ЦЕННОСТЯХ, его религиозность должна быть искренней и достаточно глубокой. Приходится говорить о вещах, трудно уловимых в условиях исторического исследования. Мы предполагаем, что положение человека ПО ТУ или ИНУЮ сторону противоборствующих в Смуте сторон определялось именно его религиозностью, только что упомянутыми её глубиной и искренностью. Искренний в вере человек был БЕСКОРЫСТЕН в своей верности Церкви и Православию и потому мог строить свою службу вопреки давлению временщиков, которых Смута выбрасывала на верх общественной жизни. Яркий пример – личность глубоко верующего, кристально честного воеводы Скопина-Шуйского, связь его веры с его подвигами, в единстве внутренней силы духа и физической мощи (известен факт его неоднократного обращения за благословением к старцу Иринарху-затворнику Борисоглебскому, что для формально верующего воеводы было бы совсем не обязательным[13]). Наоборот, потеря веры вела к потере нравственности, беспринципности, свойственной так ярко «перелётам». Потеря боярской верхушкой «страха Божия» (т.е. страха нарушить Его заповеди) конкретно отразилась на исторических процессах, не только в неоднократных нарушениях крестоцелования, но и в том, что снизилась сама способность представителей элиты понимать нравственный смысл своих действий, ощущать себя «слугами народа». К примеру, особенностью того времени были «местнические споры», возникавшие из опасения понизить положение своего рода в глазах современников. Эти споры, источником которых являлось родовое тщеславие, вносили в руководство армии разброд и приводили к тяжёлым военным поражениям нашего оружия. Наиболее характерно это отразилось на судьбе рода Шуйских, ибо, если верить народной молве об отравлении Скопина-Шуйского, чёрная зависть его ближайших родственников лишила их разума и привела после гибели талантливого полководца к собственному поражению и едва не к гибели всего народа и государства.

Второй вопрос: но ведь и поляки с литовцами, казалось, должны были быть носителями того же «морального кодекса» Евангелия, что и русские люди, православные христиане; почему же любящий того же Христа-Бога, как и европейцы, патриарх Ермоген призывал стоять насмерть в борьбе с «нечестивой латинской ересью»? Чем отличается мироощущение и самоощущение православного человека от, казалось бы, такого близкого, тоже «христианского» и тоже сословно-средневекового самоощущения посткатолического (формально разделенного на католиков и протестантов) европейца? Ведь и они чтили царскую (королевскую) власть как священную, и их главным аргументом было то, что москвичи нарушили

крестоцелование королевичу Владиславу. Конечно, можно предположить, что главное различие лежало в области жизненно-практической. Ведь кто из наёмников или литовцев шёл на Русь умирать ради своей веры? Их цели, действительно, были меркантильными, в лучшем случае – политическими. Наши же люди вынуждены были защищать «сам живот свой», будущее своих детей, всего своего рода. Но в том-то всё и дело, что польский король Сигизмунд действительно имел религиозные мотивы своей поддержки интервенции в России (это подтверждают польские источники), и походы Лжедмитриев, как I-го, так и II-го, происходили с ведома и благословения папского Престола. Над отдельными конкретными мотивами отдельных личностей витал дух ***религиозно-политического соперничества,*** для самых идейных из европейцев это было борьбой за расширение пределов папской власти на «схизматиков»-православных, за торжество «просвещения» над варварскими народами.

Кстати, в отношении к «схизматикам»-православным католики отвечали взаимностью. В инструкции польского короля его послу при курии Альберту Кжицкому предписывается убедить папу, желавшего привлечь московитов под свой омофор, что население православных областей, отторгнутых в католическое польско-литовское государство, «переносит с трудом власть инаковерующих. Для католиков будет непереносимо, если их верховенству будет нанесен урон варварским народом. К стыду всего христианства они вступили во Флоренции в римскую церковь и затем снова отпали от нее. Они воюют не за Христа, а против Него»[14]. Смутно понимая неслучайность этого противоречия, историки вот уже несколько десятилетий как заговорили о разных цивилизационных типах, западно-европейском и (условно) евроазийском. Однако причины этих различий они видят в природно-географических особенностях, культурно-психологических типах и некоей абстрактной «пассионарности». Мы же утверждаем, что дело – в обратном, что культурное, точнее, нравственно-практическое (читай, религиозно-мировоззренческое) различие определило различие цивилизационных типов. Европейцы и русские отличались, прежде всего, самим содержанием своей религиозной и вообще духовной жизни. Что-то было в православии наших предков отличное от простой «непохожей самоидентификации» – иным от европейцев был их строй жизни, осмысление себя как народа-хранителя истинной веры, как людей, среди которых живёт и действует Сам Господь и сама жизнь которых подчинена не секулярным жизненным смыслам, а «угождению Богу».

В начале статьи упоминалось, что жизнь народа определяется господствующим в нём самоощущением человека – кем и как выступает каждый член общества, «корпускулярный» деятель истории. Самоощущение человека западноевропейского (католического в основе) типа – гораздо ближе к механистическому, ведь он – сам по себе, действует своими «естественными» силами, Бог для него – только идея в его разуме, освящение же происходит через «власть имущую иерархию» (так – у католиков, вот почему православные, «схизматики», вообще для них люди безбожные и безблагодатные), или же напрямую через наитие «Духа Святого» при чтении Писания или др.религиозных действиях (у

протестантов). Однако в православной традиции человек воспитывается так, что ему прививается иное самоощущение – ***чувство открытости Богу***, диалогичного с Ним общения. Человек не торгуется с Богом об искуплении его грехов (что есть главная забота правоверного католика), и не живёт в религиозном смысле беззаботно как искуплённое раз и навсегда «Божие дитя» (жизненное ощущение протестантов), но учится ***служить Ему как сын***, угадывая, узнавая в своей жизни Его руку, Его волю. Конечно, на исходе Средневековья это понималось не столько разумом, сколько самим образом жизни, и наши предки не всегда могли чётко сформулировать свою суть отличия от западных «христиан». В прощальной грамоте патриарха Иова перечисляются многие «вины» первого самозванца и его приспешника лжепатриарха Игнатия, в том числе множество обрядовых нарушений. Но есть интересная оценка пришельцев, придворных Лжедмитрия: что самозванец пришёл на Московское царство «с Люторы, и с Жиды, и с Ляхи, и с Римляны, и с прочими *осквернеными языки»(* курсив наш, – Л.А.). Чем они осверены? Неправоверием, нарушением САМОГО СТРОЯ религиозной жизни, вот как бы хотели сказать русские люди, и вот в чём они видели ***существо различий***. Ногайские или кабардинские царевичи принимают православное крещение и учатся истинной «вере хрестьянской», и за них древние православные роды выдают замуж своих дочерей, а «римляне», т.е. католики, своим нечестием стоят для них в одном ряду с «жидами», распявшими Господа. По характерному выражению «Временника» Тимофеева, царь Фёдор Иоаннович ***вызволяет*** дочь казнённого Грозным его двоюродного брата В.А.Старицкого и насильно выданную замуж за европейского королевича «от тамо сущаго нечестия… во свет сего благочестия».

Христианское сознание было скрепой общественного строя на Русской земле. Каждое сословие, и «жилецкие» люди, и «служилое» – все отдавали силы и саму жизнь за общее дело, за христианскую веру, хранителями которой ощущали себя как народ. Ради этого с терпением неслось тяжелейшее ярмо государственных повинностей; ради того, что государевы люди защищали государство и с ним саму веру, работали на них все низовые сословия. Но при этом первые люди сами должны были хранить веру и благочестие. Поэтому преступления власть предержащих стали колебать сами основания государственной жизни. Династический кризис обнажил ослабление христианских идеалов у московской элиты. Происходившая борьба старейших боярских кланов за опустевший трон, которые, не в пример князю Д.М.Пожарскому, готовы были на любые клятвопреступления, привела к таким позорным деяниям, как сдача собственного государя Василия Шуйского в польский плен, а затем, во время Семибоярщины, ко всякого рода преступлениям вплоть до убийства собственного Патриарха. Народное сознание отразило это в концепции «казней Господних», находящих на Русскую землю за грехи её правителей. Мстительность и подозрительность царя Бориса привели его к такому множеству преступлений, что голод 1601-1603 гг. и наступление Смутного времени народная молва прочно связала с его «горделивым безумием, сиречь ненавистью и праклятым мнением…[15]» Но он-то сам возрос как политический деятель во времена опричнины, видя все

неправды Грозного царя и впечатляясь покорностью подданных царской власти. Последствия такого поведения самых заметных людей на государстве не замедлили сказаться: все обиды, накипевшие за годы разорения опричниной, разорвали единый организм народа на части. Корень беды не просто в дурном, соблазнительном примере «первых людей», но во множественном снятии «табу» – люди перестали бояться «гнева Божия». И вся жизнь государственная, скреплённая готовностью защищать веру, государя и отечество до потери своего живота у служилых людей и тягловыми отношениями у жилецких людей (читай, жертвенным духом всех сословий общества), – весь порядок, построенный на силе всенародного терпения, рухнул.

Восстановление разрушенного порядка тоже было невозможным без духовно-нравственной созидательной работы, без восстановления главного качества христианской души – жертвенного строя взаимных отношений. Очень хорошо показано у П.Г.Любомирова, что главной заботой Минина и Пожарского и было воссоздание всех институтов общественной жизни на основе «возврата к христианскому житию». «Четыре месяца пребывания ополчения в Ярославле прошли в напряжённой работе над восстановлением порядка в стране, над созданием центральных правительственных учреждений... Население не могло вдруг отказаться от укоренившихся, особенно в эпоху анархии и распада, привычек эгоистического поведения... Как это вполне естественно для эпохи распада государства, более близкие и понятные населению местные и даже чисто эгоистические отдельных групп и лиц интересы выступили на первый план к явному ущербу для государственного целого. Государственные повинности были основательно забыты населением: так, целый ряд северных, не подвергавшихся разорению городов и областей – Вымь, Вятка, Соль-Вычегодская, Устюг – несколько лет не высылали хлебных запасов для ратных людей Сибири. Государственные сборы поступали очень туго не только вследствие разорения края, но и «за самовольством» населения в местах неразорённых. Сильно расшатался за годы анархии и без того не особенно прочный общеправовой уклад жизни, ослабели и раньше не отличавшиеся крепостью гарантии безопасности личности и её прав. Не говоря уже о казачьих и разбойничьих шайках, сами мирные обыватели, посадские и крестьяне, увлекаемые возможностью легко и сравнительно безнаказанно поживиться, шли на грабёж и разбой вплоть до убийства (см., например, Углицкие акты). Служилые люди отнимали друг у друга поместья, опираясь на жалованные грамоты, выпрошенные у Сигизмунда или у бояр в Москве, или у Трубецкого и Заруцкого, а то и раньше в Тушине... Имеются документальные свидетельства (например, в актах подмосковных ополчений) и о других, более лёгких и обычных видах присвоения чужого имущества... Ополчению с его задачами очищения и устроения государства необходимо было подчинить своему влиянию и руководству деятельность местных миров и направлять её в интересах целого,.. настоятельной потребностью страны было установление условий, более или менее благоприятных для возрождения сильно сокративших свои размеры за годы Смуты земледелия, торговли и промыслов. Для осуществления всего этого нужно было иметь на местах верных делу ополчения и снабжённых достаточной силой про-

водников велений и стремлений его руководителей, нужен был хорошо организованный, сильный и авторитетный центр... Одновременно с назначениями воевод (по перешедшим на их сторону городам) в Ярославле энергично работали над организацией приказов. При их помощи ярославские правители сумели развить энергичную деятельность в области устройства самого ополчения, управления и устроения страны... Учрежденье рати незаметно сливалось с устроением страны, поскольку, по крайней мере, оно было землеустройством главенствовавшего тогда дворянского элемента. Перед ярославскими правителями вставал вопрос о новом дозоре и письме земли. И они не отступили перед трудностями этой весьма нужной, но и очень сложной, требующей массу времени, сил и средств работы и повели её...»[16]

Очевидно, что титанические усилия Минина и Пожарского принесли успех в такой ситуации шаткости и неопределённости лишь потому, что нашлось ДОСТАТОЧНО верных христианским идеалам людей, способных откликнуться на их призыв. Именно религиозное мировоззрение оказывает влияние на такой важнейший для народного бытия фактор как преданность своему долгу, начиная с верности царю и заканчивая способностью самоотверженно трудиться, отдавать свои силы, а если потребуется, и саму жизнь за общие интересы. Однако понятие «верности долгу» всегда сопряжено с определённым пониманием «свободы» – как самоощущение себя свободным может сочетаться с верностью своим обязанностям? В вышеупомянутой инструкции польского короля мы встретили характерную оценку московитов как «варварского» народа, и она не случайна – европейцы ещё на заре средневековья почитали себя «просвещёнными» римским правом, *а за варварство принимали массовую самоотверженность русских людей*. Сравнивая своё общественное бытие с восточными деспотиями, где жизнь человека ничего не стоила и не было речи ни о каких неотъемлемых личностных правах, они легко ощущали собственное превосходство. И здесь в адрес московитов поляки вдвойне несправедливы. Во-первых, они сами – только ветка славянского рода, и их южные братья на Балканах были включены в ареал культурного влияния Византийской (т.е. Восточной Римской) империи на несколько столетий раньше. Во-вторых, со времён Ярослава Мудрого на Руси тоже была установлена византийская система права, конечно, с учётом наших (между прочем, даже более гуманных) славянских традиций. Впечатлившись деспотизмом Грозного царя (чей образ правления был нонсенсом и для наших национальных традиций), европейцы не видели, что между восточной исламской деспотией и христианским послушанием государю и церкви на Православной Руси существует огромная смысловая дистанция. Сходство наше с восточными народами внешнее. Да, для русского человека государство занимает гораздо более важное место в его внутреннем мире, чем для автономизированного европейца. Но шокировавшая европейцев самоотверженность русских была не следствием темноты и неразвитости, а величайшей внутренней духовной силы и упомянутого выше «сакрального» восприятия царской власти. Личностное самосознание сильно развито и в русском человеке, ничуть не меньше, чем у любого европейца, но русский человек сознательно и добровольно покоряет себя государю.

Есть в воспоминаниях очевидца – поляка Самуила Маскевича – важный для нашей темы фрагмент, который мы приведём целиком. Это идейный спор представителя «благородного шляхетства» и русских военных руководителей о свободе (он произошёл в месяцы относительно мирного соседствования в январе-феврале 1611 г. в Москве, когда польский гарнизон выступал в поддержку московитов против «тушинского вора»). «В беседах с москвитянами наши, выхваляя свою вольность, советовали им соединиться с народом польским и также приобресть свободу. Но русские отвечали: "Вам дорога ваша воля, нам неволя. У вас не воля, а своеволие: сильный грабит слабого; может отнять у него имение и самую жизнь. Искать же правосудия по вашим законам долго, дело затянется на несколько лет. А с иного и ничего не возьмешь. У нас, напротив того, самый знатный боярин не властен обидеть последнего простолюдина: по первой жалобе царь творит суд и расправу. Если же сам государь поступит неправосудно, его власть: как Бог, он карает и милует. Нам легче перенести обиду от царя, чем от своего брата: ибо он владыка всего света». Русские действительно уверены, что нет в мире монарха, равного царю их, которого посему называют: солнце праведное, светило русское».[17] Представленный отрывок показывает осознанное различие по отношению к свободе: русский человек различал «волю» и «своеволие», «самовластие», как дар от Бога, противополагал «дьявольскому самосмышлению», и тем самым заявлял своё глубокое мировоззренческое своеобразие. Для православного самосознания первичным является «воля Бога», и достоинство человека определяется соответствием ей. Для человека западно-христианского культурного типа такой вопрос даже не стоит, потому что человек мыслится автономно, со всеми своими природными («естественными», скажем мы сейчас) потребностями, удовлетворять которые он ощущает себя ВПРАВЕ. Вот почему православный взгляд кажется полякам «неволею», а русские заявляют в ответ, что им «дорога неволя», и это означает их понимание проблемы свободы: нравственное ДОСТОИНСТВО – неволить себя за правду Божию.

Из приведенного Маскевичем диалога можно увидеть ещё одну важную особенность русского средневекового общества, к сожалению, утраченную через 100-150 лет после описываемого периода: **единство народного самосознания, морального кодекса всего народа, от верха до низу, от простолюдина до боярина**. Именно это качество ***единства культуры*** было стержнем нашего национального единства и залогом жизненности Русского государства, а потеря его привела к национальной трагедии начала XX века. Мы утверждаем, что именно единство христианского идеала для всех сословий, общенародное благочестие было тем, благодаря чему удалось преодолеть кризис XVII века. Своеобразие нашего исторического пути и русского культурно-исторического типа раскрылось "от обратного", когда это единство в XIX веке с внешним расцветом Российской империи подверглось, к великому сожалению, растлению изнутри через ***потерю национальной элитой*** своего мировоззрения и, что важнее, утрате ею ***собственного культурно-исторического типа***. Потеряв собственные корни, правящий слой перестал понимать – а зачем ему царская власть? А зачем церковь, охраняющая непонятные нормы и догмы?

Просвещение и конституция (читай, рационализм и законничество) – вот панацея от всех общественных нестроений! Потеря нравственно-религиозного идеала как руководства к жизни сначала дворянским сословием, а в начале XX века и простым народом, сделала невозможным продолжение существования сословного строя, в котором каждый слой играл роль своеобразного «органа» общественного организма (демократическое общество выглядит перед сословным по уровню своей организации примерно как колония кишечнополостных перед дельфином). Демократия – конфигурация общественного сознания, возникающая при утрате религиозно-нравственного общественного стержня. В Смутном времени XVII века мы имеем лишь первый опыт утраты этого жизненного начала русского общественного организма. Эта утрата чётко проявила себя в общенародной судьбе, и в явлении Смуты, а после её преодоления, весьма скоро, в смуте церковной – Старообрядческом расколе.

Хотя раскол – это иная тема, но она «оттеняет» некоторые аспекты процессов Смуты. Для нас теперь, издалека, проще понять существо проблемы «раскола», с которой никак не могла справиться двуединая власть на Руси, ни церковная, ни царская. Какова была причина «упрямства» раскольников, так ревностно охранявших «истинную веру»? С первого взгляда, причиной здесь кажется формализм старообрядцев, их странная приверженность обряду именно середины XVI века (ведь обрядовая традиция, как и всякое явление культуры, имеет своё развитие во времени). Есть такой взгляд, что с середины XVI века, когда на Руси живая религиозная жизнь выхолащивается, внешние её формы становятся самодовлеющими. В сфере народного благочестия определяющими становятся обряды, ревность исполнения правил, т.е. законничество – старая проблема, вскрытая ещё Нагорной проповедью. Но это объяснение не вскрывает оснований необыкновенной стойкости старообрядческого движения. Причины старообрядчества глубже, потому что Смутное время всколыхнуло целый пласт культурных стереотипов русского средневекового общества. Старообрядчество явилось выражением общественной тревоги: русский человек жил напряжённым апокалиптическим ожиданием, предчувствием прихода «антихриста», и именно эта особенность сыграла дурную шутку с последователями Аввакума – они увидели его вообще во власти, как государственной, так и церковной. Насколько священна была христианская власть в сознании московита XVI века, настолько, после испытаний времён Смуты, отношение к ней стало противоположным. Тот факт, что вторичные по сути предметы приняли такое гипертрофированное значение, показывает, что культурный и мировоззренческий кризис русского общества не был изжит и во второй половине XVII века. Та борьба за устои Православия, которая в XIII-XV веках для Руси была внешней, со второй половины XVI века становится внутренней, переходит в поле смыслов народной культуры и традиций благочестия.

Мировоззренческо-смысловой, религиозно-нравственный анализ событий Смутного времени помогает увидеть, что герои Смуты, Скопин-Шуйский, Минин и Пожарский и их соратники, сумели превозмочь начавшийся распад нашего общественного организма небывалой силой своего личного бла-

гочестия и привлечением к своему делу верных традиционному укладу людей. Русский народ, сохранив в испытаниях Смуты свой духовный тип, в ближайшие к ним времена выкристаллизовал в своём опыте такие явления, как: построение Святой Руси (даже в архитектурно-географическом смысле) у патриарха Никона, возрождение монастырей как эталонов единой общественной нравственности для ВСЕХ сословий (боевые товарищи Пожарского за период четверть века после событий основали около двух десятков общежительных монастырей![18]). Преодоление же старообрядческого раскола или иных кризисов следующих веков могло бы с бóльшим успехом решаться в этом же ключе, а не во внешних насильственных действиях государственной и церковной властей, которые лишь усугубили культурно-нравственный раскол, главную болезнь нашего народного «организма». Но это уже тема для отдельного размышления.

1. Топос IV Вселенского собора Православной церкви (451 г.).
2. «Миф не есть историческое событие как таковое… Миф есть в словах данная личностная история», в мифе историческое бытие «возведено до степени самосознания». А.Ф. Лосев. Диалектика мифа. М.Мысль. 2001 (первое издание – 1930) .
3. Б.М.Пудалов «Смутное время» и Нижегородское Поволжье в 1608-1612 гг. //В сб. «Подвиг Нижегородского ополчения». П/ред. О.С.Аржанова, С.К.Макова, Б.М.Пудалова, О.А.Рябова, Г.В.Щеглова. Т.2. .Новгород.2011. С.660.
4. Д.И.Антонов. Смута в культуре средневековой Руси. Эволюция древнерусских мифологем в книжности начал XVII века. М. 2009. Введение. С.9.
5. Об Андрее Васильевиче Голицыне см.: Солодкин Я.Г. Два малоизвестных героя Смутного времени.// Мининские чтения 2011 г. С.100. Н.Новгород. 2012. Изд-во «Кварц».
6. Б.М.Пудалов. Ук. соч. Сс. 662-664.
7. Д.И.Антонов. Ук. соч. С. 188.
8. Д.И.Антонов. Там же.
9. Цит. по: Д.И.Антонов. Ук. соч. С. 193.
10. Флоря Б.Н. Польско-литовская интервенция в России и русское общество. М. 2005. Сс.29-30.
11. Пудалов Б.М. Цит. соч. Сс.657-659.
12. Об этом см. замечательную работу В.В.Зеньковского «Наша эпоха», созданную им в парижской эмиграции в 1954 г., но не утратившую актуальности по сей день. / В.В.Зеньковский. Проблемы воспитания в свете христианской антропологии. М. 1993.
13. Житие Иринарха Ростовского // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 14. Конец XVI – начало XVII века. СПб., 2006. С. 490-493. Указанное житие как исторический источник считается надёжным, поскольку было написано учеником и келейником старца Иринарха – Александром, который сам являлся свидетелем и участником описываемых событий.
14. Делиус Вальтер. Антонио Поссевино и Иван Грозный. Пер. с нем.// В кн.» Иван Грозный и иезуиты». М. 2005. С. 35.
15. Шаховской С.И. Летописная книга //Памятники литературы Древней Руси. Конец XIV – нач. XVI вв. М. 1987. С. 364.
16. Любомиров П.Г. Очерк истории Нижегородского ополчения 1611-1613 гг. // Подвиг нижегородского ополчения. Т.2. Н.Новгород. 2011. Сс.145-196.
17. Маскевич С. Дневник.// Подвиг Нижегородского ополчения. Т.2. Н.Новгород.2011. Сс.597-598.
18. См. об этом статьи Д.Ю.Кривцова: 1) После Смуты. Строительство малых монастырей в России XVIIвека как воплощение общественного идеала деятелей Второго ополчения // Московский журнал. История государства Российского. 2012. № 12 (264). С. 40–49. 2) Строительство малых монастырей в России XVIIв. как воплощение общественного идеала сподвижников К.М. Минина и Д.М. Пожарского // Традиции и современность. Научный православный журнал. 2012. № 13. С. 56–60.

Л. Е. Морозова

Имел ли права на престол князь Д. М. Пожарский?

Во многих исторических трудах, посвящённых Смутному времени начала XVII в., утверждается, что руководитель Второго ополчения князь Д. М. Пожарский был настолько худороден, что претендовать на престол не мог. Попробуем разобраться в этом вопросе.

Хорошо известно, что предком князей Пожарских был младший сын знаменитого великого князя Владимирского Всеволода Большое Гнездо – Иван. Он родился 28 августа 1198 г. на память святого Моисея. Эта дата зафиксирована в древнейшей Лаврентьевской летописи, поэтому вызывает наибольшее доверие. В других летописях она иная. Старше Ивана были братья Константин, Юрий, Ярослав, Владимир и Святослав. По обычаям того времени, к сожалению, не оформленным в виде закона, после смерти великого князя Всеволода Юрьевича на престол должен был сесть самый старший его сын Константин. Уже после его смерти престол наследовал следующий по возрасту брат, т. е. Юрий. За ним – Ярослав, Владимир, Святослав и, наконец, Иван.

Данный порядок престолонаследия был установлен ещё великим князем Киевским Ярославом Мудрым. По его завещанию первым на киевский престол после его смерти сел Изяслав, поскольку старшие сыновья великого князя, правившие в Новгороде Великом, Илья и Владимир, умерли при жизни отца.

В 1054 г., как и полагалось, в Киеве начал править Изяслав Ярославович. Однако в 1068 г. киевляне подняли восстание против него, изгнали из города и посадили на престол полоцкого князя Всеслава Брячиславича. Тому, правда, не удалось удержать власть в своих руках и пришлось вернуться в Полоцк. Непопулярностью Изяслава среди киевлян воспользовался его средний брат Святослав и вновь изгнал его из Киева. Этим он грубо нарушил отцово завещание. Но справедливость вскоре восторжествовала. Святослав скончался, а Изяслав вернул себе престол. После его кончины править в Киеве стал последний сын Ярослава Мудрого Всеволод. Затем престол перешёл к сыну Изяслава Святополку.

В последующее время князья старались соблюдать установленное Ярославом Мудрым правило престолонаследия, но иногда оно нарушалось. Например, Юрию Долгорукому пришлось вести длительную борьбу за Киев с племянниками, сыновьями его старшего брата Мстислава Великого. Всё это свидетельствует о том, что при соблюдении правила, установленного ещё Ярославом Мудрым, у Ивана Всеволодовича была возможность сесть на владимирский великокняжеский престол. Однако его братья, а потом и племянники сразу же стали его нарушать, действуя с позиции силы.

Так, после смерти Всеволода Большое Гнездо в 1212 г. владимирский престол незаконно захватил княжич Юрий, оттеснив старшего брата Константина. В итоге между ними разгорелась междоусобица, закончившаяся в 1216 г.

поражением узурпатора. Но правление Константина оказалось недолгим из-за его ранней смерти в 1218 г. После этого Юрий уже на законном основании получил великокняжеский престол. Младший брат Иван стал его верным помощником и водил полки на врагов по его указанию. Остальные братья Всеволодовичи занимались собственными уделами, которые они получили по отцову завещанию. Ярослав – Переславлем, Владимир, видимо, Суздалем (в 1227 г. он скончался), Святослав – Юрьевым-Польским. Все ждали своей очереди на верховную власть.

Нападения орд Батыя на русские земли внесло в жизнь северо-восточных князей большие изменения. Великий князь Юрий Всеволодович погиб вместе с сыновьями Константина Всеволодовича-Василько и Всеволодом, которые имели права на престол после кончины дядьев.

Право на княжение стал выдавать в Золотой Орде хан Батый в виде особого ярлыка. Разобравшись в иерархии русских князей, он не стал нарушать сложившийся порядок и в 1238 г. дал ярлык на великое княжение Ярославу Всеволодовичу. Тот решил оказать материальную помощь младшим братьям и передал Святославу Суздаль, а Ивану – город Стародуб-на-Клязьме. Этот населённый пункт лежал на важном речном торговом пути того времени и позволял владевшему им князю собирать с проплывавших купцов таможенные пошлины.

В 1245 г. старшие князья северо-восточной Руси были вызваны в Золотую Орду. В их числе был и Иван, прозванный Стародубским. В следующем году князьям было позволено вернуться на родину, но добрались до родных мест только Святослав и Иван с племянниками. Великий князь Ярослав Всеволодович по дороге умер. Поэтому на владимирский престол сел Святослав Всеволодович. За ним по устоявшемуся порядку престолонаследования верховную власть должен был получить Иван Стародубский. Однако уже взрослые сыновья Ярослава Всеволодовича не захотели подчиняться дядьям. В 1248 г. с богатыми дарами Александр и Андрей Ярославовичи также отправились в Золотую Орду. Там от сына Батыя Сартака они получили ярлыки на великие княжения – Александр на Киевское, Андрей – на Владимирское. Естественно, что Святослав Вселодович не захотел смириться с этой несправедливостью и в 1250 г. с сыном Дмитрием тоже направился к Сартаку. Но получил ли он ярлык на великое владимирское княжение – не известно. В 1252 г. Святослав скончался. Характерно, что именно

в этом году Александр Ярославович Невский предпринял шаги по изгнанию брата Андрея с великокняжеского престола. Поэтому напрашивается предположение, что у Андрея Ярославовича была договорённость со Святославом Всеволодовичем, и формально именно дядя считался великим князем Владимирским. Естественно, что Андрей Ярославович не смог противостоять старшему брату Александру, прибывшему к Переславлю с ордынским войском в июле 1252 г. Он бежал сначала на окраины страны, а потом и в Швецию. В итоге новым великим князем Владимирским стал Александр Ярославович Невский, хотя по устоявшимся правилам на престол должен был взойти Иван Стародубский. Но у скромного князя, конечно, не было сил сражаться с великим и могущественным полководцем, покорителем шведов и немецких рыцарей.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что у предка Д. М. Пожарского стародубского князя Ивана Всеволодовича были абсолютно законные права на великокняжеский престол. Это, в свою очередь, позволяло и его потомкам претендовать на верховную власть в стране. Но нарушение некоторыми князьями устоявшихся правил и привлечение ими на свою сторону ордынцев привело к тому, что в вопросах престолонаследия стал преобладать произвол.

Можно предположить, что хорошо образованный князь Д. М. Пожарский знал историю своих предков. Поэтому он активно интересовался родословием и даже составил пространную разрядную книгу, в которую включил записи о служебных назначениях различных представителей знати с 1475 г. по 1605 г. Используя данные этой книги, он мог с успехом вести местнические споры, отстаивая родовую честь. В настоящее время эта большая рукопись опубликована в виде четырёх томов, каждый из которых состоит из трёх книг.

Д. Ю. Кривцов

Проблема поиска «истинного царя» и идея «царского счастья» в годы Смуты

В ночь с 6 на 7 января 1598 г. в Москве скончался, не оставив наследников, царь Фёдор Иоаннович – последний представитель древней правящей династии. Эта смерть поставила перед русским обществом небывалую дотоле задачу: не просто выбрать из неограниченного круга лиц единственного «истинного» государя, но и сформулировать критерии, на основании которых предпочтение оказано именно этому, а не какому-либо иному претенденту на трон. Решение данной задачи оказалось делом чрезвычайно сложным.

Основные труды по убеждению «всенародного множества» в законности возведения на престол первого избранного русского царя – Бориса Фёдоровича Годунова – взял на себя патриарх Иов. Итогом этих трудов стала Утверждённая грамота об избрании царём Бориса Годунова, в которой были сформулированы официальные аргументы, доказывавшие именно его исключительные права на занятие опустевшего московского трона[1]. Эти аргументы отчётливо распадаются на две группы разного содержательного характера и, очевидно, разной убедительной силы.

Первую группу составляли рассказы о том, как Грозный царь Иван Васильевич ещё с детских лет Бориса Годунова оказывал ему многочисленные милости, словно своему родному сыну и наследнику, и перед своей кончиной

Борис Годунов

«приказал» Борису *«и сына своего Фёдора Ивановича, и дщерь свою Ирину, и всё царство наше Великаго Росийскаго государства»*[2]. Сложно сказать, насколько эти рассказы казались убедительными для современников; но позднейшие историки видели в них «выдумки – плод приятельского усердия патриарха Иова» Борису Годунову и полагали, что эти аргументы могли произвести только «анекдотическое впечатление»[3].

Вторая же группа аргументов, призванных обосновать права Бориса Годунова на царство, сводилась к указаниям на его успешное управление этим самым царством ещё при Фёдоре Иоанновиче, а точнее – вместо него: *«а великия их государства отвсюду берег с вели-*

ким опасением и попечением многим; и по царскому повелению и его благоверные царицы Борис Федорович своим премудрым разумом и бодроопасным содержательством, учинил их царскому имени во всем великую честь и похвалу, а великим государствам много пространствие во всем и прибыли во веки в превечную славу и похвалу, и превысокого их царского степени и величества, и окрестных прегордых непокорных царей своим храбрским и премудрым промыслом благопослушны и повиновательны сотворил, и победил прегордохвалящагося, и сильнонаходца царя Крымскаго, и прегордых и превозносящихся непослушника победил короля Свейскаго, и его сродников и князей корунных и иных подручников, иже под их властию, и иные многие орды привел под государеву царскую десницу.<...>и все великия государства Росийскаго царствия бодроопасным его остерегательством тихи и не мятежны, и воинственной чин в призрении и во многой милости и в строении учинен, а все православное християнство в покое и в тишине, и бедные вдовы и сироты в милостивномпокровении и в крепком заступлении, и всем повнным пощада и неоскудныя реки милосердия излиялись, и вся Руская земля во облегчении учинена.»[4] Показательно, что с этими аргументами, в отличие от первой группы, никто из последующих исследователей не спорил; их приводили в исторических работах, либо молчаливо соглашаясь с ними, либо же прямо акцентируя внимание читателей на естественности и правомерности именно такого рода аргументации избрания Бориса Годунова на царство[5].

Ещё показательнее, что с этой аргументацией соглашались современники Бориса Годунова. В Новом летописце, составленном около 1630 г. при дворе патриарха Филарета, избрание Бориса на царство описано очень кратко. Единственное объяснение данного выбора сводится там к следующему: *«и положиша совет межи собою, что посадити на Московское государство царя Федора Ивановича шурина Бориса Федоровича Годунова, видяще его при царе Федоре Ивановиче праведное и крепкое правление к земле, показавше к людям ласку великую»*[6]. Впрочем, как отмечал ещё С.Ф. Платонов, Новый летописец передаёт ход избрания Бориса близко к Утверждённой грамоте[7]. Следовательно, тут можно предполагать непосредственное отражение одного памятника (грамоты) в другом (летописце).

Однако иностранцы, пребывавшие в Москве в конце XVIв., не имели возможности переписывать официальные правительственные документы. В своих мемуарах они передавали концентрированное общественное мнение тех слоёв русского общества, с которыми им доводилось контактировать. И это мнение снова представляет нам уже знакомую систему аргументации избрания Годунова на царство его предыдущей успешной правительственной деятельностью[8].

Таким образом, источники отчётливо демонстрируют нам, что ко второй половине февраля 1598 г. часть московского общества, и очевидно значительная часть, воспринимала успешную государственную деятельность Бориса Годунова в предыдущие годы в качестве решающего доказательства его права и способности быть успешным государем, «истинным царём». Вместе с тем, име-

ется и другая группа источников, в которых проводится мысль, что прогодуновские настроения в Москве были не так уж прочны – «московское многолюдство» призывало Бориса на царство вследствие пропагандистских манипуляций, подкупа и откровенного административно-полицейского запугивания, а не искреннего убеждения в истинности его царских прав. Конечно, источники, составляющие эту группу, носят откровенно тенденциозный антигодуновский характер,и верить всем фактам и оценкам, которые в них представлены, было бы большой неосторожностью[9]. Однако, само существование этих антигодуновских политических памфлетов наглядно свидетельствует об отсутствии полного единодушия в оценке прав Бориса на московский трон.

В этой напряжённой политической ситуации самым разумным, казалось бы, сделать то, что настойчиво советовал Годунову его главный «доброхот» патриарх Иов – побыстрее венчаться на царство[10]. Однако Борис отложил своё царское венчание на неопределённый срок. Формальным поводом для этой отсрочки послужили слухи о возможном нападении на русские рубежи крымского хана Казы-Гирея. Годунов решил лично возглавить армию, направлявшуюся к берегам Оки, а венчание провести уже после возвращения из похода. Причём, сама возможность будущего венчания обуславливалась результатами предпринимаемого похода. Согласно русским источникам официального характера Годунов заявил патриарху, освященному собору и боярам: «Ныне яз, прося у Бога милости и у Пречистыя его матери, и у великих чюдотворцов, хочю итти с Москвы на Берег против своего недруга крымскаго царя Казы-Гирея. И нечто милосердый Бог смилуется, а желаное свое получю, и яз тогды венчаюсь царьским венцом»[11].

В чём именно заключалось «желаное» Бориса Годунова догадаться не сложно – ему нужна была слава победителя «безбожных агарян», которая обеспечила бы успех предстоящих коронационных торжеств и укрепила бы его позиции как правителя государства. Причём, в исследовательской литературе неоднократно проводилась параллель с событиями 1591 г., когда одержанная под командованием Годунова победа над тем же ханом Казы-Гиреем окончательно передала в годуновские руки бразды правления при слабовольном Фёдоре Иоанновиче[12]. Эта точка зрения представляется очень правдоподобной, поскольку ещё в Утвержденной грамоте победа над крымцами ставилась на первое место среди государственных заслуг Бориса Годунова, открывавших ему путь к царскому трону после Фёдора Иоанновича[13].

Победа над крымцами в 1591 г. действительно позволяет выяснить подлинный смысл «желанной» победы 1598 г. Но для этого требуется не ставить победы в параллель, а противопоставить одну другой. Два победных года в своей жизни Борис Годунов встретил в принципиально различном социально-политическом статусе. В 1591 г. он был боярином царя Федора Ивановича, а в 1598 г. наречённым на царство правителем, рядом с которым уже не было другого законного государя. Хотя, по словам Утверждённой грамоты, в 1591 г. крымский царь был «побежен и преодолен» от «премудрого разума и храбрьского подвига» Бориса Фёдоровича, но успех этот был обеспечен всё-таки внешними по отношению к Годунову силами: во-первых, Божией милостью, а, во-вторых, повелением

царя Фёдора Ивановича[14]. Поэтому Богу и законному царю и принадлежит эта победа, а Годунов всего лишь орудие их победоносной силы. В «Повести о честном житии царя и великого князя Феодора Ивановича всея Руси», вышедшей из-под пера патриарха Иова, применительно к победе 1591 г. речь идёт уже не о царском повелении, а о «царском счастии» Фёдора Ивановича: «Божиею милостию и пречистые Богородицы заступлением и великих чюдотворов (так – !) молением и его царским счастием» крымский хан «устрашися» и «побеже»[15]. Совершенно понятно, что в 1591 г. у боярина Бориса Годунова собственного «царского счастья» быть не могло, тогда оно принадлежало Фёдору Ивановичу; а вот в 1598 г. у наречённого на царство Бориса Фёдоровича «царское счастье» уже могло появиться. Но появилось или нет? Вот на этот вопрос и должен был дать ответ новый годуновский поход против крымского хана.

Федор Иоанович

Что же представляло собой «царское счастье» (часто называемое также «государевым», «государским» счастьем), которое равноправно действует рядом с Божией милостью и другими Вышними Силами? И почему Борису так важно было перед коронацией подтвердить наличие его у себя?

Впервые идеологема «царского счастья», как особой победоносной силы, появляется на страницах Псковской III летописи под 1474 г. при описании бескровной победы Ивана III Васильевича над ливонскими «немцами». Подводя итог победной и бескровной кампании 1474 г., псковский летописец констатирует: «*все то оуправивъ милостию Божиею, и стояниемъ домоусвятыя Троици и здоровьемъ и счастьем великого князя Ивана Васильевича, царя всеа Руси и всего Пскова*»[16]. В следующий раз эта идеологема встречается в 1551 г., когда под Тулой «воеводы Божиим милосердием и государевым счастьем побили многих людей и многих живых поимали и полон многи отполонили»[17]. Потом в мае 1556 г. князь Дмитрий Вишневецкий сообщал царю Ивану IV Васильевичу, что «Божиим милосердием и царя и государя великого князя именем и счастием» отбился от крымского хана[18]. И далее на протяжении второй половины XVI и всего XVII в. «царское» и «государево» счастье становится общеупотреби-

тельным термином в деловой письменности (отписках, разрядных книгах и т.п.), в летописании и в литературно-публицистических произведениях.

Первоначально «царское счастье» проявляло себя исключительно в военной сфере, но с течением времени функции его заметно расширились. С его помощью стали основываться новые города, приобретаться под руку московского царя новые земли и новые народы в подданство. «Государевым счастьем» шла новая прибыль в царскую казну. И царские дети стали рождаться «счастием» царственных родителей. Благодаря «государеву счастью» благополучно передвигались посольские миссии. Причём, ещё в пору Оренбургского генерал-губернаторства (1865-1881 гг.), когда там появлялись среднеазиатские послы, то переводчик Костромитинов упорно допытывался у них: счастьем какого государя они были благополучны – своего хана или русского императора?[19] Если суммировать все многочисленные случаи употребления идеологемы «царского/государева счастья», то её можно будет отождествить с харизмой верховного правителя. Без харизматического «счастья» царя никакие разум, храбрость и усердие его подданных не увенчают их своевольные и самонадеянные труды даже самым малым успехом; успех исходит только от царя, который причастен к тому или иному государственному делу своим «приказом» и своим «счастьем».

В этом плане показателен один фрагмент из знаменитой переписки князя Курбского с Грозным царём. Когда Курбский попытался заявить о своих государственных и воинских талантах и напомнить об одержанных благодаря им победах, то Грозный вменил эти таланты и победы ни во что. Он с пренебрежением отписал Курбскому: *«Како убо прародителем вашим и отцем вашим и дядем, в какове разуме и храбрости суще и помысла и попечения, яко вся ваша храбрость и мудрость ни к единому их сонному видению подобно, и такие храбрые и мудрые люди, никем же понуждаеми, но своим хотением и бранной храбрости хотимыя, ... и такие храбрые триндесять лет до нашего возраста не могоша от варвархристиян защитити!»*[20] А когда в поход против «варвар» отправился, наконец, и сам царь Иван Васильевич, то внешне его роль казалась самой ничтожной: *«аки пленника всадив в судно, везяху зело с малейшими людьми сквозе безбожную и неверную землю! Аще не бы всемогущая десница Вышняя защитила мое смирение, то всячески живота гознул бы.»*[21] Однако причастность к делу истинного царя (даже в таком жалком положении) обеспечила успех этого дела: *«по Божию изволению со крестоносною хоругвию, всего православного християнского воинства, православного ради християнства заступления, нам бодвигшимся на безбожный язык Казанский и тако неизреченным Божиим милосердием, ... над тем безбожным языком победу показавше»*[22].

В изображении Ивана Васильевича победа над Казанью одержана Божиим изволением и милосердием и «крестоносною хоругвию», которая принадлежит исключительно ему – царю Ивану Васильевичу. И хотя в данном тексте термин «царское/государево счастье» не употребляется, но ему совершенно эквивалентна «крестоносная/победоносная хоругвь» – это проявления одной и той же харизмы истинного царя, которая вместе с милостью Божией и обеспечивает

все успехи его царствования. А без неё все усилия храбрых и мудрых поданных окончились провалом.

Борис Фёдорович Годунов, с юношеских лет пребывавший в опричном дворе Грозного царя, наверное, был осведомлен о подобных воззрениях своего государя. Поэтому он не мог не понимать, что, согласно таким воззрениям, все его прежние успешные государственные труды ничего не стоят в плане обоснования его прав на престол, поскольку все успехи, достигнутые им до 1598 г., нужно относить не на его собственный, Бориса Годунова, счёт, а на счёт «царского счастья» Ивана Грозного и Фёдора Ивановича. В новых условиях, после смерти Фёдора Ивановича, прежние успехи могут и не продолжиться. Если Борис Фёдорович не «истинный царь», то у него нет царского счастья, и его не ждёт впредь ничего, кроме провалов.

В свете вышеприведённых наблюдений поход 1598 г. против Казы-Гирея предстает перед нами как испытание «царского счастья» Бориса Годунова. Это был самый верный способ для наречённого правителя убедить всех (в том числе, возможно, и самого себя) в том, что у него это «счастье» есть. Если Бог пошлёт ему желанную победу, то значит Борис Фёдорович – истинный царь. И выбор его на царство был сделан правильно: новый верховный правитель России легитимен не только с точки зрения соблюдения формальной процедуры избрания, но и по существу – он богоизбранный и Богом данный государь.

В дошедших до нас источниках о победном Серпуховском походе Бориса Годунова 1598 г. термин «царское/государево счастье» не встречается. Но у нас есть прямые свидетельства того, что в августе 1598 г., ещё до венчания Бориса Годунова на царство, его «царское счастье» уже реально признавалось и «действовало» даже на самой отдалённой окраине государства Российского. На рассвете 20 августа 1598 г. Тарский воевода Андрей Воейков «пришел» на хана Кучума и бился с ним до полудня, «и Божиим милосердием и твоим Государевым Царевым и Великого Князя Бориса Федоровича всеа Руси счастьем Кучума царя побил»[23]. Воевода начал активные военные действия против Кучума 4 августа 1598 г. – через месяц после победного окончания Серпуховского похода, слухи о котором, возможно, могли дойти и до берегов Оби. Похоже, что задумка Бориса Фёдоровича с организацией «обречённого на успех» выступления против Казы-Гирея сработала – потенциальные поданные поверили в его «счастие». Он получил свое «желаное».

Мы столь детально разбирались с идеологическим контекстом Серпуховского похода Бориса Годунова 1598 г., и по косвенным признакам старались уловить в нём присутствие идеологемы «царского/государева счастья», потому что именно во время этого похода данная идеологема превратилась из «естественного» атрибута «прирожденного» государя (Ивана Грозного, Федора Ивановича) в важнейший критерий для определения «истинности» выборного царя. Этот критерий впоследствии будет активно использоваться в годы Смуты в идеологической борьбе между многочисленными кандидатами на царский трон.

Князь Василий Шуйский

Вместе с тем, избранная в 1598 г. Борисом Годуновым стратегия продвижения к верховной власти осталась уникальной именно потому, что она базировалась на демонстрации его «царского счастья», как главного оправдания его прав на престол. После Годунова в ходу оказались другие политико-идеологические стратегии борьбы за царский трон. Но, хотя все основные участники борьбы за русский престол в годы Смуты выстраивали стратегии своей легитимизации в качестве «истинного царя» в обход идеологемы «царского/государева счастья», она отнюдь не исчезла. Её сохранение и активное использование в качестве действенного идеологического инструмента определялось тем, что в эпоху Смуты всегда имелось одновременно несколько претендентов на царство. И в этих условиях у потенциальных подданных появлялась свобода выбора – кого признать «истинным царём», а кого нет. Причём, по каким бы критериям ни произошло признание «истинным» того или другого кандидата в цари, он непременно получал признание своего «царского/государева счастья» как наглядного «маркера» своей легитимности в глазах части российского общества.

Показательны в этом плане записи арзамасско-нижегородского служилого человека Баима Болтина в так называемом Столяровом (Карамзинском) хронографе, где упоминается о «счастии» Бориса Годунова, Василия Шуйского и Михаила Романова[24]. В этих записях «государево счастие» указанных лиц выступает не условием их признания в ранге «истинного царя», а лишь указателем, «маркером» того, что в их отношении такое признание со стороны Б. Болтина состоялось (по неизвестным, не раскрытым для нас критериям). А вот тем претендентам на трон, которым Б. Болтин отказывает в истинности, он, естественно, отказывает и в признании их «царского/государева счастья». В числе обойденных «счастием» у него оказываются оба Лжедмитрия и королевич Владислав. В данном случае «царское счастие» выступает вне полемического контекста. Признавая или не признавая обладание «счастием» у того или иного кандидата на русский трон, Б. Болтин высказывает лишь собственную точку зрения и не стремится никого в ней убедить. Это обусловлено частным характером его записок, которые изначально составлялись исключительно для личного, семейного пользования[25].

В подобном же внеполемическом контексте мы находим упоминания «государева счастия» и у политических оппонентов Б. Болтина – сторонников тушинского Самозванца. Русские сторонники тушинского вора, для которых он, естественно, был «государем царем и великим князем Дмитрием Ивановичем», сообщая гетману Яну Сапеге о своих победах над приверженцами Василия Шуйского и другими врагами, регулярно приписывали их «счастию» своего государя[26]. Эти указания на «царское счастие», совершенно очевидно не могли никак повлиять на признание или не признание Яном Сапегой тушинского «царика» в качестве «истинного государя», потому что его мнение (откровенно негативное) на сей счёт давно сложилось.

Зато для приверженцев Василия Шуйского победы, одержанные его «государевым счастием» в 1609 – начале 1610 г., после провальных поражений 1608 г., являлись важным элементом пропаганды в пользу «истинности» этого государя. Так, нижегородские воеводы А. Репнин и А. Алябьев в декабре 1608 г. извещали муромских жителей о первых крупных победах над тушинцами под Балахною и Нижним Новгородом, не преминули подчеркнуть, что они случились «государевым счастьем», а потому предлагали муромским тушинцам обратиться «на истинный путь» и целовать крест государю царю и великому князю Василию Ивановичу[27]. А в апреле 1609 г. ярославцы «добили челом и вину свою принесли» царю Василию Шуйскому, сделав это, кроме других побудительных причин (воздействия Вышних сил), ещё и «счастьем» царя[28]. Грамоту об этом событии ярославцы отправили вологжанам, а те, в свою очередь, переслали её вычегодцам. Подобные грамоты предписывалось «вычесть во весь мир», как сказано, например, в отписке вятчан к устюжанам с известием о победе под Свияжском «государевым счастьем» 1 января 1609 г.[29] Такого рода активный обмен грамотами со «счастливыми» победными вестями между городскими общинами, поддерживавшими Василия Шуйского, являлся действенным средством поддержать верных, убедить колеблющихся и даже переубедить изменивших в «истинности» этого государя.

Предельной полемической заострённости мотив «царского счастия» Василия Шуйского достигает в отписке Устюжского воеводы И. Стрешнева к воеводам в Пермь и Верхотурье от 14 января 1610 г. с известием (оказавшимся на поверку ложным) о смерти Лжедмитрия II. Стрешнев извещает своих корреспондентов, что в больших воровских таборах вор, который в расстригино место называл себя Царевичем Дмитрием, погиб со всеми своими советниками; а случилось это «Божиею милостию и Пречистые Богородицы и всех святых молитвами, а государя царя и великого князя Василья Ивановичя всеа Руси счастием»[30]. Здесь «счастие» одного боровшегося за право называться русским царём непосредственно уничтожает другого участника этой борьбы. Причём совершается это без всякого участия сторонников Василия Шуйского, и даже вообще как будто без человеческого вмешательства, только действием Вышних сил и «счастием» Василия Ивановича, что не должно оставить никаких сомнений в статусе Шуйского как«истинного» царя.

В подобном же остро полемическом контексте тема «царского счастия» поднималась и московскими боярами, пытавшимися посадить на русский престол королевича Владислава. Он, конечно, был «прирождённый» государь, но из иноземной и иноверной династии; поэтому одной этой прирождённости для его легитимизации в русском общественном мнении было совершенно недостаточно. Вот здесь и потребовалась демонстрация его «царского счастия». В январе 1612 г. боярское правительство из Москвы рассылает грамоты в Кострому, Ярославль и Переславль-Залесский с увещеваниями верности Владиславу. *«И вам бы ныне однолично к царьскому величеству обратитися,* – писали бояре. – *А сами вы все видите его государьское счастье и его царьскую высокую руку и надо враги одоленье, что вам от его государьские высокие руки нигде не укрытися.»*[31] Наглядным примером того, как «государьское счастье» Владислава уничтожает его врагов, становится в боярской грамоте гибель Прокопия Ляпунова: *«А то вы все сами разумеете и видите Божью милость над великим государем нашим его царьским величеством и его государьскую правду и счастье: которой был большой завотца Прокофей Ляпунов... и того те воры, которые с ним были в том воровском заводе, Ивашка Заруцкой с товарыщи убили, тело его держали собакам на снеденье на площеди 3 дни»*[32].

Такой активный, если не сказать, агрессивный, упор на «государьское счастье» Владислава Сигизмундовича, как на самый верный признак его царского достоинства, станет понятен, если мы вспомним, что его предшественник и конкурент на московском престоле – Василий Шуйский был свергнут именно под предлогом отсутствия у него «государева счастья».

Если верить посланию иезуита Николая де Мелло, которое в октябре 1607 г. было доставлено в Ярославль к ссыльному Юрию Мнишку, то ещё в мае того же года после тяжелого поражения в битве под Пчельней, «видя несчастливое правление того тирана (Шуйского – *Д.К.*), пришли к нему 10 лучших бояр. Они тогда изобразили перед ним несчастья, происходившие в его царствование, и великое, в столь короткое время, пролитие крови людской. <...> Сказав ему это, затем стали уговаривать его, чтобы он лучше постригся в монахи, а государство отдал тому, кому оно будет принадлежать по справедливости.»[33] Не исключено, что Николай де Мелло, сочинявший своё послание в заключении в Борисоглебском монастыре, передавал всего лишь доходившие до него слухи о столь раннем политическом демарше против Василия Шуйского. Но тем показательнее, что народная молва уже в 1607 г. именовала его несчастливым царём.

А 25 февраля 1609 г., после катастрофически неудачного 1608 г., была предпринята несомненная попытка свержения Шуйского всё под тем же лозунгом его «несчастия»: *«Начася же во многих людех умышление, дабы царю Василию Ивановичу царем не быти, нарицающе его несчастливым царем, и якобы его ради несчастия все зло творяшеся Московскому государству»*; заговорщики *«вшедше же верх, начаша глаголати бояром, чтобы царя Василья с царского престола свести нещастия его ради, бояре ж, слышащи сие, побегоша из города вон»*[34]. Ту же мотивацию выступления против Шуйского приводил

в своём «Сказании» и Авраамий Палицын, указывая при этом конкретные проявления его «несчастия»: *«Мнози же на царя и на святителя вооружаются, глаголюще: «Сий убо глад и мечь царева ради несчастия». И ина многая блядо словяху.»*[35]

Временные успехи 1609 - начала 1610 г., как мы уже видели, несколько подкрепили веру русских людей в «царское счастие» Василия Шуйского. Но среди иностранцев по-прежнему ходили слухи, что подданные желают свергнуть этого царя из-за его «несчастия». В «Дневнике похода Сигизмунда III в Россию» под 13 мая 1610 г. приводится заявление, сделанное якобы царю князем М. Скопиным-Шуйским: *«советую тебе оставить жезл и управление государством, потому что счастие не благоприятствует твоему правлению и смятение не прекратится, пока мы не изберем себе государя царской крови»*[36]. Скоропостижная смерть Скопина-Шуйского сама явилась катализатором новой волны «несчастий» царя Василия, из-за которых он всё-таки потерял своё царство.

И в последнем акте царской драмы Василия Шуйского властно звучит тема его непригодности к правлению по причине отсутствия у него «царского счастия». Непосредственные слухи об обстоятельствах свержения с престола царя Василия в июле 1610 г. отразил в своих записках Баим Болтин: *«И бояря и всякие люди приговорили бити челом царю государю и великому князю Василию Ивановичу всея Русии чтобы государь царство оставил для того что кровь многая лиется, а в народе говорят, что он государь несчастлив»*[37]. Сам Б. Болтин, как мы видели, признавал (по крайней мере, в 1607 г.) наличие у Василия Шуйского «сщастия», и в 1610 г. высказывается крайне осторожно – он не утверждает сам, что теперь счастья у царя нет, но ссылается на народное мнение об этом. И тем самым как раз подтверждает массовость подобных представлений в 1610 г.

О том же свидетельствует и немецкий наёмник на русской службе Конрад Буссов: «три знатных боярина... созвав весь народ, стали с сокрушением говорить о бедственном и тяжком положении Московской земли... Все, мол, знают, что Шуйскому вот уже третий год нет ни счастья, ни удачи в правлении за то, что он такими ухищрениями добился престола. Столько, мол, сотен тысяч людей из-за него погибло, и этому кровопролитию не будет конца, пока он сидит на царском престоле...[поэтому] они советуют православным свергнуть Шуйского и с единодушного одобрения всех сословий избрать другого царя, который был бы предназначен для этого и дан Богом.»[38] По утверждению этого иностранного наблюдателя «простонародью» этот совет бояр-заговорщиков понравился. Следовательно, аргументация, основанная на «царском несчастии», оказалась убедительной.

И летописные сочинения, написанные уже после выхода из Смуты и отражавшие её осмысление различными кругами российского общества, единогласно сходились на том, что главной причиной потери Василием Шуйским престола было его «несчастие». В Новом летописце, официальном памятнике утвердившейся династии Романовых, рассказывалось, что заговорщики «начаша вопити, чтоб царя Василия царства лишити, нарицающе его несчастли-

вым царем, и якобы все зло от него учинися»[39]. И независимый, даже в некоторой степени оппозиционный Романовым Пискаревский летописец вполне согласен тут с официальной точкой зрения: *«И в ту пору стало на Москве волнение великое в боярех и в дворянех, и в гостех, и вся чернь встала, а паче всех Захарей Ляпунов всех людей возмутил на царя Василья: «Царь де у нас несщастлив, и кровь де от него вся льетца!» И з царьства его согнали и посох отняли.»*[40]

Итак, русское общественное мнение начала XVII столетия сошлось на том, что бедственные проявления царствования Василия Шуйского – кровопролитие, голод, измены – проистекали из-за его несчастия; а отсутствие у него «царского счастия» позволяло признать его «неистинным» царём, что давало законный повод к его свержению с престола.

И только патриарх Гермоген решительно выступил против подобных воззрений: *«А еже вы глаголите, яко его ради нещастия все зло чинится,* – заявлял он заговорщикам в феврале 1609 г. – *и сие зло не его ради творится, но нашего ради нестроения и междоусобия»*[41]. Этот первосвятитель тонко чувствовал, что за идеологемой «царского/государева счастия» скрывается право на самостоятельную оценку подданными личности и деяний верховного правителя и даже право на его свержение в случае негативной оценки. С такими принципами выстраивания отношений между властью и народом твёрдое монархическое сознание, присущее патриарху Гермогену, просто не могло примириться.

И окружение Михаила Фёдоровича Романова на первых порах его правления осторожничало с использованием идеологемы «царского/государева счастия». Она не только не звучала в качестве аргумента в пользу избрания Михаила на царство на Земском соборе 1613 г., но ещё несколько лет после избрания очень редко мелькает в источниках. Весьма показательны в данном отношении материалы Книги сеунчей 1613-1619 гг. До декабря 1617 г. известия сеунщиков о победах сопровождались упоминанием о «государевом счастии» меньше десятка раз. И только с конца 1617 г. «государево счастие» становится почти неотъемлемым элементом победных вестей[42].

Новая династия совершенно отчётливо вынесла из Смуты принципиальный политический урок – нельзя отдавать контроль над «царским счастием» в руки подданных, нельзя разрешать им определять наличие или отсутствие этого «счастия», что чревато свержением «несчастливого» царя. Идеологическое противоядие было найдено в том, что рождение детей – наследников престола также стало объясняться «государьским счастием». Из хронографических статей мы узнаём, что именно таким образом родился Алексей Михайлович; а позднее «молитвою и счастием» самого Алексея Михайловича родился его первенец – царевич Дмитрий Алексеевич[43]. Рождённые с помощью «государева счастия» царские дети и сами уже с момента своего появления на свет обладали всей полнотой царского счастья и «применяли» его на благо государства. Например, 19 января 1660 г. во время представления царю Алексею Михайловичу полоцких монахов, прибывших на церковный Собор, были прочитаны стихи Симеона Полоцкого, где о царевиче Алексее Алексеевиче говорилось:

Алексий светла царевичь денница,
Его же зари пресветло блистают,
Его бощастем врази упадают...[44]

А счастливому царевичу-победителю на тот момент не исполнилось ещё и шести лет.

Такая «модель» царского счастья, передающегося по наследству, ближайшим образом напоминает старые идеологические концепции времён последних Рюриковичей – Ивана Грозного и Фёдора Ивановича. Смута давно закончилась и вместе с ней закончилась возможность народа судить об «истинности/неистинности» правящего государя (или претендента на правление) путём оценки его «царского/государева счастия». Для наследственного государя нет нужды искать подтверждения своего «счастия» в глазах подданных, ибо всем и так известно, что он обладает им по праву законного рождения в царской семье.

1. Утверждённая грамота дошла до нас в шести списках, которые разделяются на две редакции. Список первой редакции был опубликован Н.И. Новиковым: Грамота избранная и утвержденная на царство царю Борису Федоровичу // Древняя Российская вивлиофика (далее – ДРВ). Ч. VII. М., 1788. № III. С. 36–127. Вторая редакция этой грамоты была найдена и издана сотрудниками Археографической экспедиции: Грамота утвержденная, об избрании Царем Бориса Федоровича Годунова // Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографическою экспедициею Императорской Академии наук. Дополнены и изданы Высочайше учрежденною Комиссиею. (далее – ААЭ) Т. II. 1598–1613. СПб., 1836. № 7. С. 16–54. В части, излагающей аргументы в пользу передачи царского престола Борису Годунову, разница между редакциями носит преимущественно стилистический характер; набор же этих аргументов в обеих редакциях практически один и тот же.
2. См.: ДРВ. Ч. VII. С. 53–55; ААЭ. Т. II. С. 25.
3. Ключевский В.О. Сочинения. В 9-ти т. Т. 3. Курс русской истории. Ч. 3. М., 1988. С. 28; Скрынников Р.Г. Борис Годунов. М., 1983. С. 113.
4. ДРВ. Ч. VII. С. 56–57. Изложение этих же аргументов во второй редакции Утверждённой грамоты см.: ААЭ. Т. II. С. 25–26.
5. Миллер Г.Ф. Опыт новейшия истории о России // Он же. Избранные труды. М., 2006. С. 176–178; Карамзин Н.М. Полное собрание сочинений: В 18 т. Т. 10: История государства Российского. М., 2007. С. 116, 119; Павлов П. Об историческом значении царствования Бориса Годунова. СПб., 1863. С. 12; Соловьев С.М. История России с древнейших времён. Кн. IV. Т. 7–8. М., 1960. С. 349–350; Платонов С.Ф. Борис Годунов // Он же. Сочинения в 2-х томах. Т. 2. М., 1994. С. 163; Зимин А.А. В канун грозных потрясений: Предпосылки первой Крестьянской войны в России. М., 1986. С. 229; Антонов Д.И. Смута в культуре средневековой Руси: Эволюция древнерусских мифологем в книжности начала XVII века. М., 2009. С. 162.
6. Новый летописец // Полное собрание русских летописей (далее – ПСРЛ). Т. XIV. М., 2000. С. 50.
7. Платонов С.Ф. Борис Годунов. С. 186–187.
8. Маржерет Жак. Состояние Российской империи. Ж. Маржерет в документах и исследованиях (Тексты, комментарии, статьи). М., 2007. С. 126. Конрад Буссов. Московская хроника. 1584–1613. М.;Л., 1961. С. 82.Мартин Бер. Летопись Московская с 1584 года по 1612 // Сказания современников о Дмитрии Самозванце. Т. 1. СПб.,1859. С. 15. Петр Петрей де Ерлезунда. История о великом княжестве Московском. М.,1867. С. 174. Масса И. Краткое известие о Московии в начале XVII в. М., 1937. С. 48; Московская трагедия или рассказ о жизни и смерти Димитрия. СПб., 1901. С. 16. Повествование о Димитрие Самозванце собранное Бареццо Барецци // Чтения в императорском обществе истории и древностей Российских. Год третий. № 5. М., 1848. С. 5. Элиас Геркман. Историческое повествование // Сказания Массы и Геркмана о смутном времени в России.СПб., 1874. С. 266–267.
9. Обозрение и критический анализ антигодуновского «политического пиара» см.: Платонов С.Ф. Борис Годунов. С. 187–192; Зимин А.А. В канун грозных потрясений... С. 216–220, 222; Скрынников Р.Г. Борис Годунов. С. 116–117; Козляков В.Н. Борис Годунов: Трагедия о добром царе. М., 2011. С. 175–180.

10. Анхимюк Ю.В. Разрядная книга 1598–1602 годов // Русский дипломатарий. Вып. 9. М., 2003. С. 371.
11. Там же. С. 371.
12. Зимин А.А. В канун грозных потрясений... С. 225; Козляков В.Н. Борис Годунов... С. 186.
13. ДРВ. Ч. VII. С. 57–58. Описание этих событий во второй редакции Утверждённой грамоты см.: ААЭ. Т. II. С. 26.
14. ААЭ. Т. II. С. 26.
15. Повесть о честном житии царя и великого князя Феодора Ивановича всея Руси // ПСРЛ. Т. XIV. С. 15.
16. Псковские летописи // ПСРЛ. Т. V. Вып. 2. М., 2000. С. 198.
17. Летописец начала царства царя и великого князя Ивана Васильевича // ПСРЛ. Т. XXIX. М., 2009. С. 84.
18. Лебедевская летопись // ПСРЛ. Т. XXIX. С. 255.
19. Веселовский Н.И. Татарское влияние на посольский церемониал в московский период русской истории // Он же. Труды по истории Золотой Орды. Казань, 2010. С. 64.
20. Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским. М., 1983. С. 36–37.
21. Там же. С. 32.
22. Там же. С. 32.
23. Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссиею (далее – АИ). Т. II. СПб., 1841. № 1. С. 3.
24. См.: Попов А. Изборник славянских и русских сочинений и статей, внесённых в хронографы русской редакции. М., 1869. С. 326, 332, 374.
25. О записках Баима Болтина см.: Платонов С.Ф. 1) Древнерусские сказания и повести о Смутном времени XVII века, как исторический источник // Он же. Собрание сочинений: В 6 т. Т. 1. М., 2010. С. 436–439; 2) Столяров хронограф и его автор // Он же. Собрание сочинений: В 6 т. Т. 3. М., 2012. С. 313–323.
26. См.: АИ. Т. II. № 110. С. 140; № 170. С. 198; № 173. С. 199; № 205. С. 238; № 208. С. 241; Сборник князя Хилкова. СПб., 1879. № 12. XLII. С. 49; № 12. XLIV. С. 51; № 12. LXIX. С. 75.
27. АИ. Т. II. № 113. С. 142.
28. Там же. № 193. С. 223–224.
29. ААЭ. Т. II. № 100.С. 198.
30. АИ. Т. II. № 276. С 334.
31. Памятники дипломатических сношений Московского государства с Польско-Литовским государством. Т. V. 1609–1615 // Сборник Императорского русского исторического общества. Т. 142. М., 1913. № 17. С. 291, 298.
32. Там же. С. 294.
33. Дневник Марины Мнишек. СПб., 1995. С. 98.
34. Новый летописец по списку князя Оболенского. М., 1853. С. 101.
35. Сказание Авраамия Палицына. М.;Л., 1955. С. 198.
36. Дневник похода Сигизмунда III в Россию (1609–1610) // Русская историческая библиотека, издаваемая Археографическою комиссиею. Т. 1 Памятники, относящиеся к Смутному времени. СПб., 1872. Стб. 584.
37. Попов А. Изборник... С. 346.
38. Конрад Буссов. Московская хроника. С. 174. Ср.: Мартин Бер. Летопись Московская... С. 123.
39. Новый летописец по списку князя Оболенского.С. 119.
40. Пискаревский летописец // ПСРЛ. Т. XXXIV. М., 1978. С. 212.
41. Новый летописец по списку князя Оболенского. С. 101.
42. См.: Книга сеунчей 1613–1619 гг. // Памятники истории Восточной Европы. Источники XV–XVII вв. Т. 1. М.;Варшава, 1995. С. 19–98.
43. Попов А. Изборник... С. 428, 429.
44. Татарский И. Симеон Полоцкий (его жизнь и деятельность). М., 1886. С. 56.

Л. Ю. Варенцова

«Пожаловать дворцовой Толоконцевской волостью…»

Дымами пожарищ, голодом, массовым разорением хозяйства, смертью тысяч людей, появлением самозванцев запомнилась современникам эпоха «Смутного времени». Уныние и всеобщее неверие в будущее охватило страну. Распри и социальное несогласие раздирали её изнутри. Огромное тело великой державы, казалось, лежало беззащитным перед иноземными польско-литовскими и шведскими захватчиками. Каждое поколение отечественных историков, обогащая данными известное, создаёт свой образ той отдалённой «смутной эпохи». В работах Н.И. Костомарова, С.Ф. Платонова[1], Р. Г. Скрынникова, А. А. Зимина[2] не только отражены истоки, причины «Смуты» в России в начале XVII столетия, но и показаны её основные этапы и деятели. Н.С. Ильинский[3], И.Е. Забелин, П.Г. Любомиров, Н.Ф. Филатов[4] посвятили свои исследования подвигу Нижегородского народного ополчения во имя сохранения российской государственности.

Цель данной статьи – показать, как повлияла эпоха «Смуты» на образ мыслей и действий видных российских политических деятелей рубежа XVI и XVII веков на примере думного дьяка Посольского приказа, хранителя большой государевой печати Ивана Тарасьевича Грамотина.

Основными источниками для данного исследования стали писцовые и переписные книги дворцовой Толоконцевской волости, пожалованной И.Т. Грамотину за Московское осадное сидение 1618 года в приход польского королевича Владислава. Они сохранились в копийных списках XVIII века в фонде 2013 «Коллекция документов Нижегородской губернской ученой комиссии» Центрального архива Нижегородской области[5]. Уникальную информацию о награждении думного дьяка дворцовыми землями содержит жалованная грамота царя Михаила Федоровича Романова, опубликованная М. Соколовским в «Действиях Нижегородской губернской ученой архивной комиссии» в 1909 году[6].

Портрет думного дьяка И.Т. Грамотина

«Муж государственный, царедворец ловкий, пронырливый, обесславивший имя свое гнусною изменою и постыдным себялюбием»[7]. Такую характеристику дал в 1836 году Д.Н. Бантыш-Каменский в «Словаре достопамятных людей Русской Земли» вид-

ному представителю политической элиты России эпохи Смутного времени И. Т. Грамотину. Он нередко совершал государственные измены, но чаще приносил пользу Отечеству.

Иван Грамотин родился в семье дьяка. Его отец – Тарас Курбат Григорьевич – известный в дипломатических кругах человек. В составе русского посольства он находился в Польше в 1578 году. Затем служил дьяком Разрядного приказа[8].

Иван Грамотин начал государеву службу с должности подьячего. В 1595 и 1598 годах он ездил в Италию в посольствах М. Вельяминова и А. Васильева. После чего был назначен дьяком Поместного приказа.

В 1604 году И. Грамотин совершил измену. Находясь в войске, направленном в северские города против самозванца, перешёл на сторону Лжедмитрия I, который пожаловал его думным дьяком сначала в своём Поместном, а затем и в Посольском приказе. С этого времени измены следовали одна за другой.

После воцарения Василия Шуйского Грамотина послали дьяком в Псков. Не было, пожалуй, для жителей Пскова времени более ужасного, чем при управлении Иваном Грамотиным и Петром Шереметевым. «Померче всякая добродетель, и вся злая покрыша Землю русскую, и церквам и монастырем и градом и всему християнству потребление всюду несказанно, всяким падением от мнящихся верных, а злее неверных сотворивших, и от Литвы и от немец всякое разорение, грех ради наших. А во Пскове началное развращение, нелюбовное житие стало…»[9], – писал летописец в 1606 году. Тогда, в начале июня, погорели в городе все торги и многие жилые строения. К тому же, Василий Шуйский стал просить денег с псковичей – с купцов и людей зажиточных, «кто сколько порадеет царю Василью», но собрали всего 900 рублей. Деньги повезли в Москву Самсон Тифинец, Фёдор Умойся-Грязью, Ерёма Сыромятник, Овсейка Ржов, Илюшка Мясник[10], которые и рассказали там о бедах Пскова. В ответной грамоте И. Грамотин и П. Шереметев доложили в столицу, что эти гонцы – изменники, и многие псковичи денег царю не дали вообще. В итоге четверо посланцев оказались в тюрьме. «Только за Еремку заступился П. Шереметев, поскольку тот для Петра Никитича много делал всякого рукоделья без найму». Когда вернулся Ерёма Сыромятник из Москвы и рассказал о судьбе товарищей, то поднялась беднота всего Пскова восстанием на богатых людей. Шереметев и Грамотин бунтарей побросали в тюрьмы. «Развращение бысть велие во Пскове, большие на меньших, меньшие на больших, и тако бысть к погибели всем»[11]. Грамотин и Шереметев времени даром не теряли, сёла дворцовые лучшие брали себе в поместье и в кормление, скотину забирали, недовольных мучили в тюрьмах. Отпускали лишь за большие выкупы. Словом, насмотрелись жители Пскова на воеводские неправды! Дурную славу оставил по себе здесь Иван Тарасьевич.

В 1608 году вместе с Д. Трубецким, А. Слуцким, М. Бутурлиным И. Грамотин отправился в село Тушино к Лжедмитрию II. Жертвуя благосостоянием Родины ради корысти, И. Грамотин подъезжал в 1609 году вместе с боярином Михаилом Салтыковым к стенам Троице-Сергиевой лавры, осаждаемой поляками, не стыдясь уверять мужественных иноков, что «междоусобная война уже прекрати-

лась в России, что Москва встретила будто бы Дмитрия, и Шуйский с Синклитом (с духовными властями) в его руках.»[12]

В 1610 году в составе депутации И. Грамотин отправился к Сигизмунду III, умолял его «быть заступником нашего православия, а затем будет благоденствие для обеих держав под скипетром сына его Владислава»[13]. С великой пышностью принял изменников Сигизмунд, за то, что «биша они челом королю о сыне его Владиславе»[14]. Сигизмунд вознаградил сановников, к нему усердных: жаловал чины и места, земли и деньги. Грамотин «прежде всех» был пожалован в печатники и назначен думным дьяком Посольского и Поместного приказов.[15] От Владислава он получил в поместье дворцовую Никольскую Плескую волость в Невельском уезде. В знак благодарности вновь уговаривал королевича на царство. Даже в конце октября 1612 года, когда Москва была очищена от поляков силами Нижегородского ополчения, пытался склонить в пользу Владислава предводителей народного восстания.

После возведения на престол Михаила Фёдоровича Романова в феврале 1613 года И. Грамотин понял, что теперь следует добиваться расположения у него и его отца. Филарет Никитич наказывал тех ослушников, которые высоко подняли головы во время «Смуты», и зорко следил за всеми государственными делами.[16]

В 1618 году Иван Грамотин сумел войти в доверие к царю и читал перед государём Столбовский договор, принимал в Москве немецких послов.[17] Ему удалось полностью реабилитироваться и даже добиться думного дьячества в Посольском приказе и Новгородской чети. Награды и почести следовали одна за другой. За службу И. Грамотин был награждён золотой братиной – заздравной круговой чашей с чудесным орнаментом. В декоре братины видны ромбовидные клейма с вписанным растительным узором.[18] Немногие дьяки удосуживались таких щедрых государевых даров. В 1618 году он получил в поместье волостку Лену в Яренском уезде. Видимо, царь Михаил Фёдорович придерживался русской пословицы: «Посла ни бьют, ни бранят, ни секут, лише жалуют».

В 1619 году в царствующем граде Москве думный дьяк Посольского приказа был пожалован дворцовой Толоконцевской волостью в Нижегородском уезде – обширными землями на левобережье Волги, прямо напротив Нижнего Новгорода. В царской грамоте сообщается, что в 1618 году пришёл к Москве королевич Владислав с множеством поляков, литовцев, черкесов. Лестью, жестокими приступами он пытался взять Московское государство. «А Иван, помня Бога и Пречистую Богородицу, православную христианскую веру, царя русского, на Москве в осаде сидел, против врагов мужественно стоял и крепко. На боях и приступах бился, не щадил головы своей, скудость и нужду терпел, но не прельстился уговорами Владислава. Проявил твердость духа и веры, тем и заслужил великое вознаграждение».[19] «Иванова служба многая..., и за те службы пожаловали Ивана из его поместья в Нижегородцком уезде селом Толоконцевым на речке Везломе, а в нем монастырь храм Всемилостивого Спаса...»[20] в вотчину, – отмечалось в грамоте царя Михаила Фёдоровича.

Во владение государева дьяка перешла фактически вся территория современного Борского района Нижегородской области. Его собственностью стали реки Везлома, Линда, Оюжма, Шалма, Великая, Санехта, Вошня, обильные рыбой лесные озёра, бобровые гоны, 12 мельниц, пожни-покосы на 6065 копен сена. Ему же принадлежали бортные и хмелевые угодья в Керженецком лесу, Саматовом и Капустином борах.[21] Писцовая книга Толоконцевской волости 1621-1623 годов[22] определила состав вотчины известного государственного деятеля эпохи «Смуты». В вотчину были включены село Толоконцево, сельцо Красногорка, 22 деревни и 21 починок.[23] В поместные земли вошли сёла Матренино и Неклюдово, 25 деревень и 4 починка, а с 1623 года ещё и слободки – Везломская, Никольская и Копытовская.[24] Всего ему принадлежало на левобережье Волги 434 двора и 575 мужчин (более 1200 душ обоего пола). В силу того, что в это время интенсивно осваивались и заселялись земли Заволжья, число поселений И.Т. Грамотина постоянно росло. По указу царя Михаила Фёдоровича вновь распаханные на левобережье Волги земли и вновь поставленные починки и деревни записывались в вотчину думного дьяка. Согласно жалованной грамоте, И. Грамотин мог свои владения передать жене, детям, внукам или правнукам, дать в приданое, заложить или отдать в монастырь «на помин души». В Приходной книге Новгородской четверти (в ту пору Нижегородский край контролировался этим приказом) указывалось, что с вотчины и с поместья И. Грамотина «оброку имати не велено».[25] Землевладение Ивана Тарасьевича стало одним из крупнейших на Нижегородчине.

В 1636 и 1639 годах Левобережье Волги посетил известный немецкий учёный, посол Голштинии в Московию Адам Олеарий. «Едва мы в 2 верстах под городом прошли за именье Грамотина, напротив Печерского монастыря, как мы уже попали на мель и засели. Пришлось заносить якорь и с большими трудами в течение 4 часов стаскивать корабль»,[26] – писал он. Это случилось во время путешествия его посольства по Волге, на пути из Нижнего Новгорода до Васильсурска. Именно из именья И.Т. Грамотина А. Олеарий выполнил рисунок Нижнего Новгорода. Своё место пребывания на Бору путешественник назвал «Грамматина гута».[27]

Иван Грамотин владел огромными полномочиями в государстве. Посольский приказ ведал делами иностранцев, проживавших в России, почтами, таможнями, выкупом пленных, несколькими крупными монастырями, кружечными дворами. Трудился он каждодневно, кроме воскресных и праздничных дней. Под рукой у Грамотина всегда были дьяки, старые и молодые подьячие, толмачи-переводчики, золотописцы. Он заведовал придворными церемониями и торжествами, играя особую роль во время приёмов послов. О подобном церемониале при приёме посольства из Хивы в 1636 году сообщалось: «А государь Михаил Фёдорович в то время сидели в средней золотой подписной палате, в царском месте, в царском платье, в диадеме, со скипетром. А яблоко стояло на стоянце, от государя по правую сторону. А при государе стояли рынды в белом платье и золотых цепях. А бояре и окольничьи сидели от государя в левую сторону, в золотом платье и в черных шапках. А как посол вошел к государю в палату, и явил его государю челом ударить думный дьяк».[28]

В дни аудиенций полагалось царское угощение, и здесь думный дьяк должен был показывать чужестранцам могущество, гостеприимство и богатство великого князя.

Весной 1634 года И. Грамотин стал хранителем большой государевой печати, утверждал ею грамоты вместо царской подписи. Большая государева печать по виду напоминала складывающийся футляр, заполнявшийся красным тёплым воском и уложенным внутри золотым шнуром. На готовом слепке с обеих сторон виднелся человек на коне. Теперь уже «царственные большие печати оберегатель» звался не просто Иван Грамотин сын Курбатов, а Иван Тарасьевич. Имя его стали писать по полной форме, с отчеством и «вичем» на конце. Это была великая честь, так как остальные дьяки назывались просто по имени, а подьячие – полуименем в уничижительной форме. С этого времени он участвовал в заседаниях Боярской Думы, где дьяки центральных приказов – Посольского, Разрядного и Поместного докладывали о самых важных государственных делах.

Двор его размещался в Китай-городе в Москве и состоял из просторных палат, поварни и конюшни. «В деревянной горнице скамьи были обиты сукнами червчатыми, а стол накрыт ковром багрецовым».[29] Позднее, при царе Алексее Михайловиче, здесь останавливались послы и гонцы из разных стран. Сама же Посольская палата находилась в Кремле, у колокольни Ивана Великого. Её окна выходили к алтарю Архангельского собора. Иноземцев принимали в задней, особо красивой горнице, где стены были обиты «англицким сукном», а потолок расписан. Имелось и хранилище иноземных произведений искусства – живописцев, золотописцев, архив и библиотека с печатными и рукописными книгами, а также географическими картами.

Хотя И. Грамотину было велено выполнять лишь царские указы, но злоупотреблениям его можно только удивляться. «Он совершал тайные сделки с немецкими купцами, дозволял им торговать товарами низкого качества. Вопреки государева запрета, гамбургские, бременские и голландские «немцы» приезжали каждый год в Московское государство, и ложные жалованные грамоты показывали по городам».[30] Выдавали эти документы думные дьяки И. Грамотин и П. Третьяков, как правило, после челобитья «гостей», их многих посулов и поминок. Видимо, вымогательство у иностранных купцов и послов стало постоянным источником доходов думного дьяка.

22 декабря 1626 года И. Грамотин подвергся опале за непослушание царской воле и самовольство, потому 28 декабря его сослали в Алатырь. Инициатором наказания стал патриарх Филарет Никитич. Интриги И. Грамотина, его корыстолюбие раздражали патриарха. Уже за неделю до ссылки в Посольский приказ назначили дьяком Ефима Телепнёва, которого поучали перед вступлением в должность: «Был в Посольском приказе Иван Грамотин, и, будучи у государева дела, государя царя и отца его, святейшего патриарха указа не слушал, делал их дела без их государского указа…».[31]

Ссылали И. Грамотина как злостного преступника, в сопровождении 10 стрельцов. Словесное предание утверждает, будто бы Филарет Никитич ули-

чил Грамотина в колдовстве по делу о волшебном перстне. Причём патриарх буквально принудил Михаила Романова расстаться с дьяком, к которому тот привык и относился с глубоким почтением. Но всё «волшебство» думного дьяка состояло в том, что он очень жаден был до богатства и славы.[32]

Лишь после смерти Филарета Никитича И. Грамотин возвратился в Москву. Уже в ноябре 1633 года он значился в Московском списке дворян, а с весны 1634 года оказался вновь в должности думного дьяка Посольского приказа.

Совсем мало известен И. Грамотин как писатель и автор одной из редакций «Сказания о битве новгородцев с суздальцами». Им была создана шестая по счёту редакция «Сказания». Помещалась она в сборниках «Житий» под днём 27 ноября с оглавлением «Воспоминание преславного чудесе, бывшего от иконы пресвятые владычицы нашея Богородицы и приснодевы Марии в Великом Новеграде».[33]

После риторического вступления следовал рассказ о чудесном знамении: «В странах великого Российского царствия бе некий град, зовомый Великий Новград, преславен во всех градех Русской державы». Автор восхищался самовластием Новгорода, использовал при этом возвышенные слова.[34] Работал И. Грамотин над текстом «Сказания» в период с 1634 по 1638 год. Имя пишется уже с отчеством, а такое право он получил в 1634 году. К сожалению, «Сказание» в редакции И. Грамотина остаётся неопубликованным по сей день.

Перу дьяка принадлежат и письма, написанные им в 1610 году литовскому канцлеру Л.И. Сапеге. В первом письме, отправленном из Москвы в сентябре 1610 года и подписанном «печатник великой монархии Московские», И. Грамотин сообщал Л. Сапеге о принесении присяги королевичу Владиславу: «Бояре и всех станов люди королевича Владислава Жигимонтовича обрали государем и крест целовали…» Здесь же Грамотин уверял своего адресата в верности ему: «Прошу вашей милости, розкажи ми себе, ваша милость, служити, а я борзо рад».[35] Следует отметить, что склонность к предательству и наградам имел не только И. Грамотин, но и другие русские бояре и князья. «Кто даст Льву Сапеге пару соболей, тот дьяк думный, а кто 40, тот боярин и окольничий».[36]

Второе письмо датируется 16 декабря 1610 года и рассказывает об убийстве самозванца. Тон этого письма и подпись – «зычливый приятель и слуга» – иные, ибо Грамотин узнал об охлаждении Л. Сапеги к нему и спешит задобрить его посылкой подарка. «Сказал мне слуга мой, же вашей милости надобно кожух горностайной: послал до вашей милости с паном Чичериным; рачь, ваша милость, малой упоминок приняти, а я много челом бью».[37]

А вот как закончилась жизнь человека в высшей степени честолюбивого и хитрого, сумевшего войти в доверие ко многим правителям и временщикам своей эпохи, но избежать плахи. Перед смертью он долго болел, и свои страдания считал наказанием Господним за ложь в отношении благочестивого человека Петра Глядкова. Жил тот в окрестностях Нижнего Новгорода и за военную службу имел вотчину близ Славянской горы. Всю жизнь он верил в чудотворную силу иконы Владимирской Божией Матери из Московского Успенского собора, а потому заказал копию образа у изографа Григория Чёрного и прото-

попа Кондрата. В 1634 году, на пятой неделе Великого поста П. Глядков видел сон, что ему нужно построить храм в честь этой иконы, а до этого на Славянской горе в Оранском поле водрузить крест. Благословение на это он получил от патриарха Иоасафа. Но строительству воспротивилась жившая в тех лесах мордва, пославшая царю челобитную, что Пётр Глядков насильством воздвиг церковь и значительную часть окрестных земель несправедливо присвоил себе. Челобитная попала в руки И. Грамотина. Думный дьяк, подкупленный мордвой, принял участие в деле и переменил некоторые слова в их челобитной: выскоблил слова «Пётр Глядков поставил церковь», приписав на этом месте, что Петр Глядков насильством поставил свой двор и землю мордовскую вспахал. После этого И. Грамотин послал в Нижний Новгород грамоту воеводе В. П. Шереметеву, чтобы двор П. Глядкова снести, людей оттуда выдворить, а земли возвратить старинным владельцам. В. Шереметев послал с обыском стрельца Томилу Обольянинова, который, собрав понятых, осмотрел место и обнаружил церковь и кельи. Там жили иеромонах Феодорит и семь монахов. Удостоверившись в несправедливости мордовской челобитной, воевода написал об этом в Москву. После этого церковь велено было оставить. Молва о чудесах от иконы достигла Москвы, и Михаил Федорович повелел устроить обитель в Оранском поле. Иван Грамотин раскаялся в своем подлоге[38].

Умер Иван Тарасьевич 23 сентября 1638 года. За 9 месяцев до смерти он принял постриг, став иноком Иоилем. Душеприказчиками при этом были князь И.Б. Черкасский и окольничий В. Стрешнев. Заботясь о своей душе, И. Грамотин даровал Троице-Сергиеву монастырю 6 июня 1620 года 100 рублей и за день до смерти ещё 200 рублей. 4 октября 1638 года душеприказчики инока Иоиля Данила Иванович Милославский, дьяк Дмитрий Герасимович Карпов погребли в Троице-Сергиевом монастыре тело Грамотина и дали в обитель несколько драгоценных образов, много ценных каменьев и разных вещей на сумму 440 рублей. Троицкому монастырю перешла тогда и заволжская вотчина И. Грамотина.[39] Центром вотчины стало новое село Кононово, где в 1647 году возвели шатровую Сергиевскую церковь[40] (ныне это территория г. Бор Нижегородской области).

Вклады Грамотина оказались и в других монастырях России. В Кормовой книге Ярославского Спасского монастыря записано: 23 сентября «корм кормити по Иване Тарасьевиче Грамотине, во иноцех Иоиле, на его представление давать братии калачи, рыбу, мед».[41]

1. Костомаров Н. Повесть об освобождении Москвы от поляков в 1612 г. и избрание царя Михаила// Исторические исследования и монографии. – М.,1989; его же: Смутное время Московского государства в начале XVII столетия. 1604–1613 гг.// Исторические монографии и исследования. – М.,1994. Платонов С.Ф. Очерки по истории Смуты в Московском государстве XV-XVII вв. – М., 1995.
2. Скрынников Р.Г. Самозванцы в России в нач. XVII в. Григорий Отрепьев. – Новосибирск,1987; его же: Россия в начале XVII в. «Смута». – М.,1988; его же: Смута в России в начале XVII в. Иван Болотников. – Л.,1988; его же: Россия накануне «Смутного времени». – М.,1988. Зимин А.А. Россия на рубеже XV– XVII столетий. Очерки социально-политической истории. – М.,1982.
3 Описание жизни и безсмертнаго подвига славнаго мужа, нижегородскаго купца Козьмы Минина, выбранное из исторических преданий Николаем Ильинским. – СПб.,1799.

4. Забелин И.Е. Минин и Пожарский: Прямые и кривые в Смутное время. – М.,1999. Любомиров П.Г. Очерк истории Нижегородского ополчения 1611–1613 гг. – М.,1939. Филатов Н.Ф. Подвиг во имя России. Козьма Минин и Дмитрий Михайлович Пожарский. – Н.Новгород,1996.
5. ЦАНО (Государственное учреждение Центральный архив Нижегородской области). Ф. 2013. Оп.602– а. Д. 164. Склеи из книг письма и меры Лодыгина 1621 г. и переписных книг Шаховского 1646 г. О вотчине думного дьяка Грамотина И. в вотчине в Закудемском стане с. Толоконцева: ЦАНО. Ф .2013. Оп.602– а. Д. 165. Копия выписи и списка с межевых отказных переписных книг Толоконцевской волости Семеновского уезда Нижегородской губернии 1621, 1622, 1623 и 1624 гг. на вотчину думного дьяка Грамотина с. Толоконцева Закудемского стана.
6. Соколовский М. Жалованная грамота на дворцовую Толоконцевскую волость // Действия НГУАК. – Н.Новгород,1909. – Т. 7. – С.642–651.
7. Бантыш-Каменский Д.Н. Словарь достопамятных людей Русской Земли. – М.,1836. Ч.2. С.156.
8. Веселовский С.Б. Дьяки и подьячие XV–XVII вв. М.,1975. С.131.
9. Первая Псковская летопись // ПСРЛ. СПб., 1848. Т. 4. С. 323.
10. Там же. – С. 322.
11 Там же. – С. 323.
12. Пуцилло М.П. Думный дьяк И.Т. Грамотин (1606–1638 гг.) // Древняя и новая Россия. СПб.,1878. – № 6. С. 6.
13. Там же. С. 6.
14. Новый летописец //ПСРЛ. СПб., 1910. Т. 14. С. 94.
15. Карамзин Н.М. История государства Российского. М., 1997. Т. 10-12. С. 458.
16. Покровский А.А. Патриарх Филарет Никитич. М.,1913. С. 16.
17. Лихачёв Н.П. Разрядные дьяки XVI в. СПб., 1888. С. 527.
18. Государственная Оружейная палата. М., 1999. С. 78.
19. Соколовский М. Жалованная грамота на дворцовую Толоконцевскую волость // Действия НГУАК. – Н.Новгород,1909. Т. 7. С.642.
20. Там же. С.643.
21. РГАДА. Ф. 137. Д. 9. Л. 62.
22. РГАДА. Ф. 1209. Д. 7481.
23. Подсчитано нами на основании: ЦАНО. Ф.2013. Оп. 602–а. Д. 165. Л. 1-166.
24. Подсчитано нами на основании: ЦАНО. Ф.2013. Оп. 602–а. Д. 165. Л. 1-166.
25. Приходо-расходные книги Московских приказов 1619-1621 гг. М., 1983. С. 47-48.
26. Олеарий А. Описание путешествия в Московию. Смоленск,2003. С. 311.
27. Сказания путешественников о Нижегородском крае // Нижегородский сборник, издаваемый Нижегородским губернским статистическим комитетом под редакцией действительного члена и секретаря комитета А.С. Гациского. – Н.Новгород,1890. Т. 9. С. 18.
28. Око всей великой России. Об истории русской дипломатической службы XVI-XVII вв. М., 1989. С. 31-32.
29. Соловьев С.М. Сочинения. Кн.V. История России с древнейших времен. М.,1990. Т. 9-10. С. 219.
30. Там же. С. 262.
31. Там же. С. 262.
32. Бантыш-Каменский Д.Н. Словарь достопамятных людей Русской Земли. М.,1836. Ч.2. С.156.
33. Словарь книжников и книжности Древней Руси. XVII век. СПб., 1992. Ч. 1. С. 225.
34. Там же. С. 226.
35. Акты исторические. СПб.,1841. Т. 2. С. 351.
36. Лихачёв Н.П. Разрядные дьяки XVI в. СПб., 1888. С. 544.
37. Акты исторические. СПб.,1841. Т. 2. С. 365-366.
38. Храмцовский Н. История и описание Нижнего Новгорода. Н.Новгород,1998. С. 573.
39. Варенцова Л.Ю. Заволжские владения Троице-Сергиева монастыря в XVII веке // Вопросы истории, 2001. № 8. С. 172.
40. ЦАНО. Ф. 2013. Оп. 602-а. Д. 12. Л. 64.
41. Веселовский С.Б. Цит. соч. С.131.

Раздел III

История Южской земли и смежных с ней

Н. В. Фролов

Маньшино – забытая усадьба «хозяина уезда»

На нынешней границе Владимирской и Ивановской областей примерно в 6 километрах севернее Клязьмы, недалеко от села Лучкино Южского района находится неприметная деревенька Маньшино. Сегодня там не осталось и десятка домов, да и те, что ещё уцелели, наполовину брошены, а постоянных жителей там всего трое. Хотя до дороги Ковров-Южа оттуда менее версты, но проехать можно лишь в хорошую сухую погоду – осторожно и желательно на внедорожнике. Близ деревни – развалины бывшей колхозной фермы, а в центре умирающего селения – экзотической колодец с «журавлём». Но самое примечательное находится в нескольких сотнях метров от Маньшино. Это... деревенский пруд!

Деревня Маньшино почти совсем запустела

«Эка невидаль!» – могут скептически хмыкнуть читатели. «Что же мы прудов не видели?»

И будут неправы. Маньшинский пруд – уникальный. По преданию, его выкопали вручную местные крестьяне – крепостные помещика, которому раньше принадлежала эта деревня. Якобы, барин повелел в чистом поле устроить водоём. Да не простой, а с большим островом посередине. Вот и погнали на барщину мужиков. Мастера-колодезники нашли место, где можно было надеяться отыскать воду. Там и начали работать сразу сотни землекопов. Грунт

Пруд и остров близ деревни Маньшино. Вид с восточного берега

Вид с южного берега на короткую сторону рукотворного насыпного прямоугольного острова

На острове растут по большей части берёзы, высаженные точно по периметру его берега

рыли по кругу и насыпали посередине. Постепенно дорылись до подземных ключей, и вода затопила большой котлован. А насыпанный в центре холм стал островом с высокими берегами. На нём помещик приказал поставить беседку, куда приплывал на лодках с гостями попировать. А вокруг высадили берёзовые аллеи.

Найти героя этой легенды оказалось нелегко. Как удалось установить по архивным документам, нынешнее Маньшино (с конца XIX в. название писалось как «Маншино») ранее имело совсем иное название. В первой половине позапрошлого столетия этот населённый пункт официально именовался как «сельцо Афанасьевское». А жил там помещик, отставной подпоручик Брестского пехотного полка (позже за заслуги на гражданской службе произведённый в гене-

Остатки усадебного парка, находившегося посреди поля рядом с Маньшино

Герб рода дворян Безобразовых

ральский чин действительного статского советника) Иван Сергеевич Безобразов. В молодости он отличался почти женственной красотой, служил в Варшаве и во время польского мятежа в 1831 году попал к полякам в плен, а потом, освобождённый русской армией, был награждён орденом.

Вернувшись домой во Владимирскую губернию, Безобразов почти 33 года подряд занимал почётный пост ковровского уездного предводителя дворянства и пользовался в местном «благородном» обществе почти непререкаемым авторитетом, как и его предки. Дед Ивана Сергеевича отставной гвардейский офицер Алексей Григорьевич Безобразов был предводителем дворянства Владимирского уезда ещё при Екатерине II. Отец Сергей Алексеевич Безобразов, тоже отставной гвардеец, служил ковровским предводителем в 1812 году и принимал активное участие в формировании 3-го пешего казачьего полка Владимирского ополчения. Родная сестра С.А. Безобразова Аграфена Алексеевна Безобразова состояла в браке с владимирским губернатором начала XIX столетия князем Иваном Михайловичем Долгоруковым. А двоюродный брат И.С. Безобразова

Аграфена Алексеевна Безобразова,
по мужу княгиня Долгорукова –
тетка Ивана Сергеевича Безобразова

Генерал от кавалерии
Сергей Дмитриевич Безобразов –
двоюродный брат И.С. Безобразова

Сергей Дмитриевич Безобразов командовал Нижегородским драгунским полком на Кавказе, в котором служил поэт М. Ю. Лермонтов, а позже возглавил элитный Кавалергардский полк и дослужился до чина генерала от кавалерии и должности командира корпуса.

Ротмистр Елизаветградского гусарского полка Николай Николаевич Безобразов – внучатый племянник И.С. Безобразова

Безобразовы принадлежали к владимирской аристократии, состоя в родстве со многими именитыми фамилиями, в том числе с князьями Долгоруковыми и Хилковыми, графами Апраксиными и Толстыми, Кузьмиными-Караваевыми, Пушкиными, Грибоедовыми, Бухвостовыми и Прокудиными-Горскими. Из дневника ковровского помещика, отставного капитан-лейтенанта флота Якова Ивановича Чернавина, посещавшего Ивана Сергеевича Безобразова в Афанасово-Маншино, известно, что там находилась барская усадьба с двухэтажным господским домом и парком. Хозяин любил охотиться и играть на бильярде. В своей усадьбе Безобразов устраивал приёмы и балы для дворян чуть ли не половины всей Владимирской губернии.

Воспоминания об И.С. Безобразове оставил также поэт, критик и литературовед Борис Александрович Садовской, знавший владельца Афанасово-Маншино в самом конце его земного пути: «Иван Сергеевич Безобразов в юности служил у цесаревича Константина Павловича в Варшавской гвардии. Увидев впервые Безобразова, цесаревич воскликнул: «Да это девушка!» В 1831 году, во время Польского восстания, Иван Сергеевич взят был в плен. Имел в разных губерниях три тысячи душ, лет тридцать был предводителем в Коврове... Охотился, но в старости стрелять мешал ему катаракт».

Его Превосходительство Иван Сергеевич Безобразов скончался в 1885 г. в возрасте 73-х лет. От его усадьбы в Афанасово-Маньшино не осталось и следа. Можно лишь предполагать, как выглядел господский дом. Возможно, он был похож на выстроенный чуть ранее особняк его дяди, отставного смоленского вице-губернатора Дмитрия Алексеевича Безобразова и двоюродного брата генерала Сергея Дмитриевича Безобразова в селе Патакино Владимирского уезда на берегу Клязьмы. Этот дом снесли в 2009 г., но его фотографии сохранились. Зато в Маньшино уцелели остатки усадебного парка из старых лип, клёнов, акаций и тополей. А ещё – тот самый остров, созданный по капризу барина руками крепостных крестьян.

Старый пруд, когда-то представлявший в плане правильный прямоугольник, теперь изрядно зарос, и береговая линия местами изрезана. Говорят, что берега и даже дно пруда при строительстве были выложены белым камнем. Сейчас вокруг густо растут камыши, и белокаменная облицовка, если она и име-

Усадебный дом Безобразовых в селе Патакино – ныне несуществующий

лась, скрыта под слоем ила и травы. Рукотворный остров находится строго посередине пруда и имеет вид такого же прямоугольника, но размером поменьше (столь правильная форма, особенно хорошо видная на спутниковых картах, лучше всего доказывает его искусственное происхождение). По периметру он обсажен деревьями, в основном, берёзами, хотя попадаются и отдельные липы. На вид их возраст не слишком велик, но старожилы говорят, что на самом деле берёзки старые, просто из-за качества грунта растут плохо. Насыпные берега острова намного выше берегов пруда. По преданию, в центре, в высшей островной точке, и стояла белая беседка помещика Безобразова, а на берегу со стороны усадьбы находилась пристань с лодками и будто бы, по пруду прежде даже плавала парусная яхта. Совсем как в Грузино у графа Аракчеева! Наверное, именно на этом острове бессменный предводитель дворянства и принимал гостей, устраивая для них приёмы и пикники.

Какие тайны скрывает зеленоватая вода безобразовского пруда – неизвестно до сих пор, да и мало кто знает его давно позабытую историю. Хотя глухие предания о будто бы скрытых на острове кладах и подземном ходе, который вёл прямо из-под беседки в усадебный дом, до сих пор будоражат воображение немногих попадающих туда туристов. Любопытно, что, наряду с «народным» названием «таинственный остров», этот экзотический объект имеет и другое, ещё более интригующее прозвание – «остров сокровищ»! Хотя бесспорных свидетельств того, что какие-то сокровища там действительно были найдены, нет. А вот то, что в прямоугольном пруду водятся крупные караси – совершенно точно. Кстати, именно караси в сметане в старину считались фирменным угощением у помещиков.

Известно, что после смерти Ивана Сергеевича в конце XIX в. усадьбу в Маньшино купили известные ивановские фабриканты братья Гарелины. Но при них имение пришло в упадок. В 1920-е гг. господского дома там уже не было. Скорее всего, он сгорел или был разобран. И теперь лишь необычный пруд и таинственный остров, возникшие по прихоти господина Безобразова, напоминают о давно ушедших временах.

Н. Б. Федотов

Действия органов Павловского крестьянского общества.

У истоков местной печати в кустарном селе Нижегородской губернии

Дореволюционная Россия была страной, во многом не похожей на государства Западной Европы. Одной из уникальных черт империи было сочетание больших и богатых торгово-промышленных сёл с крохотными, больше похожими по количеству жителей и их занятиям на деревни, городками, наскоро повёрстанными в уездные центры из государственных и экономических сёл по губернской реформе Екатерины II. Подобная ситуация была характерной для целого ряда губерний Центральной России, но мало где это сочетание было настолько диким, как в Нижегородской губернии. Хозяйственная жизнь региона бурлила не в уездных Горбатове, Васильсурске, Макарьеве или Княгинине, а в административно им подчинённых бывших частновладельческих селах – Богородском, Юрине, Лыскове и Большом Мурашкине. Даже Балахна, являвшаяся вторым по численности населения уездным городом Нижегородчины, на начало XX в. заметно уступала по демографическим и экономическим показателям одному из сёл Балахнинского уезда – Городцу.

Крупнейшим сельским населенным пунктом губернии, как на протяжении всего XIX столетия, так и в начале XX в. было расположенное к юго-западу от Нижнего Новгорода село Павлово Горбатовского уезда. Известное по письменным источникам с 1560-х гг. и уже тогда бывшее центром дворцовой вотчины[1], в XVII в. Павлово становится (во многом благодаря своему выгодному расположению в низовьях Оки) центром развития различных ремёсел – кожевенного, гончарного, салотопенного, иконописного[2]. Со временем местные

крестьяне-кустари всё больше и больше стали специализироваться на производстве разнообразных сталеслесарных изделий: висячих замков, складных, столовых и кухонных ножей, ножниц, весовых коромысел, медицинского и прочего инструмента. Местная продукция не только в огромных количествах расходилась по бескрайним просторам Российской империи, но и поставлялась за рубеж, в страны Ближнего Востока и Центральной Азии: Персию, Османскую империю, Хивинское ханство, Бухарский эмират. В XIX в. вокруг Павлова складывается крупнейший в стране металлообрабатывающий кустарный район, к концу позапрошлого столетия включавший в свой состав 134 села и деревни как Горбатовского уезда Нижегородской губернии, так и двух уездов соседней Владимирской губернии – Муромского и Гороховецкого[3].

В начале минувшего столетия Павлово по количеству жителей (свыше 12 тысяч человек)[4] превосходило не только любое другое село Нижегородчины, но и любой из уездных городов губернии. «Русский Шеффилд», как лестно именовали кустарное село в дореволюционной публицистике, напоминал город не только по численности населения.

Накануне Первой мировой войны в селе насчитывалось 18 учебных заведений, включая две гимназии – мужскую и женскую, ремесленное училище, женскую учительскую семинарию. В Павлове работали земская больница имени императора Николая II, общественная публичная библиотека, несколько частных синематографов. В специально оборудованном зале здания волостного (а село Павлово представляло собой отдельную Павловскую волость Горбатовского уезда) Общественного собрания начиная с октября 1913 г. регулярно проходили театральные представления. Именно в Павлове, а не в уездном Горбатове, базировалось уездное казначейство. В селе активно развивалась кооперация, причём как промысловая в лице Павловской кустарной артели, так и потребительская в виде 1-го Павловского общества потребителей. С 1900 г. в Павлове работало первое в России провинциальное метрологическое учреждение – поверочная палатка торговых мер и весов №4. Раньше промыслового поокского села подобные заведения появились только в Санкт-Петербурге, Москве и Варшаве.

Одной из необычных для сельского поселения сторон общественной жизни Павлова на рубеже XIX-XX столетий было многолетнее издание властями Павловской волости собственного средства массовой информации – «Действий органов Павловского крестьянского общества». Появление сельского периодического печатного издания было вызвано отнюдь не избытком денег в сельской казне и не манией величия деятелей местного самоуправления. Возникновение «Действий органов Павловского крестьянского общества» было отголоском ожесточённой общественной борьбы, кипевшей в Павлове в 70-80-х гг. XIX в.

На протяжении десяти лет, с 1872 по 1882 г., практически всеми делами в Павлове бесконтрольно распоряжался фабрикант сталеслесарных изделий, поставщик российского императорского двора крестьянин Ф.М. Варыпаев. Он не только периодически избирался на должность волостного старшины, но и совместно со своим сторонником В.Н. Рыженьковым непрерывно на протяжении этих десяти лет являлся уполномоченным Павловского крестьян-

ского общества, призванным вести хозяйственные дела волости в перерывах между созывами сельского схода. Появление в Павлове должности уполномоченных крестьянского общества было вызвано тем, что почти никогда на местных сельских сходах невозможно было обеспечить кворум. Это и неудивительно, т.к. составлявшие подавляющее большинство павловских домохозяев кустари-металлисты просто для того, чтобы не дать своим семьям умереть с голоду, были вынуждены работать по 16-18 часов в сутки, а поэтому и не располагали свободным временем для посещения многочасовых заседаний. Варыпаев же, будучи одним из богатейших жителей села, сделал свою общественную карьеру на демагогической «защите» кустарной бедноты от притеснений со стороны верхушки местного общества – богатых крестьян, скупщиков сталеслесарных изделий и постоянно проживавших в Павлове горбатовских купцов. В должности уполномоченного он сумел распределить повинности и сборы так, чтобы основная их тяжесть падала именно на сельских богатеев, чем и обеспечил себе безоговорочную поддержку большинства жителей села. Засилье «варыпаевцев» неизбежно вызывало сопротивление со стороны зажиточного меньшинства, рассылавшего жалобы на злоупотребления Варыпаева по вышестоящим инстанциям – от губернского присутствия до Сената. Главное, что вменяли в вину ловкому волостному старшине его противники, – полная непрозрачность прихода и расхода финансовых средств Павловского крестьянского общества. Поддерживавшая бессменного уполномоченного «партия большинства», как правило, безоговорочно голосовала на сходе за любую представленную Варыпаевым смету. В итоге в 1882 г. Сенат своим указом предписал министру внутренних дел разобраться с тем, что происходит в крупнейшем селе Нижегородской губернии. Подстёгнутые вмешательством МВД губернские власти после ряда неудачных попыток всё же добились кворума на сельском сходе, который, в свою очередь, заменил Варыпаева и Рыженькова новой, более представительной по числу её членов (в разное время она насчитывала от 6 до 17 человек) коллегией уполномоченных[5].

Не желая повторять ошибок предшественников, новые уполномоченные исповедовали политику большей открытости в своей работе и, прежде всего, в вопросах расходования общественных денег. Уже в 1883 г. в Павлове стали печататься и рассылаться домохозяевам (т.е. полноправным участникам сельского схода) денежные отчеты волостного правления[6]. Следующим шагом на пути большей гласности в ведении общественного хозяйства села и стало издание «Действий органов Павловского крестьянского общества».

3 января 1896 г. перед комиссией уполномоченных Павловского крестьянского общества выступил один из её членов, Василий Александрович Первов, который и предложил ежемесячно выпускать для сведения жителей села печатное издание, содержащее решения сельского схода, а также самой комиссии уполномоченных. Предложение Первова было поддержано другими членами комиссии, принявшей решение печатать «Действия органов Павловского крестьянского общества» и бесплатно раздавать их по одному экземпляру на каждый десяток крестьянских дворов с тем, чтобы десятник мог ознакомить домо-

хозяев с решениями схода и уполномоченных[7]. Оставшиеся же после раздачи невостребованными экземпляры «Действий» все желающие могли бы приобрести в Павловском волостном правлении по цене 10 коп. за штуку. 8 мая 1896 г. сельский сход утвердил это решение уполномоченных и назначил на расходы по изданию 100 руб. в год.

Первый выпуск «Действий» охватывал распоряжения структур местного самоуправления за октябрь-ноябрь 1895 г. и был напечатан в Нижнем Новгороде в типо-литографии С. Н. Казачкова. Позднее, начиная с выпусков за 1897 г. бóльшая часть номеров печаталась уже в самом Павлове, в типографии Я. М. Сорокина (несколько выпусков за 1900 г. вновь печатались в Нижнем, в типографии Н. П. Менделеева). Хотя первый выпуск «Действий» и был дозволен цензурой к печати уже 26 января 1896 г., однако неслыханный случай появления у крестьянского общества собственного печатного издания вызвал недоумение у земского начальника 3-го участка Горбатовского уезда В. Д. Обтяжнова. Он не только довёл свои сомнения до губернских властей, но и собственной властью приостановил издание. В результате спорный вопрос перешёл на рассмотрение в Петербург, в Главное управление по делам печати.[8]

Между тем павловские уполномоченные отнюдь не собирались бросать раз начатое дело. Напротив, по их инициативе сход принимал всё новые решения, направленные на дальнейшее развитие сельского СМИ. Так, 6 июля 1897 г. участники очередного схода приняли решение в целях сокращения расходов на издание «Действий» ввести в них платные частные объявления и разрешить продажу издания всем желающим, т.к. вышедшие к тому времени выпуски вызвали живой интерес у жителей др. населённых пунктов губернии – Нижнего Новгорода, Ворсмы, Богородского. По мнению уполномоченных, т.о. можно было бы выручить более 100 руб. в год. Для подобных нововведений также было необходимо разрешение Главного управления по делам печати, на ходатайство перед которым уполномоченные и получили согласие схода.[9]

31 декабря 1897 г. уполномоченные наконец выбрали из своего состава двух человек, непосредственно ответственных за издание «Действий». Ими стали инициатор издания В. А. Первов и Николай Алексеевич Личадеев, владелец небольшой сталеслесарной фабрики, известный в селе как активный общественник и большой поклонник различных технических усовершенствований в производстве основной павловской продукции – висячих замков.[10] В обязанности заведовавших изданием «Действий» входило: 1) в первых числах каждого месяца делать из дел Павловского крестьянского общества выборку материалов для последующей печати; 2) вносить данную выборку на рассмотрение всей комиссии уполномоченных; 3) передавать утверждённые комиссией материалы в цензуру, а затем печатать и рассылать очередной выпуск «Действий»; 4) вырабатывать смету расходов по изданию «Действий»; 5) рассылать «Действия» в канцелярию нижегородского губернатора, губернское присутствие, уездный земский съезд, земскому начальнику 3-го участка Горбатовского уезда, в Павловскую общественную библиотеку и Императорскую Публичную библиотеку в Санкт-Петербурге[11].

В начале 1898 г. разрешилась проблема легализации издания «Действий». Главное управление по делам печати не нашло ничего крамольного в факте издания крестьянским обществом периодического печатного издания и довело своё мнение до начальника Нижегородской губернии генерал-лейтенанта П.Ф. Унтербергера. В том же году губернатор утвердил руководство для выпуска к печатанию «Действий органов Павловского крестьянского общества». Согласно ему в издании могли размещаться только официальные материалы, а от частных лиц исключительно объявления. Каждый выпуск должен был доставляться к земскому начальнику, а тот со своими комментариями относительно вреда или пользы размещённых материалов должен был доставлять «Действия» губернатору. На практике, с разрешения губернатора, отдельные выпуски разрешал к печати кто-нибудь из непременных членов губернского присутствия.[12]

Решился в 1898 г. окончательно и вопрос с продажей «Действий» и размещением на их страницах платных объявлений. Стоимость одного выпуска «Действий» объёмом в 8 страниц была оценена в 5 коп., а выпуска объёмом свыше 8 страниц в 10 коп. За каждую же строку объявлений была назначена цена в размере 5 коп. При этом домохозяевам села Павлова выпуски по-прежнему раздавались бесплатно[13]. Приобрести «Действия» можно было как в Павлове у заведовавших их изданием Первова и Личадеева и в лавке 1-го общества потребителей, так и в Нижнем Новгороде, в книжном магазине В. И. Самойлова на Осыпной улице.

О чём же шла речь на страницах «Действий Павловского крестьянского общества»? Видный российский правовед начала XX в., член Совета Министерства внутренних дел и автор вышедшей в 1906 г. в Петербурге книги «К вопросу о мелкой земской единице: село Павлово и его обществен-

ное устройство» Георгий Георгиевич Савич так отзывался о содержании «Действий»: «этот... единственный периодический орган крестьянского общественного управления в России, отражает в себе, как в зеркале, наиболее важные стороны общественной жизни села Павлова, а полное собрание 40 его выпусков... дает картину движения всех общественных дел названного села на протяжении целого десятилетия».[14]

В «Действиях» публиковались краткие описания сельских сходов с изложением предложений волостного старшины и комиссии уполномоченных, прошений отдельных членов сельского общества, а также приговоров схода; решения уполномоченных Павловского крестьянского общества; извещения от павловского волостного старшины (в 1898-1910 гг. эту должность бессменно занимал скупщик сталеслесарных изделий крестьянин В. М. Смирнов); объявления волостного суда; ежегодные отчёты денежных сумм по приходо-расходной книге волостного правления (и объяснительные записки к ним); сметы предстоящим по селу Павлову расходам на следующий год; списки лиц, пожертвовавших средства на мирские расходы; предписания и предложения земского начальника Павловскому сельскому сходу; доклады постоянных и временных комиссий, созданных в рамках работы сельского самоуправления (ревизионной, больничной, комиссии по заведыванию капиталом, завещанному крестьянскому обществу на создание в Павлове богадельни нижегородским купцом И. М. Рябининым и др.); отчёты Библиотечного комитета (кстати, одним из создателей общественной публичной библиотеки села Павлова был всё тот же инициатор издания «Действий» В. А. Первов); отчёты о приходе и расходе сумм по Всехсвятской кладбищенской церкви села Павлова; сведения о количестве больных, принятых ежемесячно павловским общественным врачом Я. А. Померанцевым, и т.д.[15]

Среди вопросов, находивших своё место в выпусках «Действий», – переоценка и переуступка усадебных мест, приём в состав крестьянского общества новых членов, вопросы аренды принадлежавшего сельскому обществу имущества (пахотной и луговой земли, водяной мельницы, пристаней на р. Оке), дела об опеке малолетних и призрении престарелых.

Уникальное в истории российского крестьянского самоуправления издание просуществовало немногим менее десяти лет. Постепенно выпуски «Действий», задуманных как ежемесячное издание, стали выходить всё реже и реже: раз в два, затем раз в три, наконец, один раз в шесть месяцев. Последний выпуск вообще охватывал весь 1904 г. Причём перелом в периодичности издания произошёл вскоре после того, как в 1898 г. глава Нижегородской губернии ввёл уже упомянутый двухстепенный (у земского начальника и в губернском присутствии) порядок цензурирования «Действий».

Видимо, не оправдались и надежды на доход от платных объявлений. Рекламодателей оказалось немного (пожалуй, чаще других свои объявления размещала местная потребкооперация – 1-е общество потребителей). Последние выпуски «Действий» и вовсе выходили без всякой рекламы на своих страницах.

Следующую попытку издания своего периодического издания павловчане предприняли только в революционном 1917 г., когда в селе на протяжении двух месяцев выходила газета «Павловский вестник». Окончательное же становление местной периодики состоялось еще спустя три года, когда Павлово уже не только имело городской статус, но и являлось уездным центром. В 1920 г. в старинном поселении мастеров-металлистов стала выходить «Рабоче-крестьянская газета», преемником которой является доныне издающаяся в современном городе районная газета «Павловский металлист».

1. Акты Суздальского Спасо-Евфимьева монастыря. М,1998. С. 261-262; 271-273.
2. Выпись с отказных книг на село Павлово з деревнями 151-го году./О.В. Ротштейн, Н.И. Шилова. Павлово в XVII веке. М.,1930. С. 39-40.
3. В.Н. Григорьев. Кустарное замочно-ножевое производство Павловского района (в Горбатовском уезде Нижегородской губ. и в Муромском уезде Владимирской губ.). С. 9-14.
4. Н. Миронов. Павлово./Города нашей области. Горький, 1969. С. 275.
5. Г.Г. Савич. К вопросу о мелкой земской единице: село Павлово и его общественное устройство. СПб., 1906. С. 47-57.
6. Там же. С. 72.
7. Там же.
8. Там же. С. 73-74.
9. Действия Павловского крестьянского общества. 1897. Июль. С. 6-7.
10. Л. Козлова. Павловец Николай Личадеев./Павловский металлист. 2005. №№ 112,115,118,121.
11. Действия Павловского крестьянского общества. 1897. Ноябрь-декабрь. С. 24.
12. Г.Г. Савич. Ук. соч. С. 73-74.
13. Действия органов Павловского крестьянского общества. 1898. Январь-февраль. С. 6-7.
14. Г.Г. Савич. Ук. соч. С. 75.
15. Там же.

А. М. Семененко

Город Южа в конце 1920-х годов

В 1930 году по заданию Шуйской окружной плановой комиссии вышла книга «Город Шуя и Шуйский округ. Географическое, историческое и экономическое описание». Составителем издания стал Рыжов Вениамин Васильевич (1890-1961) – шуянин, член Шуйского отделения Иваново-Вознесенского губернского общества краеведения, корреспондент местных газет и ивановских журналов. Тираж книги составил всего 1000 экземпляров. И в ней есть сведения, представляющие определённый интерес по истории города Южи, в частности, относящиеся к 1920-м годам.

Южа сделана городом 1 июня 1927 года. Городская черта до сих пор окончательно не оформлена. Городских земель для развития г. Южи на 5 ближайших лет не хватит, необходимо прирезать из Южского лесничества квартал №7 площадью 84 га. Протяжение улиц и проездов в г. Юже равно 25,796 метров, замощено из них 6,742 метра. Протяжение бетонных тротуаров 260 метров, деревянных – 570 метров.

Площадь бульваров и скверов составляет 1,5 га. Под садами и парками общественного пользования находится 74,5 га.

Вблизи г. Южи имеются 2 лесных участка, в которых население отдыхает летом – это 25 и 15 кварталы.

Городских мытилок и уборных нет. Новое кладбище занимает 40832 кв. метра и от городской черты отстоит на 600 метров. Имеется 1 свалка площадью 2400 кв. метров, отстоящая на1400 метров от городской черты.

Имеются 2 базарных площади размером 2 и 4 га. На первой площади замощено 2845 кв. метров.

Торговых рядов и ларьков, принадлежащих горсовету, нет; имеющиеся же на базаре ларьки принадлежат ЕПО, союзу охотников и частным торговцам.

Уличное освещение состоит из 15 электрических фонарей, получающих ток с фабрики.

Водопровода, принадлежащего Горкомхозу, в г. Юже не имеется, а есть водопровод, принадлежащий фабрике. Водоразборов уличных нет, а домовых водопроводных вводов 31. Обычных колодцев в ведении фабрики имеется 12, в посёлках – 96, из них бездействующих – 8.

В г. Юже имеется 3 моста: 1) деревянный мост по Советской улице длиною 8,5 м.; 2) мост около фабричной бани длиною 8 м. и 3) мост, соединяющий поселок Южу с посёлком им. Кирьянова, длиною 157 м., построенный в 1928 г.

Очистка города производится подрядно.

Коммунальные предприятия Горсовета – это бойня, имеющая персонал из 3 человек, и кирпичный завод № 2, арендованный у фабрики и имеющий персонал из 60 человек.

Общая площадь городских земель в г. Юже составляет 801,88 га, в том числе селитебных земель имеется 394,08; земель, изъятых из ведения Горкомхоза имеется 53,5 га[1].

Городские угодья следующие: огороды, составляющие 23,46 га; пахотные земли, составляющие 90 га; покосы, составляющие 10 га; лес, составляющий 149 га; выгоны, составляющие 80,0 га. Неудобных земель 4,62 га.

По переписи 1926 года в г. Юже общее число владений не учтено, жилых строений было 1584. В числе их каменных было 14, смешанных 12, деревянных 1558. Жилая площадь составляла 142710 кв. метров[2].

В 1926 / 1927 годах в г. Юже было выстроено частными лицами 154 деревянных дома и жилищно-строительными кооперативами 16 смешанных домов и 6 деревянных. В 1927 / 1928 годах было выстроено 206 деревянных домов частными лицами и жилищно-строительными кооперативами 6 смешанных и 3 деревянных дома.

Состав муниципального фонда в г. Юже следующий. Всего муниципализированных владений 30, в них строений 55. Из общего числа строений имеется 4 каменных, 4 смешанных, 17 деревянных. Полезная площадь строений 5576,16 кв. метра.

Торгово-складочных помещений имеется 6, полезная площадь их 733,64 кв. метра.

Муниципализированный фонд используется частью под жильё, а частью под учреждения.

Водопровода и канализации в г. Юже нет; электростанции также нет, а электрическую энергию город получает от фабрики. За год городом получено 157100 клв. часов, из них на домовое освещение израсходовано 147000 клв. часов и на уличное – 10 000 клв. часов. Длина питательной сети равна 3,2 км, а длина распределительной сети – 10,0 км. Абонентов по счётчикам имеется 11, присоединённых домовладений 700, точек уличного освещения 15. Электросеть построена в 1920 году.

Баня в г. Юже существует с 1898 года. Пропускная способность её 375 человек. Обслуживается она 14 рабочими и служащими. Число посетителей в год составляет 576000 человек.

Бойня в г. Юже работает лишь 8 месяцев в году и бездействует с декабря по март. Рабочих и служащих на ней 3 человека. При ней имеются кишечная мастерская и скотный двор. Пропускная способность ее: в день убивается 6 голов крупного скота и 5 свиней. За 8 месяцев 1928 / 1929 годов было убито 1.031 голова крупного рогатого скота, 906 голов мелкого и 1 свинья.

Кроме того, в книге, составленной В. В. Рыжовым, содержатся данные, посвящённые деятельности Южской бумаго-прядильной и ткацкой фабрики.

Так, в конце 50-х годов XIX века помещик Протасьев, по совету Султанова В. А., выстроил в центре своих владений у с. Южи бумаго-прядильную фабрику на 16000 веретён. Пущена она была в 1860 году. За машинами для

фабрики Протасьев 2 раза ездил в Англию и купил там прядильные машины завода Парги и Куртис в Манчестере и паровую машину Мозгрев.

Из-за американской войны подвоз хлопка в Россию прекратился, а так как Протасьев хлопком не запасся, то он стал сначала покупать бухарский хлопок, который был очень сорным. Машины «Джин» не поспевали очищать его, и потому фабрика работала только 4 дня в неделю. А потом Протасьев и совсем закрыл её, проработав лишь $3^1/_2$ года. В 1865 году Южскую фабрику и вместе с ней 8500 десятин земли купил Асигкрит Яковлевич Балин и 1 октября того же года пустил её.

В 1867 году Южская фабрика имела уже 20.000 веретён. В 1868 году при ней была устроена механическо-ткацкая фабрика на 108 мюлево-ткацких станков. В 1873 году она имела 483 рабочих, и оборот её составлял 540.000 руб.

19 января 1879 года Южская фабрика сгорела, но в 1880 году была выстроена вновь и имела 30.408 мюльных веретён и 120 механических ткацких станков. Прядильные машины были завода Платт.

В 1881 году фабрика имела уже 50.136 мюльных веретён. С 1885 по 1890 год она была расширена прибавкой 9.408 ватерных веретён.

Сначала Южской фабрикой владел один Асигкрит Балин, а в 1885 г. было учреждено «Т-во Мануфактур А. Я. Балина». Учредителями были Асигкрит, его жена Иллария и 2 сына.

В 1885 году фабрика выработала 95.106 пудов пряжи, 2.585.662 аршин миткаля, 2.762 пуда ваты, всего на сумму 1.395.292 руб. А в 1910 году фабрика выработала 303.328 пудов пряжи, 34.426.525 аршин миткаля, 17.738 пуд.ваты, всего на сумму 9.390.775 руб. В 1910 году фабрика имела 128.000 бумагопрядильных мюльных и ватерных веретён, 1.800 механических ткацких станков и 6.000.000 руб. основного капитала.

В 1913 году на фабрике было 5.936 рабочих и служащих, а в 1928 году – 6.077.

В 1912 году фабрика имела 130.600 веретён и 1.790 ткацких станков. С 1913 по 1919-1920 годы включительно на ней было 131.052 веретена и 1.800 ткацких станков. С 1920-1921 года по 1925-1926 год включительно она имела 130.128 веретён и 1.801 ткацкий станок. В 1926-1927 годах она имела 131.544 веретена и 2.058 ткацких станков, а в 1927-1928 годах – 136.904 веретена и 2.199 ткацких станков.

В 1926-1927 годах прядильная фабрика выработала пряжи 5.321.272 клгр., а в 1927-1928 годах – 5.752.326 кгр. А ткацкая фабрика выработала, за те же года, соответственно, 37.681.072 метра тканей (миткалей, бязи, фланели) и 39.281.516 метров.

После революции Южская фабрика была заморожена в сентябре 1923 года и пущена вновь в июле 1925 года. В настоящее время (декабрь 1929 года) фабрика принадлежит Ивгостресту и работает в две смены. В декабре 1928 года в каждой смене на прядильной фабрике было 1.138 человек, а на ткацкой – 1.063 человека.

Топливом для фабрики служат дрова и торф. При фабрике имеются свои торфоразработки. На них в июле 1928 года работало 1.157 сезонных рабочих. В сезон 1928 года было добыто торфа 3.527.471 пуд. При подобной выработке запаса торфа хватит приблизительно на 90 лет.

На 1 октября1929 года Южская фабрика имела 5.046 рабочих, 231 служащего и 52 человека младшего обслуживающего персонала, а всего 5.329 человек. Валовая продукция фабрики за октябрь1929 года составила 1.828.642 руб.

По причине давности издания и немногочисленности тиража, полагаем, что сведения, собранные в книге «Город Шуя и Шуйский округ. Географическое, историческое и экономическое описание», будут интересны и современным краеведам.

1. Эти сведения относятся к 1 января 1929 года, а в октябре этого года селитебных земель имелось уже 444,8 га.
2. В конце 1928/29 года в г. Юже имелось 1753 владения с жилыми постройками.

Т. В. Потёмкина
и группа учащихся МБОУ СОШ №3 г. Южи

Хранитель истории земли Южской

О краеведе Бычкове Борисе Николаевиче

Борис Николаевич Бычков родился 25 октября (7 ноября) 1895 года в селе Южа Вязниковского уезда Владимирской губернии в семье конторщика Акционерного общества текстильной фабрики А. Я. Балина. Социальное положение отца и всех членов семьи – мещане по факту рождения в купеческой семье в городе Угличе Ярославской губернии. Потеряв родителей, отец уехал в Петербург на заработки, но в 1882 году он приехал в Южу. О достаточно высоком положении отца на фабрике свидетельствует старая фотография, на которой он снят вместе с директорами Правления фабрики, среди которых и сыновья А. Я. Балина. В семье было трое детей. Судьба старшего брата Бориса и сестры Лизы просматривается в личных документах Б. Н. Бычкова. Она окончила гимназию (Шуйскую женскую) и стала педагогом (учителем начальных классов), а вот судьба Владимира не прослеживается. Обучение в гимназии было платным и доступным только для лиц мещанского и дворянского сословий, для купцов и разночинцев. При этом необходимо было доказать принадлежность к этим сословиям удостоверением полицейского надзирателя.

В 1907 году Борис становится учащимся Шуйской восьмилетней мужской гимназии Наследника Цесаревича Алексея, а в 1915 году он, при отличном поведении, окончил эту гимназию. Согласно свидетельству о приписке к призывному участку, выданному Угличской Городской Управой, в 1916 году Борис должен был быть призван в армию. Однако он поступил в Императорский Московский университет (сейчас это Московский государственный университет имени Ломоносова) на физико-математический факультет, отделение естественных наук, что, согласно законам Российской империи, освобождало от воинской повинности даже несмотря на то, что страна была ввергнута в пучину Первой мировой войны. Мы с интересом просматривали страницы зачётной книжки студента Б. Н. Бычкова за 1915-1917 учебные годы. Перечень предметов, изучаемых студентами, был очень обширным: химия, морфология растений, анатомия человека и анатомия растений, кристаллография, минералогия, геология и другие. Учиться было очень интересно, но трудно материально, денег не хватало. Студент Бычков подрабатывал частными уроками, а затем устроился на службу в Брянский распределительный пункт, посещал студенческие кружки (не революционные), безвозмездно работал в Московском обществе грамотности. Но окончить университет Бычков не смог. После Февральской революции он потерял работу, так как выступил против лозунга Временного правительства «Война до победного конца!», да и отправка солдат на фронт пошла на убыль. Летом 1917 года Борис возвращается на родину в Южу вместе с матерью, кото-

рой делали операцию в одной из клиник Москвы. Денег для дальнейшего обучения не было.

Однако 1917 год был для Бориса знаменателен тем, что он познакомился с Еленой Агафоновной, которая дала согласие стать его женой.

В Юже Борис стал одним из организаторов культурно-просветительского кружка, переименованного в «Союз молодежи». Узнав об открывающихся в Москве курсах инструкторов-лекторов, он подал заявление и принимается на них. В Москве встретил его и Октябрьский переворот. Бычков честно признаётся в неприятии методов большевистской власти, осуждает разгон Учредительного собрания. Одновременно с курсами лекторов он оканчивает годичный курс внешкольного отделения Народного университета им. Шанявского.

Борис Николаевич в 1917 году, на заре своей деятельности

В 1918 году Борис Николаевич поступает на службу в Спасское управление отдела народного образования Тамбовской губернии в должности инструктора, но уже летом 1919 года возвращается в родной Вязниковский уезд. В своей автобиографии Борис Николаевич пишет о том, что много сделал для сохранения оранжереи на даче фабриканта, начинает собирать произведения искусства, хранившиеся очень небрежно по различным учреждениям (картины Шишкина, Маковского и др.). Отсутствие членства в партии заставляет Бычкова переехать в г. Чембар Пензенской губернии. И только после возвращения в тяжёлый 1921 год в родной город, в 1925 году он принимает решение вступить в ряды РКП(б), работая в школе преподавателем географии. После этого судьба Борис Николаевича тесно связана с Нижегородской губернией. Он работает не только в системе образования, но и заведующим абонементом Губернской центральной библиотеки, инструктором политпросвещения, зав. краеведческим музеем.

С 1933 года по 1938 год руководит работой сада акклиматизации и растениеводства, который сам организовал в городе Вязники.

Одновременно Б. Н. Бычков активно участвует в общественной жизни. Он был членом и председателем Губпрофсоюза Нижнего Новгорода, членом Ковровского и Нижегородского научных обществ. Б. Н. Бычков состоял членом правления краеведческих обществ Нижегородской и Ивановской губерний. Принимал самое активное участие в организации и создании музеев.

Все эти годы Борис Николаевич поддерживал связь с сестрой Елизаветой Николаевной, ставшей по фамилии мужа Филипповой. С весны 1938 года её связь с братом прекратилась. Сестра обращается в различные инстанции с просьбой помочь в розыске брата. Узнав о его аресте в апреле 1938 года, она обращается с письмом лично к Сталину. В письме не только перечисляются заслуги брата, дана его характеристика коллегами по работе, но и просьба ускорить окончание дела с надеждой оправдания. Однако по постановлению особого совещания при НКВД СССР от 23 декабря 1940 года «за принадлежность к антисоветской организации и антисоветские высказывания» Борис Николаевич Бычков был осуждён к 5 годам ссылки, которую отбывал в посёлке Железнодорожный в Коми АССР.

С началом Великой Отечественной войны Бычков обращается с просьбой разрешить ему защищать Родину от фашистов. Просьба была удовлетворена только по отбытии срока наказания в апреле 1943 года, о чём свидетельствует запись в трудовой книжке. 9 июня 1944 года по состоянию здоровья его демобилизовали. Борис Николаевич возвращается домой и после непродолжительного лечения уже в августе 1944 года продолжает свою трудовую деятельность в Вязниковском лесхозе инженером по лесокультурам до выхода на пенсию в 1956 году.

В 1946 году Б.Н.Бычков был награждён медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941-1945 годов» и Почётной грамотой Главлесоохраны при СНК СССР, а также неоднократно награждался денежными премиями за хорошую работу.

Последние годы своей жизни Борис Николаевич провёл в кругу своих близких. Для завершения обширного труда по краеведению он приехал в Южу, на родину, где и был похоронен 13 октября 1962 года.

Борис Николаевич незадолго до кончины

Из документов, хранящихся в архиве, можно проследить, что серьёзной краеведческой работой Борис Николаевич начинает заниматься в 1949 году. Именно тогда он начинает работу над рукописной книгой в переплёте по истории Южского края. Интересна история появления этой книги в архиве. В конце 90-х годов в Южу приезжала Татьяна Венедиктова – правнучка Асигкрита Яковлевича Балина – основателя «Товарищества мануфактур А. Я. Балина». Она встречалась с теми, кто мог иметь какую-либо информацию о её предках. Встретилась она и

с Малаховой Надеждой Алексеевной, муж которой интересовался южской историей. Н. А. Малахова подарила правнучке Балина книгу Б. Н. Бычкова, купленную когда-то у Галины Павловны Филипповой – племянницы Бычкова. Правнучке Балиных, видимо, не понравилось то, что писал краевед о предках, и она отдала книгу Стелле Черкезовне Киселёвой – работнику Южского архива, сопровождавшей её по городу. Так книга попала в архив. А вот остальные рукописи краеведа Б. Н. Бычкова по изучению Южского края и ряд его личных документов и фотографий поступили на хранение в муниципальный архив россыпью, по акту после смерти Филипповой Галины Павловны по её завещанию. В последние годы жизни она приходила в архив, делилась своими планами написания родословной.

В 1988 году Галина Павловна сделала запрос через редакцию газеты «Правда» в комиссию по изучению материалов, связанных с репрессиями 30-50-х годов. В ответе, полученном из прокуратуры Владимирской области, указывается, что «определением Военного трибунала Московского военного округа от 20 апреля 1956 года, постановление особого совещания при НКВД СССР от 23.12.1940 в отношении необоснованно арестованного и осуждённого Бычкова Бориса Николаевича и других привлекавшихся по делу лиц отменено и дело прекращено за отсутствием в их деяниях состава преступления».

Последние документы интересны и в плане личностных семейных отношений Б. Н. Бычкова. Непонятно, почему краеведа хоронили мать и племянница, а не жена и другие близкие члены семьи. Со слов Г. П. Филипповой, Борис Николаевич расстался с женой, но на фотографиях они вместе почти до последних дней жизни. Фактом является то, что рукописи краеведа Б. Н. Бычкова по изучению Южского края остались у племянницы, Филипповой Галины Павловны. Видимо, судьба их волновала как её, так и брата, проживающего в Ташкенте. В одном из писем от брата мы нашли такие строки: «ради бога, не отдавай пока никому и ничего из того, что у тебя имеется из «древности», особенно фотографии и труды Бориса Николаевича. Ты разумно пишешь, что надо подождать с этим, кто его знает, что еще получится». А получилось то, что в 1988 году в газете «Светлый путь» стали появляться статьи в рубрике «Заметки краеведа» под именем Г.Филипповой. В апреле 1991 года в адрес редакции пришло письмо краеведа Аносова из г. Вязники, в котором он пишет, что сведения из опубликованной в газете серии очерков «Годы далёкие, годы тяжелые» о Вязниковском крае ему уже известны, но под именем другого автора. «Некоторые вопросы неизвестны, другие спутаны и даны не под тем годом и связаны с другими событиями». Письмо переслали Г. П. Филипповой, а серии очерков больше не печатались. Мы взяли в архиве ещё серию очерков «Из истории пароходного движения по Клязьме» и нашли схожий материал в рукописях краеведа Бычкова.

Изучив жизненный путь Бориса Николаевича Бычкова, мы можем с уверенностью сказать, что по его биографии можно изучать историю нашей Родины: самодержавный строй, Первая мировая война, революции, тоталитарный

режим с репрессиями, Великая Отечественная война и послевоенное время. Все эти события отразились в судьбе нашего героя. Однако нас не оставил равнодушным тот факт, что имя этого человека незаслуженно забыто. Мы не случайно назвали наш доклад «Хранитель земли Южской». Бычков был первым, кто собрал ценнейший материал по флоре, фауне, истории, административно-территориальному делению, гражданской войне, образованию, истории населенных пунктов Южского края, а также по многим другим вопросам. Вероятно, этим материалом пользовались и другие краеведы нашего города. Неравнодушны к судьбе краеведческих трудов Бориса Николаевича и работники архива, которые проделали большую работу по созданию фонда краеведа. Они, как и мы, считают, что труды Бычкова ждут своих исследователей для систематизации материала и написания большой монографии по истории Южского края.

Материалы из фонда №188 «Бычков Борис Николаевич (1895-1962). Краевед»
(Архивный отдел Южского района Ивановской области)

Раздел IV

Сохранение духовной культуры

П. А. Дьяков, Ю. В. Козлов

Александр Невский и Ивановский край

(к 750-летию со дня памяти святого благоверного князя)

Многими историческими линиями связаны судьба князя Александра Невского и его имя с нашим ивановским краем. Нынешняя территория области раньше входила в состав Владимиро-Суздальской земли, и князь неоднократно проезжал и останавливался в её пределах. Так, например, в 1258 году по дороге из Новгорода во Владимир он проезжал через Ростов. Дальше его дорога на Суздаль-Владимир прямиком лежала через **земли современных Ильинского и Гаврилово-Посадского районов.** 750 лет назад, возвращаясь из Орды, князь Александр заболел и, доехав до Городца, чувствуя приближение кончины, поспешил принять схиму с именем Алексия. Преставился Великий князь здесь в ночь на 14 (21) ноября (вторник) 1263 года. Мы полагаем, дальнейший, последний путь тела великого труженика за землю Русскую проходил по линии с. Пурех, д. Пестяки, с. Нижний Ландех, с. Мугреево-Никольское, с. Южа, село Слобода Холуй – д. Изотино – д. Шапкино – с. Б. Всегодичи – с. Эдэмское – с. Боголюбово – Владимир.

Первое документальное свидетельство об этой дороге мы встречаем за 1220 год (Нижний Новгород был основан в 1221 году), когда Святослав, брат великого владимирского князя Юрия, возвращаясь после успешного похода на булгар, достиг Городца. Здесь он «выидя из лодей и поиде к граду Володимиру на конях». Великий князь встречал брата-победителя у Боголюбова.[1]

Как известно, тело Александра Невского было встречено митрополитом Кириллом с духовенством, князьями, боярами и народом у Боголюбова; по словам летописца, земля стонала от вопля и рыданий. Наконец тело великого князя было перевезено во Владимир и 23 (30) ноября (четверг) 1263 года было погребено в соборной церкви Рождественского монастыря[2]. Церковь причислила князя к лику святых. С того времени благоверного князя Александра Ярославича чтили в числе небесных заступников Русской земли. Его знаменитые подвиги за

веру и землю оставили славную память на Руси и сделали князя самым популярным историческим героем от Владимира Мономаха до Дмитрия Донского. Неслучайно в год Куликовской битвы в 1380 году во Владимире были открыты мощи героя.

Память Александра Невского глубоко чтится в русском народе. Много храмов в честь князя стояло и стоит в городах и сёлах России. Самый большой храм страны – Исаакиевский собор – воздвигнут в Петербурге в память небесного покровителя Александра и Петра Великого, так как оба эти выдающихся защитника Руси родились 30 мая, в день, когда церковь чтит память преподобного Исаакия Далмацкого, жившего в IV веке новой эры.

Понимая особое значение в истории России фигуры Александра, император Пётр Алексеевич повелел перенести мощи святого благоверного князя в Санкт-Петербург, в специально построенный монастырь во имя Святой Троицы и святого Александра Невского. 290 лет назад (воскресение) 11 (22) августа 1723 года Владимиро-Суздальская земля простилась со святыней, 460 лет покоившейся во Владимире. Предполагалось 30 августа в память заключённого в этот день славного Ништадского мира со шведами (1721 г.) торжественно внести святые мощи в Санкт-Петербург, в специально построенный монастырь во имя Святой Троицы и святого Александра Невского (Александро-Невскую лавру). Но из-за опоздания «шествия» они были доставлены 1 октября (на день Покрова Божией Матери) в Шлиссельбург, где хранились до августа 1724 года. После пышных торжеств (30 августа 1724 года – воскресение) Пётр I постановил праздновать память Александра Невского 30 августа, праздник также стал общевойсковым. Кроме того, Церковь вспоминает Александра 23 ноября, в день погребения его во Владимире 750 лет назад.

Память князя увековечена и учреждением орденов Александра Невского: в петровские времена это было сделано в 1725 году. А в наши дни – в июле 1942 года. Именем защитника Отечества были названы и воинские подразделения, громившие фашистов во время минувшей войны.

Благоверный князь является небесным покровителем города Иваново-Вознесенска. Как известно, официальной датой образования города является 30 августа (четверг) 1873 года, когда страна 150-й раз отмечала день памяти защитника земли Русской. В этот торжественный день в присутствии главных лиц губернии после освящения Покровской церкви в качестве городского соборного храма и службы народу был объявлен Высочайший указ об учреждении города Иваново-Вознесенск [3]. Основание города отметили благотворительным актом – открытием Александровского детского приюта. По случаю праздника во всех церквях неумолкаемо звонили колокола, а вечером в иллюминированном центре был устроен фейерверк [4]. Эти события сопровождались переименованием главной улицы молодого города в улицу Александровскую (ныне проспект Ленина). Была сооружена и часовня во имя Александра Невского на пересечении улиц Садовой и Шереметьевской. Часовня (с 1882 г. церковь) была снесена в 1924 году. Кстати, по мнению известного ивановского истори-

ка-краеведа С. Ф. Логинова, будущий город должен был носить имя Александра Невского, то есть Александровск.

В нашей области храмы во имя благоверного князя сохранились в Шуе, Кинешме, Родниках, Холуе, в других городах и сёлах. В любом храме можно увидеть образ покровителя земли Русской, например, на стенах Преображенского собора в Иваново – два образа святого Александра – поясной и в полный рост. По результатам всенародного референдума «Имя России» Александр Невский был назван самым выдающимся лицом во всей истории России.

В этой связи требуется и детальное исследование истории образования самого города Иваново-Вознесенска.

Икона св. Александра Невского

Ещё в в 1845 году при поддержке Владимирского губернатора Данаурова местные «капиталистые» крестьяне хотели основать город в Вознесенской слободе, присоединив постепенно к ней близлежащие селения. Главной причиной, подтолкнувшей к этому шагу, была забота о совершенствовании производства, создании инфраструктуры текстильных слобод. Приписка в купеческие сословия оформлялась исключительно в городах, и поэтому местные предприниматели являлись купцами Москвы, Шуи, Нерехты и, естественно, крупные сборы и налоги оплачивались там. Кроме того, обилие предприятий а, следовательно, и людей, работающих на них, создавало сложности в управлении (один становой пристав на 15 тысяч жителей только села Иванова). Такое положение не могло не вызывать беспокойства у губернатора. Несмотря на эти веские причины, ходатайство местных текстильных предпринимателей, поддержанное губернатором, в декабре 1845 года было отклонено правительством.

Через год начинается подготовительная работа по организации Иваново-Вознесенского посада, который был образован в 1853 году.

В 1859 году Дума Вознесенского посада начала переписку с графом Шереметевым о выкупе территории села Иванова и крепостных крестьян по законам того времени. Это было условием учреждения городской общины на

Часовня Александра Невского в Холуе

месте помещичьего села и разрешения тут повседневной торговли. Владельцу за выкуп села было предложено 6% доходов и 700 тысяч рублей за 2200 крепостных душ. Дело о выкупе села для соединения его с Вознесенским посадом тянулось с 21 июля 1859 по 2 августа 1861 года. Граф требовал три миллиона серебром. Таким образом, вторая попытка образования города оказалась неудачной.

Вопрос о выкупе Иванова удалось решить только в 1869 году. В это время в селе существовало до 70 фабричных заведений, торговые обороты исчислялись несколькими миллионами рублей в год, и пошлины взымались, как со второклассного города. Ивановские крестьяне при получении свидетельств на право торговли платили повинность в доход Вознесенского посада, т.е. обременялись двойным налогом.

Это заставило сход крестьян-собственников села Иванова в сентябре 1869 года поставить вопрос о преобразовании села в город и присоединении к нему Вознесенского посада.

21 июля 1871 года император Александр II повелел соединить село Иваново и Вознесенский посад в безуездный город с наименованием его «Иваново-Вознесенск».

5 ноября 1871 года состоялось Высочайшее утверждение закона «О введении в действие Городового положения в городе Иваново-Вознесенске».

Городское самоуправление было учреждено 11 июля 1872 года.

В день памяти Александра Невского, 30 августа 1873 года в присутствии главных лиц губернии после освящения Покровской церкви в городской собор и службы в нём торжественно народу был объявлен высочайший указ об учреждении города Иваново-Вознесенска.

Службы полицейского управления и архитектуры появились в городе в 1874 году.

В 1995 году, когда вся страна отмечала 50-летие Победы над фашистской Германией и 775-летие со дня рождения защитника Русской земли, князя Александра Невского, по инициативе Шереметев-центра на проспекте Энгельса (ныне Шереметевский) была возведена часовня во имя святого. Тип часовни – столбянка, имеющая четыре мозаичных иконы. На двух иконах изображены покровители города Александр Невский и Богородица (икона Казанской). Особый интерес представляет образ святой Татьяны, покровительницы студенчества, помещённый здесь в память молодых горожан, погибших за Отечество. Святой Георгий, карающий Змея, завершает композиционный ряд образов.

1. Кучкин В.А. О маршрутах походов древнерусских князей на государство волжских булгар в XII – перв. пол. XIII вв.// Историческая география России X - нач. XX вв. Сб. статей. М. 1975. С. 31-45.
2. Толстой М.В. История русской церкви. Изд. Спасо-Пр. Валаамского монастыря. 1991. С.115.
3. Дьяков П.А., Дьяков А.Б. Материалы к дискуссии о дате возникновения города Иванова// Борисовский сборник. Вып.2. Иваново. 2011. С.54.
4. Тихомиров А.М. Иваново. Иваново-Вознесенск. Путеводитель сквозь времена. – Иваново: ИД «Референт». 2011. С.10.

Э. В. Фролова

Из истории Михаило-Архангельского храма села Лучкино Южского района

Село Лучкино, находящееся ныне на границе Южского и Савинского районов, принадлежит к древнейшим селениям современной Ивановской области. Еще в XIII столетии Лучкино входило в состав Стародубского княжества. От княжеской столицы города Стародуба на Клязьме село отделяло лишь 10 верст. Во второй половине XV века Лучкино вместе с ближайшими сёлами Алексино и Васильевское отошло к старшей ветви стародубской княжеской династии – князьям Ряполовским. Однако этим князьям недолго суждено было владеть самым большим уделом княжества. В 1499 г. после казни князя С. И. Ряполовского все его владения были отобраны государём.

Карта села Лучкино и его окрестностей. Середина XIX в.

В это время для укрепления централизованной власти великого князя удельные князья всюду лишались своих родовых владений и взамен получали новые земли, где влияние их было не столь велико. В число таких земель попало и село Лучкино. В начале XVI века великий князь Иван III пожаловал это село воеводе князю Михаилу Романовичу Мезецкому, происходившему из черниговской княжеской династии и лишившемуся к этому времени своего «родового гнезда» – города Мещевска (Мезецка) недалеко от Калуги. [1]

Князь М.Р. Мезецкий всего лишь три года был владельцем села Лучкино. В 1506 г. он вместе со своим вторым сыном Андреем был убит под Казанью. Село Лучкино с 32 деревнями и пустошами унаследовал князь Семен Михайлович Мезецкий. [2] Из сохранившихся документов можно предположить, что именно Лучкино являлось центром стародубской вотчины князей Мезецких. Именно с этим княжеским родом связано основание здесь Михаило-Архангельского монастыря. Основателем обители, по всей видимости, стал князь Михаил Романович Мезецкий. На территории небольшой обители находилось и старинное владельческое кладбище, следы которого местные крестьяне находили еще в XIX столетии.

Так, на одном из найденных древнем белокаменном надгробном памятнике удалось тогда прочитать следующую надпись: «князь... во иноцах Серапион». [3] Скорее всего, под ним был погребён князь Семён Михайлович Мезецкий. Именно он перед кончиной был пострижен в иноки Троице-Сергиева монастыря с именем Серапион.

На протяжении XVI столетия в Лучкине одновременно было два деревянных храма: монастырский Михаило-Архангельский и сельский Благовещенский с приделом в честь Рождества Христова. Монастырь в Лучкине можно назвать ружным, так как он полностью содержался на средства князей Мезецких. После кончины князя Семёна Мезецкого в 1558 г. село унаследовали, а, следовательно, стали и благотворителями монастыря его дочери княжны Марья и Федосья.[4] Они стали последними владельцами села из рода князей Мезецких.

Княжна Марья Семёновна Мезецкая, вышедшая замуж за князя Василия Ивановича Коврова, из рода князей Стародубских, уже в 1562 г. потеряла своего супруга, а к 1572 г. и сыновей Юрия, Александра и Семёна, не оставивших потомства. Её сестра княжна Федосья, выйдя замуж на князя Петра Борисовича Пожарского из князей Стародубских, также к 1572 г. стала вдовой. В 1572 г. сестры составили грамоту, по которой село Лучкино с деревнями они передавали Суздальскому Спасо-Евфимиеву монастырю на помин души своих родственников.[5] Таким образом, село Лучкино стало монастырским владением, коим и оставалось почти 200 лет.

Епископ Ксенофонт (Троепольский)

Пока село принадлежало князьям Мезецким, существовала и Михаило-Архангельская обитель. Потеряв в 1570-х гг. своих благотворителей, сельский монастырь вскоре запустел, и уже в документах XVII века о нём нет никаких упоминаний. В память об обители на месте деревянной приходской Благовещенской церкви был устроен Архангельский храм.

Деревянная Архангельская церковь в Лучкине просуществовала до начала XIX столетия. В 1804 г. тщанием крестьянина приходской деревни Изотино Михаила Васильева и священников Нестора Никитина и Василия Михайлова в Лучкине началось строительство каменного храма во имя святого архистратига Божия Михаила, который был освящён 24 июня 1812 г. епископом Владимирским и Суздальским Ксенофонтом (Троепольским). Придел в новоустроенном храме был один во имя святителя и чудотворца Николая. Одновременно с храмом на пожертвования прихожан и «доброхотных дателей» в Лучкине построили каменную шатровую колокольню и церковную ограду.[6]

Михаило-Архангельский храм села Лучкино

Со временем при лучкинском храме прихожане устроили каменную сторожку на три человека, над которой в 1890 г. возвели второй этаж,

где разместилась церковно-приходская школа, открытая в мае того же года по инициативе настоятеля храма священника Ивана Федоровича Сокольского.[7]

Помимо сторожки, Михаило-Архангельскому храму принадлежала деревянная входная часовня, которая стояла в полуверсте от церкви на кладбище, где прежде находился монастырь князей Мезецких. Сельское кладбище на месте древнего кладбища, известного у местных жителей под названием Княжее, было устроено в 1847 г. Через тридцать лет на средства прихожан кладбище обнесли каменной оградой.

Приход Михаило-Архангельской церкви села Лучкино составляли сельцо Афанасьевское (Маньшино), деревни Изотино, Михеево, Чураково и ныне несуществующие деревни Бурнаково, Кисляково, Редькино и Рязанки. И именно на средства прихожан, а это, в основном, крестьяне, долгие годы создавалось благолепие сельского храма. Особое старание проявляли, конечно же, церковные старосты. Среди них – крестьянин деревни Изотино Андрей Васильевич Болмотов, бывший церковным старостой с 1869 по 1886 гг. и неоднократно получавший за свою службу благодарности архиерея и духовной консистории, и крестьянин села Лучкино Василий Поликарпович Шанин, ставший его преемником и сделавший многочисленные пожертвования на украшение Михаило-Архангельского храма. Именно усердием В. П. Шанина в 1899 г. в лучкинской церкви была возобновлена стенная живопись. «За усердно полезную службу» церковный староста крестьянин В. П. Шанин неоднократно удостаивался благодарностей епархиального начальства и Св. Синода. Последним церковным старостой села Лучкино стал крестьянин деревни Редькино Федор Григорьевич Белокуров, исполнявший эту должность более 10 лет, с 1908 г.[8]

На сегодняшний день известны имена многих священников и настоятелей Михаило-Архангельского храма села Лучкино, начиная со второй половины XVI столетия и заканчивая его закрытием (см. Приложение №1.) Необходимо отметить, что долгое время церковь в Лучкине считалась трехприходной и двухприходной, и только с 1849 г. из-за недостаточного количества прихожан здесь был оставлен один причт.[9] Наибольшую известность из настоятелей сельского Михаило-Архангельского храма получил Матвей Лаврентьевич Вознесенский, троюродный брат митрополита Московского и Коломенского Макария (Невского), прослуживший в Лучкине 50 лет и бывший долгое время благочинным и ведомственным духовником.

Отдельного внимания заслуживает судьба последнего священника села Лучкино Сергея Александровича Смирнова. С.А. Смирнов происходил из духовного сословия. Родился он 16 июля 1874 г. в семье священника (затем протоиерея) села Малые Всегодичи Ковровского уезда Александра Васильевича Смирнова.[10] В 1878 г. о. Александра Смирнова перевели в село Великово, что в Медушах Ковровского уезда, где он прослужил до выхода за штат в 1911 г.[11] До сих пор в Великове недалеко от Благовещенской церкви сохранился дом, где долгие годы жила семья Смирновых.

В 1897 г. Сергей Смирнов закончил Владимирскую духовную семинарию, после чего несколько лет служил учителем в земских школах: сначала в том

Богородице-Рождественская церковь села Малые Всегодичи Ковровского района
и её настоятель священник Александр Васильевич Смирнов

же селе Великово, а затем в деревне Бараново Ковровского уезда. В 1900 г. по примеру родителя Сергей Смирнов был рукоположен во священника и назначен настоятелем храма Архангела Михаила в село Лучкино Ковровского уезда. Здесь о. Сергий прослужил более 30 лет, заслужив любовь и уважение своих прихожан. Он получил известность как прекрасный проповедник, лично знал каждого крестьянина обширного прихода. Около 20 лет священник С.А. Смирнов состоял действительным членом и казначеем Алексинского сельского попечительства детских приютов, а также был заведующим Алексинской библиотекой-читальней.

До 1917 г. отец Сергий получил множество духовных наград: набедренник, скуфью, камилавку, неоднократные благодарности епархиального начальства, но, как показали последующие события, старался он вовсе не ради знаков отличия.[12] После революции и установления власти большевиков священник Сергий Смирнов никак не изменил своего поведения, хотя ему предлагали перейти в обновленцы или даже вовсе сложить иерейский сан. Его проповеди по-прежнему собирали сотни людей, что не нравилось местным властям.

В 1933 г. Сергей Александрович Смирнов был в первый раз арестован и осуждён Южским нарсудом за «антисоветскую» и «антиколхозную»

Село Великово Ковровского района
и дом Смирновых

агитацию и приговорён к пятилетней ссылке.[13] Однако тогда Смирнова освободили досрочно, и уже через три года он вернулся в родные края. Правящий архиерей 70-летний архиепископ Владимирский и Суздальский Феодор (Яцковский) назначил священника Смирнова настоятелем храма Всех Святых в селе Эдемское, что рядом со станцией Новки и городом Камешково.

В Эдемском Сергей Александрович прослужил четыре года. 16 октября 1937 г. С.А.Смирнов был арестован вместе с двумя другими священниками братьями Петром и Иаковом Зяблицкими, служившими в соседних селе Патакино и Дмитриевском погосте, и препровождён в пересыльную тюрьму города Коврова. На многочасовых, в том числе ночных, допросах отец Сергий полностью отверг все возводимые на него обвинения. Тем не менее, уже 3 декабря того же года «тройка» при УНКВД по Ивановской области осудила «гражданина Смирнова» как «участника контрреволюционной группировки, контрреволюционного агитатора, пропагандировавшего против колхозов, конституции, налоговой политики СССР, распространявшего контрреволюционные вымыслы против ВКП(б)».

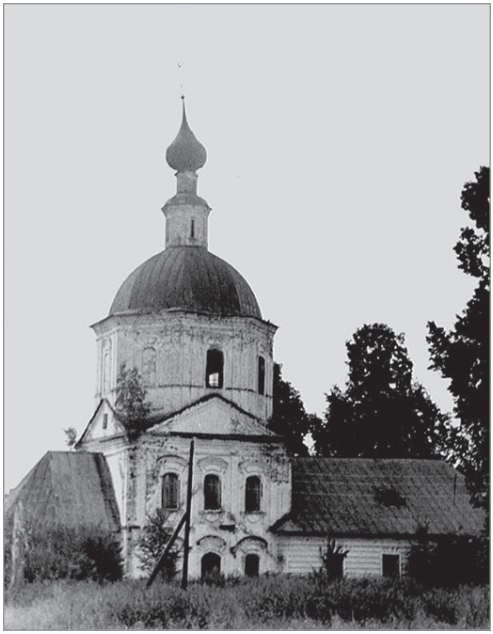
Приговор был предсказуем заранее: расстрел с конфискацией имущества. На следующий день после суда, 4 декабря 1937 г. отец Сергий был расстрелян во дворе ковровской тюрьмы.[14] Место его погребения неизвестно до сих пор. 20 марта 1989 г. прокуратура Владимирской области реабилитировала С. А. Смирнова «за отсутствием состава преступления».

Проходившие с ним по одному делу священники Пётр и Иаков Зяблицкие первоначально были приговорены к 10 годам лагерей, однако вскоре против них выдвинули новые, не менее фантастичные обвинения и расстреляли в Иванове 4 февраля 1938 г., ровно два месяца спустя после казни С.А. Смирнова.[15] Позже братьев Зяблицких также реабилитировали.

В августе 2000 г. Архиерейский собор Русской Православной Церкви причислил невинно убиенных иереев Петра и Иакова Зяблицких к лику святых в качестве новомучеников и исповедников Российских. А вот отец Сергий в число канонизированных почему-то не попал, хотя числился лидером «кон-

Сергей Александрович Смирнов
с супругой Капитолиной Михайловной

Село Эдемское Камешковского района – последнее
место служения отца Сергия Смирнова



Михаило-Архангельский храм села Лучкино. Фото 1991 г.

трреволюционной группы» и первым из трёх друзей-пастырей сложил свою голову за веру.

Как удалось установить, документы на канонизацию братьев Зяблицких готовились в Ивановской епархии, так как они были расстреляны в тогдашнем областном центре городе Иваново. Убитый же в Коврове священник Сергий Смирнов в поле зрения ивановцев вполне объяснимо не попал. Прискорбно, что во Владимирской епархии об этом достойном человеке также забыли. Наверное, подобную несправедливость надо исправить. И лучше это сделать поздно, чем никогда!

Михаило-Архангельский храм села Лучкино, где долгие годы служил невинно убиенный священник Сергий Смирнов, был закрыт

Михаило-Архангельский храм села Лучкино. Фото 2011 г.

в 1930-е гг. и до сих пор пребывает в запустении. Вскоре после закрытия церкви её колокольня и ограда были разобраны до основания. Не осталось и следа и от деревянной часовни на месте древнего княжеского кладбища, и от кладбищенской каменной ограды. Вплоть до конца 1990-х г. в лучкинском храме ещё сохранялись фрагменты высокого четырехъярусного иконостаса, стилизованного в духе барокко.[16] Однако в начале 2000-х гг. после пожара в здании храма остатки внутреннего устройства окончательно были утрачены, а церковный купол рухнул. До сих пор при Архангельском храме находится действующее кладбище, огороженное старым валом и рвом. Поблизости от него сохранился семейный некрополь купцов из местных крестьян Муравьёвых: в том числе надгробия ковровского купца Ивана Емельяновича Муравьёва (1786-19.02.1845) и жены житомирского купца Ивана Ивановича Муравьёва Матроны Петровны (1820-06.11.1845).

Несмотря на то, что с каждым годом всё меньше и меньше остаётся в древнем селе Лучкине постоянных жителей, надежда на его возрождение ещё сохраняется. И, может быть, к жизни примечательное историческое село вернёт восстановление Михаило-Архангельского храма, который совсем недавно стал приписным к южской церкви апостола Асинкрита.

1. Фролова Э.В. Монастыри стародубского края // Стародубский сборник. Вып.1. Ковров, 2005. С. 20.
2. Акты Суздальского Спасо-Евфимьева монастыря 1506-1608 гг. М., 1998. С. 95.
3. Борисов В. Старинное кладбище в селе Лучкине Ковровского уезда // Владимирские губернские ведомости. 1858. №4.
4. Акты Суздальского Спасо-Евфимьева монастыря 1506-1608 гг. М., 1998. С. 222.
5. Там же. С. 325.
6. Государственный архив Владимирской области (далее ГАВО). Ф.556. Оп.1. Д.3115.
7. ГАВО. Ф.556. Оп.109. Д.492. Л. 54-61.
8. ГАВО. Ф.556. Оп.1. Д.5053.
9. ГАВО. Ф.556. Оп.107. Д.355. Л. 2-3.
10. Архив отдела ЗАГС Ковровского района.
11. ГАВО. Ф.556. Оп.111. Д.1091. Л. 3-4.
12. ГАВО. Ф.556. Оп.1. Д.5053.
13. Архив УФСБ по Ивановской области. ДП-8249.
14. Боль и память. Книга Памяти жертв политических репрессий Владимирской области. Т.1. Владимир, 2001. С. 454.
15. Там же. С. 340, 423.
16. Свод памятников архитектуры и монументального искусства России. Ивановская область. Т.3. М. 2000. С. 659-662

Приложение №1

Священники Михаило-Архангельского храма села Лучкино

Иван Сергеев – упом. 1571/1572.
Фирс – упом. 1630-е гг.
Илья – упом. 1647.
Федот Лукьянов – упом. 1715.
Василий Иванов (1685* – ум. после 1715) – упом. 1715.

Матвей Иванов (1660* – ум. после 1715) – упом. 1715.

Василий Матвеев (1683* – ум. после 1767) – упом. 1715 – 1750, 1767 как заштатный, сын священника оного села Матвея Иванова.

Михаил Федоров – упом. 1750.

Тимофей Кириллов (1711* – ум. после 1767) – упом. 1767.

Иван Васильев (1715* – 1793) – упом. 1767-1785, сын священника оного села Василия Матвеева.

Василий Васильев (1722* – 1795) – упом. 1767.

Лев Федоров (1753* – ум. после 1787) – до 1787, священник с. Мугреево Вязниковского уезда (с 1787).

Нестор Никитин (1755* – 1831) – с 1787 по 1805 из с. Мугреево Вязниковского уезда, заштатный (с 1805), сын дьячка с. Мугреево Никиты Нестерова.

Василий Михайлов (1767* – ум. после 1834) – упом. 1795 – 1834 из дьячков села Воскресенское I Ковровского уезда.

Яков Петрович Любимов (1781* – ум. до 1850) – с 1805, упом. 1834, сын священника с. Егорьевское Шуйского уезда Петра Семёнова.

Дмитрий Васильевич Доброхотов (1815* – ум. после 1844) – с 1837 по 1844, окончил ВДС (1836), уволен в Тобольскую епархию (1844).

Андрей Афанасьевич Стратилатов (1822* – 1848) – с 1844 по 1848, окончил ВДС (1844).

Матвей Лаврентьевич Вознесенский (1814* – октябрь 1889) – с 1837 по 1887, сын священника с. Вознесенье (Медвежий Угол) Ковровского уезда Лаврентия Андреевича Эдемского, окончил ВДС (1836), обучаясь в семинарии, был лектором греческого языка в низшем её отделении, заштатный (с 1887), благочинный (08.08.1846-08.04.1864), духовник (с 29.03.1867), уполномоченный по делам духовных училищ в Шуйском училищном округе (1870-1873), уполномоченный на епархиальные съезды (1873-1876); награды: набедренник за труды по должности благочинного (18.08.1851), благословение Св. Синода (16.07.1854), скуфья (17.04.1857), наперсный крест в память Крымской войны (29.10.1858), камилавка (19.04.1869), признательность архиерея (27.09.1872), наперсный крест от Св. Синода (08.04.1873), орден св. Анны III ст. (26.03.1877).

Иван Фёдорович Сокольский (28.03.1860 – ум. после 1918) – с 1887 по 1899, сын священника с. Большие Всегодичи Ковровского уезда Фёдора Ивановича Сокольского, окончил ВДС (1882), учитель Всегодического земского народного училища (1882 – 1884), священник с. Шульгино Муромского уезда (1884 – 1887), с. Быково Ковровского уезда (с 1899, упом. 1918); учитель и законоучитель ЦПШ (1884 – 1887, 1890 – 1892, с 1899), законоучитель училища (с 1900); награды: благословения епархиального начальства (1890, 1892, 1903), Св. Синода (1897), набедренник (03.03.1892), скуфья (12.01.1899), камилавка (1909), наперсный крест (1917).

Сергей Александрович Смирнов (16.07.1874 – 04.12.1937, расстрелян) – с 1900, упом. 1933, сын протоиерея с. Великово, что в Медушах, Ковровского уезда Александра Васильевича Смирнова, окончил ВДС (1897),

учитель Великовского земского училища (1897 – 1899), законоучитель и учитель Барановского земского училища Ковровского уезда (1899 – 1900), заведующий и законоучитель ЦПШ (1900 – 1917), законоучитель народной школы (с 1917), законоучитель Михеевского народного училища (с 1914), действительный член Алексинского сельского попечительства детских приютов ведомства учреждений имп. Марии Федоровны (1901 – 1918), казначей при попечительстве (1902 – 1918), ответственный заведующий Алексинской библиотекой-читальней (1911 – 1917), арестован и осуждён Южским нарсудом на 5 лет высылки (1933, обвинение «антисоветская и антиколхозная агитация»), священник с. Эдемское Ковровского района (упом. 1937), арестован (16.10.1937) и приговорён к расстрелу с конфискацией имущества (ст. 58-10 УК РСФСР) тройкой при УНКВД по Ивановской области (03.12.1937, обвинение «участник контрреволюционной группировки, контрреволюционная агитация, пропаганда против колхозов, конституции, налоговой политики СССР, распространение контрреволюционных вымыслов против ВКП (б)»: групповое «дело священников о. Сергия Смирнова и братьев о. Иакова и о. Петра Зяблицких»), сидел в тюрьме г. Коврова, расстрелян (04.12.1937), реабилитирован прокуратурой Владимирской области (20.03.1989); награды: благословение архиепископа (1902), набедренник (март 1906), скуфья (апрель 1910), камилавка (апрель 1917).

К. Е. Балдин

Из истории Святоезерского монастыря в конце XIX – начале XX вв.

Одним из наиболее древних монастырей Ивановского края является Святоезерская пустынь. Предание относит её основание к XIV столетию, но письменные источники о ней датируются более поздним периодом. В ходе секуляризации церковных имуществ, проведённой при Екатерине II, монастырь был упразднён, церкви его долгое время относились к приходу соседнего села Нижний Ландех и постепенно ветшали, т.к. богомольцы сюда заходили не часто и пожертвований от них не предвиделось. В середине XIX в. благодаря пожертвованиям шуйского купца М.М.Посылина рядом с храмами на берегу Святого озера была основана богадельня, на базе которой возродился в 1860 г. монастырь, но уже не мужской, как ранее, а женский.

После его учреждения настоятельницей здесь была назначена монахиня Платонида из Владимирского Успенского монастыря, возведённая в сан игумены. Это выбор представлялся более чем удачным, Платонида оказалась энергичной и хозяйственной женщиной, она успешно руководила обителью в течение 32 лет до самой своей смерти, последовавшей 14 января 1892 г. Не раз она удостаивалась благодарностей от епархиального начальства, например, в 1865 г. ей была изъявлена признательность правящего архиерея с формулировкой «за попечение об устройстве вверенной ее смотрению обители».[1]

Первыми послушницами Святоезерского монастыря после его возрождения в середине XIX в. стали обитательницы богадельни, располагавшейся на берегу Святого озера. Их было сравнительно немного, в дальнейшем они приняли монашеский постриг. Например, одной из первых, кто заселился в богадельню Посылина, была крестьянская девица Ксения Кириллова, в монахини же она была пострижена только в марте 1867 года, т.е. через семь лет после основания монастыря.[2]

Постепенно он пополнялся новыми женщинами, которые решили удалиться от мира. Довольно часто это были жительницы селений, располагавшихся по соседству с обителью. Так, в декабре 1865 г. в послушницы Святоезерского монастыря были приняты крестьянские девицы из Нижнеландеховской волости Гороховецкого уезда – Анна Короспина из деревни Шишелово и Василиса Леонова из деревни Блиново.[3]

Со временем поступившие в обитель в качестве послушниц женщины продвигались дальше по лестнице монастырского служения. Например, в сентябре 1877 г. Мария Васильева и Агриппина Филиппова стали из обычных послушниц рясофорными, т.е. получили право носит рясу и клобук, но пока без пострижения. В 1879 г. послушницы Агриппина Романова, Екатерина Илларионова, Акилина Маркова, Евдокия Васильева приняли монашеский постриг с именами соответственно Алевтина, Евстолия, Асенефа и Евлампия.[4]

Вид Святоезерской пустыни с северо-западной стороны

По данным епархиального официоза в 1860-1880-х гг. в монастыре проживали также монахини Капитолина, Порфирия и Варсонофия. Последняя в 1889 г. была утверждена казначеей этой обители.[5]

По находящимся в нашем распоряжении источникам нельзя определить количество насельниц монастыря, но оно было очень невелико. Неслучайно в начале его работы были разосланы в другие женские обители приглашения к переходу во вновь открывшийся монастырь. Однако длинная очередь у ворот обители не выстроилась, хотя отдельные случаи перехода были. В частности, послушница Мария Антонова была переведена в 1876 г. из Троицкого монастыря в городе Муроме в Святоезерскую пустынь.[6]

Одним из первых священников Святоезерской пустыни был о. Иоанн Богословский, но в конце 1860-х гг. он ушёл на покой. Кто окормлял сестёр следующие полтора десятилетия, нам не удалось выяснить, но в 1885 г. в монастырь был определён в качестве священника о. Пётр Никольский, до этого служивший диаконом в ближайшем селе Лукино.[7]

В 1860-х гг. предположительно первым диаконом после восстановления обители был некто Вишенский. Что касается не священнослужителей, а церковнослужителей, то ими назначали тех, кто не сумел получить даже начального профессионального образования. В январе 1866 г. причётником в Святоезерский монастырь был назначен отчисленный из среднего отделения Шуйского духовного училища клирик с очень подходящей для нового места службы фамилией – Никанор Святоезерский.[8]

Материальное положение духовенства во второй половине XIX в. было довольно сложным. Какого-либо жалования от казны провинциальный клир практически не получал, поэтому можно было рассчитывать только на платы за требы и доброхотные даяния прихожан. Об уровне благосостояния святоезерских батюшек и их помощников свидетельствуют такие документы, как ведомости о сборе среди них средств для «воспособления наиболее нуждающемуся духовенству». Например, священник Святоезерской пустыни должен был раз в год внести на эти цели 2 р., а диакон – 1 р. Для сравнения укажем, что священники села Южи и Тихвинской церкви в Холуе были обязаны пожертвовать по 4 р. каждый. Это означало, что монастырь считался бедным по сравнению с зажиточными приходами в фабричном селе Юже и иконописном центре Холуе.[9]

Священно- и церковнослужителям не приходилось рассчитывать и на обеспеченную старость. Например, ушедшему за штат священнику Святоезерской пустыни о. Иоанну с 1868 г. была назначена пенсия в 90 р. в год, т.е. 7 р. 50 к.

в месяц. Семьи других членов клира могли рассчитывать на ещё меньшие выплаты: в 1871 г. вдовой дьячихе Святоезерского монастыря Евдокии Вишенской было назначено всего лишь единовременное пособие в 10 р. «на пропитание по особо уважительным причинам».[10]

Доходы монастыря были очень скромными и во многом зависели от щедрости церковных благотворителей. Государственная дотация составляла в 1860-х гг. всего 83 р. 99 р. и выдавалась раз в полгода[11]. Вклады в монастырь от частных лиц случались далеко не каждый год. Например, просто сказочной удачей оказалось дарение монастырю 10 тыс. рублей ценными бумагами от купца г. Елабуги Ивана Ивановича Стахеева в 1871 г. Вероятно, значительную роль в том, чтобы склонить купца к этому дару, сыграла игуменья Платонида, т.к. ей в этой связи была объявлена благодарность епархиального начальства[12]. Один из щедрых жертвователей, пожелавший остаться неизвестным, подарил пустыни в 1879 г. массивный колокол весом более чем в 203 пуда в качестве вклада за поминовение его усопших родителей[13].

Несмотря на видимую невооружённым глазом бедность монастыря, он должен был принимать участие в различных массовых сборах, которые проводились во Владимирской епархии. Так, ежегодно приходилось отдавать 100 р. на содержание женского епархиального училища, в котором учились дочери духовенства. В 1879 г. по всей стране был проведён сбор богослужебных вещей в пользу православных церквей в Болгарии, разорённых во время османского владычества и русско-турецкой войны 1877-1878 гг. Лепта святоезерских сестёр была довольно щедрой, и поэтому игуменье Платониде архиерей объявил благодарность. На Балканы с берегов Святого озера были направлены: два напрестольных одеяния, девять священнических риз, четыре подризника, одиннадцать епитрахилей, шесть воздухов, два покровца и другие предметы[14].

Крупным событием в жизни провинциального монастыря было освящение построенного в нём Казанского храма. Он был в значительной мере возведён на средства известного свой благотворительностью шуйского фабриканта Терентьева и его наследников. Эта церковь была рассчитана на 750 молящихся, украшена мрамором, гранитом, метлахской плиткой, здесь были использованы при строительстве бетонные своды. Освящать её приехал архиепископ Владимирский и Суздальский Николай, не побоявшийся пуститься в довольно длительное путешествие в один из самых дальних уголков своей епархии.

Святоезерская пустынь

17 (30) августа 1907 г. он выехал из Владимира поездом до Вязников, а отсюда на лошадях отправился в путешествие по просёлочным дорогам. По пути он остановился на время в селе Лукино. Здесь он совершил молебен в сослужении двух местных батюшек из Лукина и Мугреева-Никольского, при этом произнёс поучение о значении церковного звона.

18 августа епархиальный архиерей прибыл в Святоезерскую пустынь. У монастырских ворот он был встречен с церковным звоном благочинным монастырей епархии архимандритом Макарием, игуменьей Августой и сёстрами. Архипастырь осмотрел новый храм, который по величественности его архитектуры мог служить украшением не только любого уездного, но даже губернского города. Однако он пока не был ещё освящён, и богослужение 18 августа было совершено в Афанасьевской церкви, всенощное бдение в ней продолжалось до 10 часов вечера.

На следующий день утром началось освящение нового храма. Сначала вокруг него прошёл крестный ход с иконами и святыми мощами во главе с архиепископом. На службе пел не только местный хор, но и архиерейский, специально привезённый сюда для освящения. В три часа дня 19 августа высокопреосвященный Николай отбыл из монастыря, напутствуемый общей молитвой и церковным звоном, отправившись во Владимир тем же путем, которым он прибыл на Святое озеро[15].

Эти и другие фактически данные, извлечённые автором из местного официоза «Владимирских епархиальных ведомостей», к сожалению, дают возможность очень фрагментарно реконструировать определённый отрезок истории Святоезерской пустыни. Для дальнейшей работы по этой теме исследователям необходимо обратиться к архивным документам, хранящимся в фонде Владимирской духовной консистории, фонд которой освоен историкам пока очень поверхностно.

1. Владимирские епархиальные ведомости. 1865. № 2. С.85.
2. Там же.1867. № 8.Ч.оф. С.350.
3. Там же.1866. № 1. Ч.оф. С.14.
4. Там же.1877. № 19. Ч.оф.С.994; 1879. № 9. Ч.оф. С.231.
5. Там же1867.№ 8.Ч.оф. С.350; 1877. № 19.Ч.оф.С.994; 1889. № 3.Ч.оф. С.54. 6. Там же. 1876. № 16. Ч.оф..
7. Там же.1869. № 2. Ч.оф. С.73; 1885. № 16. Ч.оф.С.498.
8. Там же.1871.№ 23.Ч.оф.С.673; 1866. № 3.Ч.оф.С.100.
9. Там же.1867. № 20.Ч.оф.С.878. 880.
10. Там же.1869. № 2. Ч.оф.С.73; 1871. № 23. Ч.оф. С.673.
11. Там же.1865. № 5. Ч.оф. С.363.
12. Там же.1872. № 2. Ч.оф. С.36.
13. Там же.1879. № 8. Ч.оф.С.206.
14. Там же.1877. № 24.Ч.оф. С.1285; 1879. № 22.Ч.оф.С.598-599.
15. Там же.1907. № 35. Ч.неоф. С.538-540.

Л. М. Ветрова

Создание предпосылок возрождения Савинской росписи в рамках преподавания специальной вузовской дисциплины

Художественная роспись – это «почерк» народа, его живой и образный язык. Сохраняя традиционные предпочтения, роспись всегда отражает время и даже подвержена моде. Поэтому она не может устареть, а уж старинная роспись – это предмет вожделения собирателей и богатейший материал для исследователей.[1] Мало кому известно, что в нашей Ивановской области существуют традиции оригинальной росписи, сложившиеся в посёлке Савино. О соседних Палехе и Холуе много написано книг и сказано лестных слов. Но про Савинскую роспись вообще мало кто знает, потому что данный вид народного творчества сейчас не развивается, книг, рассказывающих об истории промысла и его особенностях нет, а старые мастера уходят из жизни.

Мастерицы расписывают изделия Объедовской фабрики

Но проблему исчезновения народного письма нельзя оставлять в таком положении. Среди множества глобальных проблем нашей современной жизни вопросы народного искусства могут показаться неактуальными и затерявшимися где-то на обочинах культуры. В данной ситуации первостепенное значение приобретает проблема сохранения ценностей культуры и её преемственности, с чем непосредственно связана судьба и непреходящая сущность народного искусства как существенной части культуры. В свете этого должны определяться социально-экономические условия функционирования народного искусства во всех формах его бытования.[2] Очевидно, что без вмешательства государства Савинский промысел, находящийся на грани исчезновения, вряд ли удастся сохранить.

Савинский район расположен на юге Ивановской области и граничит с Ковровским, Камешковским и Суздальским районами Владимирской области.[3] Прежде его нынешняя территория целиком входила в состав Ковровского уезда Владимирской губернии. Сами жители по-разному называют свой район: краем голубых озёр (их в районе больших и малых более ста), родиной коробейников... Больше всего Савинский район славился резчиками деревянных игрушек, которые, в основном, трудились на игрушечной фабрике в деревне

Объедово. На всех изделиях фирменный знак – изображение желторотого цыплёнка. Как вспоминает старейшая мастерица Л. А. Королёва, «фабрика была невелика и распределялась по цехам. В одном из них располагались художницы, они писали масляными красками с добавлением лака...» Здешние мастера сумели не только сохранить старые традиции художественной обработки дерева, но и развить, обогатить их.[4] Сколько поколений воспитано теми нехитрыми поделками на идеалах добра, человечности, благородства!

В годы Великой Отечественной войны на фабрике женщинам приходилось выполнять и мужскую работу. В 1960 г. предприятие было переименовано в фабрику «Игрушка», производившую деревянные игрушки, шахматы, лото, а с 1965 г. – сувениры из дерева, предметы кухонного обихода, а также детскую мебель. В настоящее время фабрика пребывает в упадке. Мастеров всё меньше и меньше. Выпускает фабрика только шахматы и лото. Художники там уже почти не нужны – их заменяют трафареты. А когда-то сувениры Объедовской фабрики «Игрушка» экспонировались на международных выставках в Монреале и Осаке.

В Загорском (Сергиево-Посадском) музее игрушек, например, на почётном месте выставлена одна из работ, созданная главным художником фабрики Т. Я. Фадеевой – детская театральная игра «Красная шапочка». Изделия фабрики также побывали на выставке в Швейцарии (1975 г.), были заключены договоры на поставку продукции с девятью странами Западной Европы, Азии, Африки (1976 г.). Спрос же на детскую забаву был куда больше, в том числе отправляли на заказ в Данию и Голландию около миллиона изделий более чем трёх десятков наименований.[5] Такой успех фабрики был связан, прежде всего, с появлением там собственной росписи.

История её такова: в 70-е гг. XX в. на фабрику приезжала бригада мастеров из Загорского института «Игрушки», целью которой было обучить местных рабочих технике мазковой росписи. «После этого появился объём, колорит и другой фон», – вспоминает Л.А. Королёва. По окончании специальных курсов приобретшие навык мастерицы стали работать самостоятельно, параллельно обучая других работниц технике новой росписи. Постепенно, получая опыт, мастерицы придумывали собственные авторские композиции, соединяя воедино элементы ряда традиционных народных росписей. Изучив элементы композиции, технику выполнения росписи, можно сделать вывод, что в Савинской росписи аккумулированы такие народные кистевые росписи, как Урало-Сибирская, Городецкая и Хохломская.

Лидия Королёва – молодой специалист фабрики «Игрушка». 1980-е годы

Художник-ветеран Л. Королёва проводит мастер-класс для студентов – будущих художников-искусствоведов

На фарфоровом заводе в Ликино-Дулёво Московской области издавна славится Кузнецовское письмо и цветочная роспись, идентичные Савинской. Особенно надо отметить «Агафьево письмо». Его технология очень примитивна – крестьянки обмакивали палец в краску и круговым движением, полуоборотом рисовали. Так получались лепестки цветов. Технология выполнения Савинской росписи схожа с технологией Урало-Сибирской мазковой росписи, что придавало живописность и объём. Савинцы использовали колорит, схожий с Городецкой росписью, а из Хохломской росписи позаимствовали нанесение «приписок» и «травинок», выполняемых чёрной краской. Савинская роспись имеет и свои уникальные особенности. Главное отличие в том, что в ней используются только цветочные мотивы. Композиция всегда симметрична и проста в исполнении. Как свидетельствует художник-ветеран Л. А. Королёва, «мы брали по чуть-чуть из каждого вида росписи, максимально упростили и привнесли что-то своё. В мотивах нет мудрёных названий, так и называли «цветы», «ягоды».

Побывав в Савинском музее, где сохранились образцы местной росписи, пообщавшись с музейными работниками и мастерицами, изучив местное творческое наследие, приходишь к выводу, что в данной росписи сочетается несочетаемое: живописность (объёмность элементов, техника) с декоративностью, которая присутствует в максимальной простоте элементов, яркости и сочности колорита. Савинское письмо отличается от других росписей милой аккумулятивной наивностью, но именно наивное нередко граничит с гениальным. На наш взгляд, это является главной особенностью росписи, которая отличает её от всех других кистевых росписей, чего и не хватает в учебной дисциплине.

Немногие уцелевшие образцы утвари и игрушек, украшенные Савинской росписью

Недаром писатели и философы подчёркивали взаимосвязь искусства с человеком. Например, Лев Толстой всегда утверждал, что искусство должно быть доступным всем, простым, как «красота солнца», оно «не терпит посредственности» и должно быть исключительно гуманным – направлять людей к добру и благу, для воспитания нравственности последующего поколения.[6]

А Владимир Соловьев полагал, что смысл всей истории человечества заключается в нравственном прогрессе только с помощью роста национального самосознания.[7] И такие выдающиеся педагоги, как В. А. Сухомлинский, К. Д. Ушинский, А. С. Макаренко, Н. И. Пирогов, подразумевали под воспитанием сердца выбор правильного направления развития личности; воспита-

ние чуткости ко всему святому, воли к совершенству; радости любви и вкуса к доброте – как противостояние негативным явлениям в жизни современного общества. А что, как не национальное, ближе к сердцу. Как будет развиваться умиление души и добросердечие у студентов, которые будут рисовать такую «наивную простоту», приобщаясь к родной культуре, воплощая её вновь.

Все, соприкасающиеся с волшебным миром Савинской росписи, непременно ощущают её самобытную красоту, которая наполняет нас позитивом, имеет эстетическое влияние на развитие и воспитание подрастающего поколения, несёт в себе ценности родного края, как народного достояния. Ведь для большинства из нас самосознание приходит через своё, родное. Следовательно, историческая судьба семьи, рода, поколений, создавших данный край, даёт глубинное понимание духовных и культурных ценностей, формирующих наши жизненные установки.[8]

Система российского образования на современном этапе развития общества претерпевает существенные изменения, связанные со сменой модели культурно-исторического развития. Поэтому в ВУЗах делается акцент на повышение профессионального уровня компетенций будущего специалиста. Так как Савинская роспись – часть декоративно-прикладного искусства Ивановского региона, то она может и должна занять подобающее место в рамках данной дисциплины в качестве одного из факторов повышения профессиональной компетенции специалиста по народным росписям. Поэтому необходимо искать пути сохранения и развития исконно ивановского письма. Одним из возможных является создание предпосылок восстановления Савинской художественной росписи путём включения её в вузовские региональные программы – дисциплины по народным традиционным художественным росписям, в особенности, на территории Ивановского края. Искусство раскрывает для человека мир реально существующей красоты, является источником духовного богатства, порождает у человека многократные и сложные переживания и с этой точки зрения является компонентом нравственного воспитания. Именно поэтому было выбрано народное творчество родного края, как средство передачи любви к малой родине и становления эстетической культуры личности.

Народный промысел объединяет людей общим делом, направляет творческую деятельность разных людей к одной цели. Таким образом, тот или иной народный промысел, как и всё народное искусство в целом – результат коллективного творчества, постоянно оттачивающего и совершенствующего культуру мастерства, художественного языка. Именно в силу своей специфики этот вид искусства позволяет в непринуждённой форме осуществлять нравственно-эстетическое, трудовое и, что особо важно в наше время, патриотическое воспитание. Простые и художественные изделия народного промысла помогают прививать детям, да и всем людям, любовь к родному краю, учить их видеть и любить природу, ценить традиции родных мест, уважать труд.[9]

Во-первых, для преподавания данной дисциплины необходимо разрабатывать учебные программы, создавать эскизы для росписи, буклеты, дидактические таблицы, в которые будут включены элементы росписи, карты, изображе-

ния предметов, которые там изготовлялись, и дидактический материал; а также приглашать на предмет опытных преподавателей, мастеров своего дела. Образцы росписи находятся в Савинском краеведческом музее. Во-вторых, чтобы заинтересовать молодёжь, необходимо принимать участие в творческих конкурсах, конференциях, смотрах и различных выставках. Развивать новые направления по росписи для получения признания – наград и дипломов, для того, чтобы иметь возможность выйти на региональный и межобластной рынок. Если роспись будут узнавать, она станет пользоваться спросом.

«Творческая мысль современного мастера не стоит на месте, но базой для творческих поисков является художественное наследие наших предшественников. Надо освоить этот творческий опыт и передать наши знания и мастерство молодежи – значит обеспечить будущее искусства».[10] Поэтому, после изучения традиционных технологий, можно дать волю творчеству в построении различных композиций, используя современные деревянные формы для росписи, не упуская характерных особенностей. Так традиция интерпретируется в образность и эмоциональность, тонкость манеры исполнения и сложность цветовой гаммы, обогащённой дополнительными оттенками изделий.[11] Таким образом, для сохранения и развития Савинской росписи как традиционного народного промысла Ивановской области необходимо включение её в специальную дисциплину по народным росписям в программу вузовского обучения.

1. Величко Н. Русская роспись. М., 2009. С.6.
2. Некрасова М.А. Народное искусство России в современной культуре. М., 2003. С.8, 115.
3. Шпикалова Т.Я., Ершова Л.В., Макарова Н.Р., Щирова А.Н. Ребенок и рукотворный мир // Родничок. Шуя, 2006. С.25.
4. Амоков В.Б. Народные Умельцы. Ярославль, 1990. С.87, 88.
5. Там же. С.89.
6. Немировская Л.З. Религия в духовном поиске Толстого // Культура и религия. 1992. №4. С.28, 29.
7. Афанасьева А.А. История философской мысли: 10-11 классы. Пособие для учителя. М., 2005. С.95.
8. Величко Н. Русская роспись. М., 2009. С.91.
9. Шпикалова Т.Я., Ершова Л.В., Макарова Н.Р., Щирова А.Н. Ребенок и рукотворный мир // Родничок. Шуя, 2006. С.10-12.
10. Емельянова Т.И. Золотая хохлома. Крань, 2001. С.16-17.
11. Ветрова Л.М. Бытование и пути развития Савинской кистевой росписи // Сохранение и развитие культурного и образовательного потенциала Ивановской области: Материалы межвузовской научной конференции (VII областной фестиваль «Молодая наука – развитию Ивановской области», 27 апреля 2011). Иваново - Шуя. 2011. С.62, 63.

Раздел V

Природа Южской земли

В. Н. Мельников, Д. Е. Чудненко, Г. П. Шмелёва,
О. А. Зубкова, Е. А. Худякова

Птицы памятников природы «Болото Ламна» и «Озеро Ламненское»

Авифауна Ламненского болота богата, разнообразна и при этом специфична.

В ходе проведённого обследования было выявлено 90 гнездящихся видов птиц. Наибольший интерес представляет водно-болотный комплекс. На верховом болоте гнездятся кулики (чибис, бекас, черныш), в том числе и редкие виды (большой улит, большой кроншнеп, большой веретенник). В лесах гнездится вальдшнеп. На открытых участках верхового болота сложились колониальные поселения большого веретенника (12-15 пар) и большого кроншнепа (5-7 пар). Численность вальдшнепа достаточно высока, на июньской вечерней тяге (в это время в токовании участвуют только местные птицы) отмечено 17 контактов, на утренней – 14. Таким образом, леса, прилегающие к Ламненскому болоту, являются хорошими угодьями для охоты на вальдшнепа.

Болото Ламна. Заросли хвощей

Северный берег озера Ламна, затянутый сплавиной

Кроме куликов, на болоте обитают большая выпь, погоныш, сизая и озёрная чайки, козодой. Из воробьиных – луговой конёк, жёлтая и желтоголовая трясогузки, камышевки – барсучок, болотная, садовая, речной сверчок, серая и садовая славки, тростниковая овсянка. Полный комплекс типичных болотных видов.

В пределах ООПТ, в лесах, прилегающих к болотам, гнездятся как обычные лесные виды (синицы, пеночки, дятлы, поползень, мухоловки, дрозды и т.п), так и редкие – зелёный дятел, дрозд деряба, юрок. Высоко разнообразие хищных птиц. Здесь гнездятся скопа, обыкновенный осоед, чёрный коршун, болотный, полевой и луговой луни, ястреба – перепелятник и тетеревятник (найдено жилое гнездо тетеревятника), обыкновенный канюк, чеглок. Был отмечен змееяд. Из сов выявлены ушастая и болотная сова, серая и длиннохвостая неясыти. Охотничьи виды – тетерев, глухарь, вальдшнеп.

На луговых участках гнездятся коростель, северная бормотушка, серая и садовая славки, луговой чекан, обыкновенная овсянка и др.

Виды, занесённые в Красную книгу Ивановской области:

СКОПА Pandion haliaetus

Отряд Соколообразные – Falconiformes, Семейство Скопиные – Pandionidae. Категория 1 – вид, находящийся под угрозой исчезновения. Очень редкий, возможно, гнездящийся вид.

Неоднократно отмечалась охота скопы над озером Ламна, во всех случаях скопа прилетала с окраины болота Ламненское, где, вероятно, и гнездится.

ЗМЕЕЯД Circaetus gallicus

Отряд Соколообразные – Falconiformes,Семейство Ястребиные – Accipitridae. Категория 1 – вид, находящийся под угрозой исчезновения. Очень редкий, вероятно, гнездящийся вид.

Один из редчайших видов Европы. В гнездовой период был встречен в окрестностях оз. Ламна. Характерный для змееяда ландшафт и обилие в районе исследования змей (основной добычи змееяда) позволяют нам с большой долей вероятности говорить о гнездовании вида.

БОЛЬШОЙ КРОНШНЕП Numenius arquata

Отряд Ржанкообразные – Charadriiformes, Семейство Бекасовые – Scolopacidae. Категория 3 – вид, имеющий низкую численность и спорадическое распространение на значительных территориях. Очень редкий гнездящийся вид. Выявлено два небольших колониальных поселения (по 3-4 пары) на болотах с севера и юга от озера. Птицы беспокоились при выводках, активно изгоняли с территории колонии пернатых хищников – чёрного коршуна, болотного луня, ворона, окрикивали наблюдателей.

ОСОЕД ОБЫКНОВЕННЫЙ Pernis apivorus

Отряд Соколообразные – Falconiformes, Семейство Ястребиные – Accipitridae Категория 3 – вид, имеющий низкую численность и спорадическое распространение на значительных территориях. Немногочисленный гнездящийся вид. На территории ООПТ гнездятся 2-3 пары осоедов.

ПОЛЕВОЙ ЛУНЬ Circus cyaneus

Отряд Соколообразные – Falconiformes, Семейство Ястребиные – Accipitridae. Категория 3 – вид, имеющий низкую численность и спорадическое распространение на значительных территориях. Немногочисленный гнездящийся вид. Отмечено токование самца луней на окраине болота Ламненское.

БОЛЬШОЙ УЛИТ Tringa nebularia

Отряд Ржанкообразные – Charadriiformes, Семейство Бекасовые – Scolopacidae. Категория 3 – редкий вид, имеющий локальное распространение. Редкий гнездящийся вид. Отмечены беспокоящиеся пары на окраине болота. В пределах ООПТ гнездится не менее 3 пар.

ДЛИННОХВОСТАЯ НЕЯСЫТЬ Strix uralensis

Отряд Совообразные – Strigiformes, Семейство Совиные – Strigidae. Категория 5 – вид, восстанавливающий свою численность. Очень редкий гнездящийся вид. Линные перья и погадки обнаружены вблизи заброшенной церкви в дер. Мал. Ламна.

ЗЕЛЁНЫЙ ДЯТЕЛ Picus viridis

Отряд Дятлообразные – Piciformes, Семейство Дятловые – Picidae. Категория 5 – вид, восстанавливающий свою численность. Немногочисленный гнездящийся вид. Регулярно гнездится в лесном массиве.

ЛУГОВОЙ КОНЁК Anthus pratensis

Отряд Воробьинообразные – Passeriformes, Семейство Трясогузковые – Motacillidae. Категория 3 – редкий вид, имеющий локальное распространение. Редкий гнездящийся вид. Территориальные пары, в том числе птицы с кормом для птенцов, отмечены на верховом болоте, в разных его местах.

ДЕРЯБА Turdus viscivorus

Отряд Воробьинообразные – Passeriformes, Семейство Дроздовые – Turdidae. Категория 5 – вид, восстанавливающий свою численность. Немногочисленный гнездящийся вид. Пение дерябы регулярно отмечалось в лесном массиве близ болота. Здесь же отмечали беспокойство птиц при выводках.

Виды, занесённые в Приложение к Красной книге Ивановской области:

БОЛЬШАЯ ВЫПЬ Botaurus stellaris

Отряд Аистообразные – Ciconiformes, Семейство Цаплевые – Ardeidae. Категория 5 – вид, восстанавливающий свою численность. Немногочисленный гнездящийся вид.

Брачные крики выпи регулярно регистрировались на разных участках Ламненского болота с тростниковыми выделами. Большое количество участков, заросших тростником, в мозаике болотных и водных станций обеспечивает высокую численность вида на ООПТ. Оценка численности затруднена вследствие чрезвычайно скрытного образа жизни, голосовой активности холостующих самцов.

ЛУГОВОЙ ЛУНЬ Circus pygargus.

Отряд Соколообразные – Falconiformes, Семейство Ястребиные – Accipitridae. Категория 5 – вид, восстанавливающий свою численность. Немногочисленный гнездящийся вид. Территориальные пары лугового луня регистрировались на периферийных участках болотного массива и у д. Большая Ламна. Всего выявлено не менее 6 пар луговых луней.

БОЛЬШОЙ ВЕРЕТЕННИК Limosa limosa.

Отряд Ржанкообразные – Charadriiformes, Семейство Бекасовые – Scolopacidae. Категория 5 – вид, восстанавливающий свою численность. Немногочисленный гнездящийся вид. Плотная гнездовая колония (12-15 пар) выявлена на юго-западной части болота.

БОЛОТНАЯ СОВА Asio flammeus.

Отряд Совообразные – Strigiformes, Семейство Совиные – Strigidae. Категория 3 – вид, имеющий низкую численность и спорадическое распространение на значительных территориях. Редкий гнездящийся вид. Территориальная пара отмечена на болоте с южной стороны от озера Ламна. При обследовании участка взрослые птицы с беспокойством летали над гнездовым участком. Поиск гнезда и птенцов не производили, вследствии наличия хищников, представляющих опасность для совят (чёрный коршун, ворон).

Краткие сведения об авторах публикаций

Балдин Кирилл Евгеньевич – доктор исторических наук, профессор, зав. кафедрой истории России Ивановского государственного университета, председатель Ивановского областного краеведческого общества, г. Иваново.

Барашков Владимир Викторович – пенсионер МВД, краевед, г. Владимир.

Варенцова Лариса Юрьевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России и краеведения Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского.

Ветрова Людмила Михайловна – аспирантка кафедры изобразительного, народного и декоративно-прикладного искусства и методики обучения Шуйского филиала ИвГУ, г. Шуя Ивановской обл.

Дьяков Павел Анатольевич – главный архитектор проекта, член Союза архитекторов России, город Иваново.

Зубкова Оксана Алексеевна – магистрант биолого-химического факультета ИвГУ, г. Иваново.

Козлов Юрий Викторович – к.и.н., зам. зав.кафедрой отечественной истории ИГАСУ, г. Иваново.

Кривцов Дмитрий Юрьевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры историографии и источниковедения ННГУ им. Н.И. Лобачевского, г. Нижний Новгород.

Лихачёв Алексей Евгеньевич – священник, кандидат богословия, настоятель храма Смоленской иконы Божией Матери, г. Южа.

Мельников Владимир Николаевич – кандидат биологических наук, доцент кафедры ботаники и зоологии ИвГУ, научный руководитель.

Морозова Людмила Евгеньевна – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН

Печкин Михаил Борисович – председатель Холуйского отделения общественной организациии «Союз художников России», с. Холуй Южского района.

Потёмкина Татьяна Васильевна – учитель истории муниципальной средней основной школы № 3 г. Южи Ивановской области, г. Южа Ивановской обл.

Тупицын Иван Владимирович – искусствовед, г. Санкт-Петербург.

Федотов Николай Борисович – директор Павловского исторического музея, г. Павлово Нижегородская область.

Фролов Николай Владимирович – краевед, журналист, г. Ковров Владимирской обл.

Фролова Элла Владимировна – к.и.н., директор Ковровского районного краеведческого музея, г. Ковров Владимирской обл.

Худякова Екатерина Александровна – магистрант биолого-химического факультета ИвГУ, г. Иваново.

Чудненко Дмитрий Евгеньевич – кандидат биологических наук, доцент кафедры ботаники и зоологии ИвГУ.

Шмелёва Галина Павловна – магистрант биолого-химического факультета ИвГУ, г. Иваново.

Якушкина Марина Михайловна – научный сотрудник отдела письменных источников Государственного исторического музея, г. Москва.

Содержание

Раздел I. История, культура и искусство Холуя

М. Б. Печкин. Лаковой миниатюре Холуя – 80 лет 3
М. М. Якушкина. Материалы к истории села Холуй в первой половине XIX века 10
В. В. Барашков. Истоки художественного образования в селе Холуй 52
И. В. Тупицын. Создание Комитета Попечительства о Русской Иконописи.
Роль Н.Н. Харламова 57
М. Б. Печкин. История организации Холуйской художественной профтехшколы 68

Раздел II. Проблемы изучения смутного времени

А. Е. Лихачёв, священник. Нравственные предпосылки Смутного времени 77
Л. Е. Морозова. Имел ли права на престол князь Д. М. Пожарский? 91
Д. Ю. Кривцов. Проблема поиска «истинного царя» и идея «царского счастья» в годы Смуты 94
Л. Ю. Варенцова. «Пожаловать дворцовой Толоконцевской волостью...». 107

Раздел III. История Южской земли и смежных с ней

Н. В. Фролов. Маньшино – забытая усадьба «хозяина уезда» 115
Н. Б. Федотов. Действия органов Павловского крестьянского общества 121
А. М. Семененко. Город Южа в конце 1920-х годов 128
Т. В. Потёмкина и группа учащихся МБОУ СОШ N3. Хранитель истории земли Южской 132

Раздел IV. Сохранение духовной культуры

П. А. Дьяков, Ю. В. Козлов. Александр Невский и Ивановский край. 136
Э. В. Фролова. Из истории Михаило-Архангельского храма села Лучкино Южского района 142
К. Е. Балдин. Из истории Святоезерского монастыря в конце XIX – начале XX вв. 151
Л. М. Ветрова. Создание предпосылок возрождения Савинской росписи
в рамках преподавания специальной вузовской дисциплины 155

Раздел V. Природа Южской земли

В. Н. Мельников, Д. Е.Чудненко, Г. П. Шмелёва, О. А. Зубкова, Е. А. Худякова.
Птицы памятников природы «Болото Ламна» и «Озеро Ламненское» 161

Пожарский юбилейный альманах

Выпуск № 8

К 80-летию лаковой миниатюры Холуя

Редакторы-составители – М. Б. Печкин, А. Е. Лихачёв
Художник – Н. А. Сафаров
Компьютерная вёрстка, дизайн – А. А. Сурков
Фотографии – авторов статей

Подписано в печать 23.10.14. Формат 60x84 1/16. Усл. печ. л. 9.
Тираж 500 экз. Заказ № 132632.

Отпечатано в типографии «А-Гриф»
153000, г. Иваново, ул. Красной Армии, 7А
Тел. (4932) 936-940
www.agrif.ru